

100 YEARS
LOBACHEVSKY
UNIVERSITY
1916 – 2016

LOBACHEVSKY
UNIVERSITAS

ВСЕЛЕННАЯ
ЛОБАЧЕВСКОГО

Нижний Новгород
Nizhny Novgorod
Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
Publishing House of Lobachevsky State University
2015

УДК 378.4 (084)
ББК Ч484(2/5)711.9я61
В84

Составители:

Р. В. Голубин, Е. Н. Емельянова, И. С. Ильина, А. А. Кузнецов, А. Н. Маслов, А. В. Морохин,
Г. М. Полотовский, Н. А. Уткина

В84 **LOBACHEVSKY UNIVERSITAS. ВСЕЛЕННАЯ ЛОБАЧЕВСКОГО:** К 100-летию Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского / Сост. Р. В. Голубин, Е. Н. Емельянова, И. С. Ильина [и др.]; пер. на англ. В.Н. Подгускова, Е.Б. Ходыревой. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2015. – 155 с.

ISBN 978-5-91326-344-5

Издание посвящено Николаю Ивановичу Лобачевскому (1792–1856) – великому русскому математику, одному из создателей неевклидовой геометрии, уроженцу Нижнего Новгорода. В основу иллюстрированного альбома легли копии архивных материалов, связанных с биографиями Н.И. Лобачевского и его современников. Публикация приурочена к столетнему юбилею (2016) Нижегородского государственного университета – одного из крупнейших российских университетов, который с 1956 г. носит имя выдающегося ученого, педагога и организатора науки.

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-91326-344-5

УДК 378.4 (084)
ББК Ч484(2/5)711.9я61

© Нижегородский госуниверситет
им. Н.И. Лобачевского, 2015

Compiled by

R.V. Golubin, E.N. Emelyanova, I.S. Ilyina, A.A. Kuznetsov, A.N. Maslov, A.V. Morokhin, G.M. Polotovskiy,
N.A. Utkina

Translated by V.N. Podguskov, E.B. Khodyreva

LOBACHEVSKY UNIVERSITAS. LOBACHEVSKY'S UNIVERSE.

To the centenary of Lobachevsky State University. Nizhny Novgorod: Publishing House of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2015.

ISBN 978-5-91326-344-5

The publication is dedicated to Nikolai Ivanovich Lobachevsky (1792-1856) — a great Russian mathematician, creator of non-Euclidean geometry, a native of Nizhny Novgorod. The basis of the illustrated album is provided by copies of archival materials relating to the biographies of N.I. Lobachevsky and his contemporaries. The publication is timed to celebrate the centennial (2016) of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod — one of the leading Russian universities which has been bearing the name of this outstanding scientist, teacher and organizer of science since 1956.

The book is intended for a wide readership.

ISBN 978-5-91326-344-5

© Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	7
УНИВЕРСИТЕТ КАК ПРИЗВАНИЕ.....	9
НА ПОЧВЕ УЧЕНОСТИ И ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ.....	23
ПРОСТРАНСТВОМ ДОВОЛЬСТВУЯСЬ МАЛЫМ... ..	43
ИЗЛАГАТЬ ЯСНО И УВЛЕКАТЕЛЬНО... ..	79
СМЕЛЫЕ ИСТИНЫ	101
ОБРЕТАЯ БЕССМЕРТНОЕ ИМЯ.....	115
Дополнительная литература	155

CONTENT

A word to the reader	7
UNIVERSITY AS VOCATION	9
ON THE GROUNDS OF LEARNING AND PUBLIC SPIRIT	23
SATISFIED WITH SMALL SPACE... ..	43
TO EXPOUND CLEARLY AND CAPTIVATINGLY... ..	79
DARING TRUTHS.....	101
GAINING AN IMMORTAL NAME	115
Further reading	155

Н.И. Лобачевский.
1830-е – начало 1840-х гг. XIX в.
Портрет кисти художника Л. Крюкова

N.I. Lobachevsky.
1830s – early 1840s of the 19th c.
Portrait by L. Kryukov

Дорогие друзья!

Нижегородский государственный университет готовится в ближайшее время отметить две знаменательные даты. Первая из них – столетие со дня основания. Вторая – это шестидесятая годовщина присвоения нашему вузу имени великого земляка Николая Ивановича Лобачевского. Гением Лобачевского в XIX веке преобразована не только мировая математическая традиция, но и университетская культура России.

Будучи ректором Казанского университета, попечителем и, позднее, помощником попечителя Казанского учебного округа, выдающийся русский математик неустанно трудился на научной и просветительской ниве, без остатка отдавал себя совершенствованию высшего образования в российской провинции. Усилиями Н.И. Лобачевского и его коллег была воспитана плеяда талантливых выпускников, содействовавших приумножению славы и мощи нашего Отечества. Среди них также немало нижегородцев.

Широчайший кругозор, оригинальное видение сложных исследовательских проблем, исключительная верность принципу объективности – те неотъемлемые черты научного служения Н.И. Лобачевского, которые вряд ли утратят актуальное звучание, пока жива собственно университетская идея.

Dear friends!

Nizhny Novgorod State University is preparing to celebrate soon two significant dates. The first one is the centenary of its foundation. The second one is the sixtieth anniversary of the day when the name of our great fellow townsman Nicolai Ivanovich Lobachevsky was conferred on our university. In the 19th century Lobachevsky's genius transformed not only the world's mathematical tradition but also Russian university culture.

As the rector of Kazan University, the trustee and later assistant trustee of Kazan school district, an outstanding Russian mathematician, he tirelessly worked in the scientific and educational field; he fully devoted himself to the improvement of higher education in the Russian provinces. Thanks to the efforts of N.I. Lobachevsky and his colleagues a galaxy of talented graduates was educated who contributed to augmenting the glory and power of our Motherland. Among them there are also many people from Nizhny Novgorod.

The broadest mind, an original vision of complex research problems, exceptional loyalty to the principle of objectivity – these are inalienable features of the scientific service of N.I. Lobachevsky, which are unlikely to lose their topicality as long as the idea of the university itself is alive.

Древние римляне не напрасно говорили: «Имя – это знамение!». Университет Лобачевского встречает свое столетие, соответствуя идеалам глубокого, многопланового диалога педагогических традиций и новаций, всестороннего взаимодействия классических гуманитарных дисциплин и фундаментальной науки, – тем идеалам, которыми некогда был движим сам Николай Иванович.

Альбом «Вселенная Лобачевского», который вы держите в руках, – дань памяти о великом радетеле университетской науки, русском «Копернике геометрии». В основе книги – материалы, собранные историками в архивах, библиотеках, музеях Нижнего Новгорода, Казани, Москвы, Санкт-Петербурга. Они позволят вживую приобщиться к основным вехам биографии Н.И. Лобачевского и «географии» воспоминаний о нем в российской и зарубежной культуре. Накануне славных юбилеев 2016 года пожелаем читателям сугубо позитивного восприятия *новых пересечений прошлого и современности*.

Ректор Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского – Национального исследовательского университета, профессор
Е.В. Чупрунов

The Ancient Romans did not say “Nomen est omen!” in vain. Lobachevsky University greets its centenary meeting the ideals of deep, multifaceted dialogue of pedagogical tradition and innovation, those ones of comprehensive interaction of classical humanities and fundamental science – the ideals that once guided Nikolai Ivanovich himself.

The album “Lobachevsky Universe” which you are holding in your hands is a tribute to the memory of the great guardian of university science, Russian “Copernicus of geometry”. The basis for this book is provided by the materials collected by historians in the archives, libraries, museums of Nizhny Novgorod, Kazan, Moscow, and St. Petersburg. They will allow you to become familiar with the landmarks of the biography of N.I. Lobachevsky and “geography” of memories of him in Russian and foreign culture. On the eve of the glorious anniversaries of 2016 let us wish the readers purely positive perception of *new intersections of the past and the present*.

Rector of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod – National Research University, Professor
E.V. Chuprunov

УНИВЕРСИТЕТ КАК ПРИЗВАНИЕ UNIVERSITY AS VOCATION

Шестьдесят лет Нижегородский государственный университет носит имя всемирно известного математика Николая Ивановича Лобачевского, что, безусловно, оказывает и прямое, и опосредованное влияние на развитие нашей *Alma Mater*. Следует напомнить этимологию слова «университет». Оно восходит к латинскому *universitas*, переводимому как «объединение, совокупность». Однако у этого слова существует и еще одно значение. Наряду с однокоренным термином *universum*, оно нередко обозначает Вселенную, реальный мир в широком философском смысле.

Nizhny Novgorod State University has been bearing the name of world-famous mathematician Nikolai Ivanovich Lobachevsky for sixty years, which, of course, has both direct and indirect impact on the development of our *Alma Mater*. Etymology of the word “university” should be recalled here. It comes from the Latin *universitas*, translated as “unity, totality”. However, this word has another meaning. Along with the term *universum* of the same root, it often refers to the Universe, the real world in a broad philosophical sense.

A handwritten signature in black ink, reading "N. I. Лобачевский". The signature is written in a cursive style with a long, horizontal flourish underneath.

Любой классический университет, функционируя как совокупность, тесное сплетение множества научных дисциплин, претендует на охват своими изысканиями абсолютно всех областей мироздания. Настоящий университет всегда нацелен на постижение *всего мира*. И эта общая идея определяет пересечение, казалось бы, «параллельных» наук, – например, физики и социологии, истории и химии, экономики и биологии... В свое время Николай Иванович Лобачевский, увлекшись самыми разными дисциплинами и научными темами, раздвинул вселенские горизонты человечества и обусловил будущие грандиозные открытия в постижении Универсума. Но и сам университет – это крайне сложный мир, пронизанный совершенно особыми профессиональными и человеческими отношениями, предпочтениями, интересами. Выступать организатором университета – значит брать на себя огромную ответственность, быть готовым к постоянному усложнению видимых и невидимых скреп этого мира. Гениальный ученый и организатор Николай Иванович Лобачевский сумел соотнести между собой самые различные уровни бытования науки, преподавания, университетской культуры, став для современников и потомков примером служения истине и Отчизне.

Any classical university functioning as close interlacement of many scientific disciplines claims to embrace absolutely all areas of the universe in its research. A real University is always aimed at the comprehension of *the whole world*. And this general idea defines the intersection of seemingly “parallel” sciences – such as physics and sociology, history and chemistry, economics and biology ... In his time Nikolai Ivanovich Lobachevsky, fascinated by a variety of disciplines and scientific topics, broadened universal horizons of humankind and conditioned the future great discoveries in understanding the universe. But a university itself is an extremely complex world, imbued with very special professional and human relationships, preferences, interests. To be the organizer of a university means assuming a huge responsibility, being prepared for the increasing complexity of visible and invisible braces of this world. Being a brilliant scientist and organizer, Nikolai Ivanovich Lobachevsky was able to correlate a wide variety of levels of existence of science, teaching, university culture, becoming an example of service to the truth and the motherland for his contemporaries and descendants.

В университетской традиции давно сложилось убеждение, что талантливый исследователь – зачастую посредственный преподаватель, а яркий лектор – как правило, ученый так себе. Выдающиеся успехи на одном поприще, казалось бы, должны компенсироваться «отдыхом природы» в других сферах. Лобачевский опровергает данный стереотип. Он и администратор, и ректор-строитель, и замечательный преподаватель, и гениальный ученый, и философ-мыслитель, и просто смелый человек (только при наличии отваги можно было вбросить в мир принципиально новую идею об организации пространства). В некоторых из этих ипостасей мы попытались представить Н.И. Лобачевского на страницах данного альбома.

За вошедшими в книгу очерками стоит большой труд. Приблизиться к пониманию феномена Лобачевского подчас весьма проблематично, – прежде всего из-за того, что многие документы, касающиеся биографии гениального ученого, до нас не дошли. Сохранившиеся же до наших дней источники оказались рассеянными по разным архивам и библиотекам за пределами Нижнего Новгорода – преимущественно, в Республике Татарстан. В этой связи хочется выразить благодарность коллегам из Казанского (Приволжского) федерального университета и Национального архива Республики Татарстан за помощь в подготовке настоящей книги.

Нижегородский государственный университет смело можно уподобить вселенной, которая родилась в недрах революционного взрыва второго десятилетия XX в. Через сорок лет после своего создания (став к тому же Горьковским) университет получил имя Н.И. Лобачевского. За эти сорок лет вуз прошел сложный путь. Ему приходилось бороться за выживание. Но к 1956 г. наш университет представлял собой особенный, не похожий на иные провинциальные вузы, мир. На биологическом факультете генетику мужественно отстаивал С.С. Четвериков; созданный в 1945 г. радиофизический факультет уже внес свою лепту в создание ядерного щита страны;

It has been acknowledged in the university tradition for a long time that a talented researcher is often a mediocre teacher, and a bright lecturer is, as a rule, a mediocre scientist. Outstanding achievements in one field, it would seem, should be compensated by “the rest of nature” in other areas. Lobachevsky refutes this stereotype. He is a manager and a rector-constructor, a wonderful teacher and a brilliant scientist, a philosopher-thinker and merely a brave man (only with courage could one throw a fundamentally new idea of the organization of space into the world). We have attempted to present N.I. Lobachevsky in some of these roles on the pages of this album.

There is great work behind the essays included in the book. To approach the understanding of the phenomenon of Lobachevsky is sometimes very difficult – especially because of the fact that many documents relating to the biography of this brilliant scientist have not reached us. The sources which have survived are scattered in different archives and libraries outside Nizhny Novgorod – mainly in the Republic of Tatarstan. In this connection we would like to thank our colleagues from Kazan (Volga Region) Federal University and the National Archives of the Republic of Tatarstan for their assistance in preparing this book.

Nizhny Novgorod State University could safely be compared to the universe which was born in the depths of a revolutionary upheaval of the second decade of the 20th century. Forty years after its creation (becoming, moreover, GSU – Gorky State University) University was named after N.I. Lobachevsky. During those forty years, the university passed a difficult path. It had to fight for survival. But by 1956 our university had become a special, different from other provincial universities, world. At the Faculty of Biology S.S. Chetverikov courageously defended genetics; the Faculty of Radio physics created in 1945 had already contributed to the creation of the “nuclear shield” of the country;

Суперкомпьютер «Лобачевский», установленный в одном из корпусов Нижегородского государственного университета (ННГУ).

Supercomputer "Lobachevsky" installed in one of the buildings of Nizhny Novgorod State University.

высококласными академическими исследованиями своих ученых был известен историко-филологический факультет. Активно развивалась и математическая мысль. Именно в Горьковском университете в 1963 г. был открыт первый в СССР факультет вычислительной математики и кибернетики. Спустя пятьдесят с небольшим лет, в 2015 г., в Университете Лобачевского начал действовать Институт информационных технологий, математики и механики. Ему предназначено стать центром развития и популяризации математических знаний, разработки инновационных методов и технологий преподавания математических дисциплин в масштабах всей России.

Успехи математиков ГГУ–ННГУ на научном и образовательном поприще обусловили запуск в нашем университете 26 мая 2014 г. суперкомпьютера с пиковой производительностью 570 Tflops. Эта машина, входящая в первую сотню подобных гигантов на всей планете и занимающая четвертое место среди компьютеров для супервычислений в российских вузах, тоже носит имя Лобачевского. Заметим, что суперкомпьютер «Лобачевский» сегодня размещается совсем неподалеку от дома, где в конце XVIII века проживали родители Николая Ивановича. Суперкомпьютер еще не заработал на полную мощность, но хочется верить, что когда-нибудь он или подобные ему машины помогут сегодняшним студентам и молодым ученым Нижегородского госуниверситета совершать собственные открытия, которые изменят в лучшую сторону наш мир.

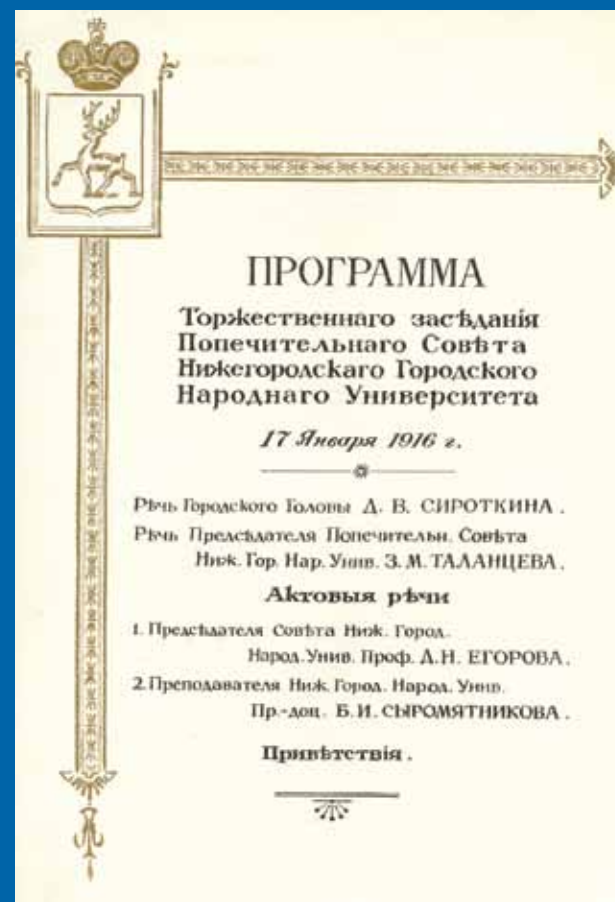
the Faculty of History and Philology was known for high-class academic research of its scholars. Mathematical thought was actively developing, too. It was in Gorky State University where in 1963 the first in the USSR Faculty of Computational Mathematics and Cybernetics was opened. Fifty-odd years after this, in 2015, the Institute of Information Technology, Mathematics and Mechanics began working at Lobachevsky University. It is destined to become a center for the development and popularization of mathematical knowledge as well as for the development of innovative methods and technologies of teaching mathematics across Russia.

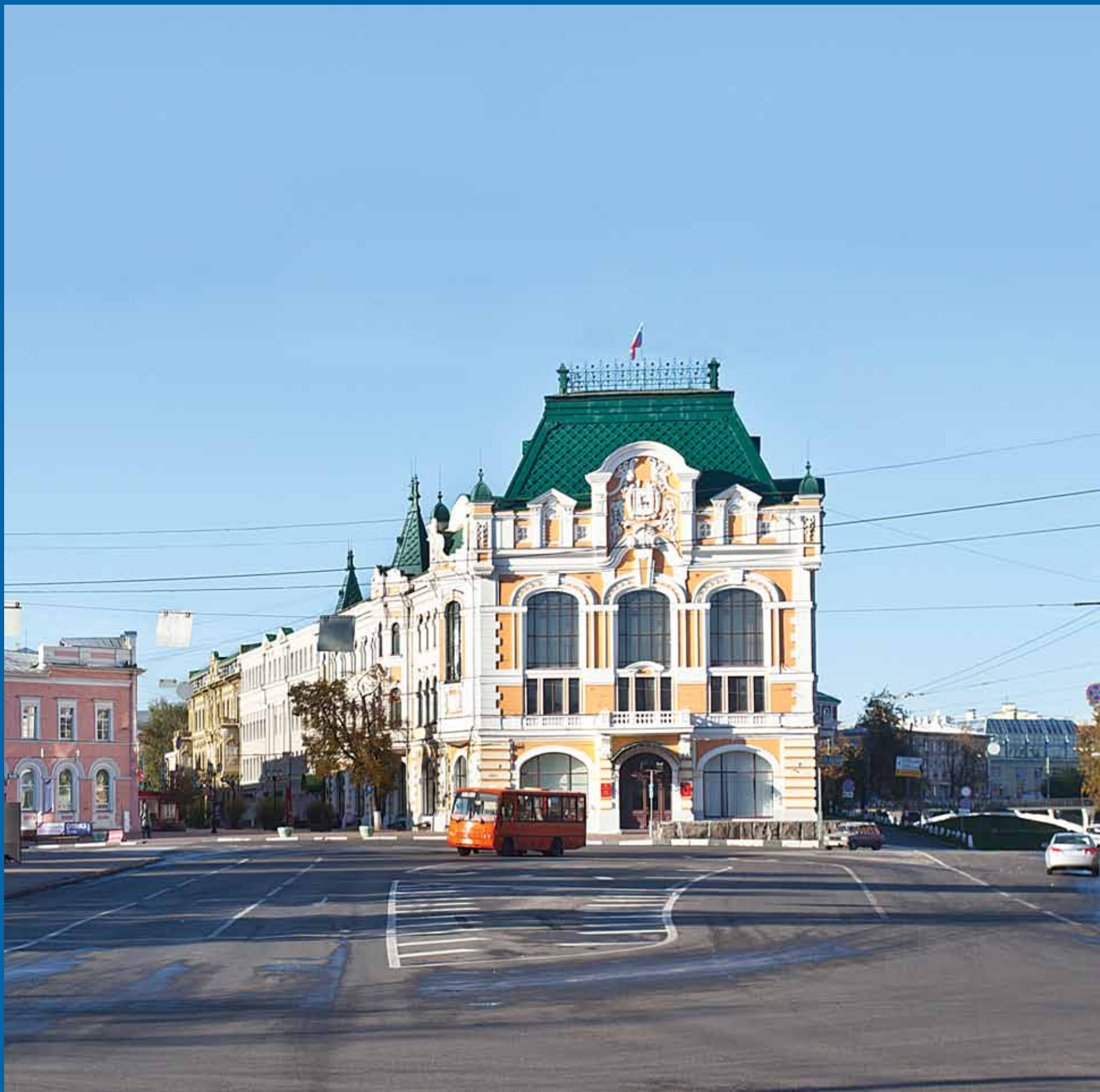
The successes of mathematicians of GSU–UNN in the scientific and educational fields led to the installation of a supercomputer with a peak performance of 570 Tflops at our University on May 26, 2014. This machine which is in the first hundred of such giants on the planet and which ranks the fourth among computers for supercomputing in Russian universities also bears the name of Lobachevsky. Note that today the supercomputer "Lobachevsky" is located not far from the house where Lobachevsky's parents lived at the end of the 18th century. The supercomputer is not running at full capacity yet, but we want to believe that one day it or similar machines will help today's students and young researchers of Nizhny Novgorod State University make their own discoveries that will change our world for the better.

Торжественное
открытие
Нижегородского
городского народного
университета.
Зал заседаний
Нижегородской
Городской думы.
31(17) января 1916 г.
Городской народный
университет стал базой
для создания в 1918 г.
Нижегородского
государственного
университета (НГУ).

The inauguration
of Nizhny Novgorod
Municipal People's
University.
The Assembly Hall
of Nizhny Novgorod
City Council.
January 31 (17), 1916.
The Municipal People's
University became the
basis for the creation of
Nizhny Novgorod State
University (NSU) in 1918.

Здание Нижегородской Городской думы (в наши дни – Дом судебной коллегии) на Благовещенской площади (ныне – площадь Минина и Пожарского). Фото начала XX в. и современный вид.

Nizhny Novgorod City Council building (nowadays the House of the Judicial Board) in Blagoveshchenskaya Square (now Minin and Pozharsky Square). Photo of the early 20th c. and modern view.

**Дмитрий Федорович
Синицын**
(1871–1937)
– ректор
Нижегородского
народного
университета,
первый ректор НГУ
(1918–1919).

**Dmitry Fyodorovich
Sinitsyn**
(1871–1937), rector
of Nizhny Novgorod
People's University, the
first rector of NSU
(1918–1919).

Здание Нижегородской духовной семинарии на Семинарской площади (ныне – пл. Минина и Пожарского). В 1930-е гг. Нижегородский (Горьковский) государственный университет занимал бывшее здание духовной семинарии.

Nizhny Novgorod Theological Seminary building in Seminarskaya Square (now Minin and Pozharsky Sq.) In the 1930s Nizhny Novgorod (Gorky) State University occupied the former Theological Seminary building.

Преподаватели
Варшавского
политехнического
института,
эвакуированного
в Нижний Новгород.
1916 г.
Политехнический
институт в 1918 г. вошел
в состав учрежденного
советским
правительством
Нижегородского
государственного
университета.

Lecturers of Warsaw
Polytechnic Institute
evacuated to Nizhny
Novgorod. 1916.
In 1918 the Polytechnic
Institute formed a part of
Nizhny Novgorod State
University established by
the Soviet government.

Один из старейших корпусов университета на ул. Большой Покровской, 37.
Фото первых послевоенных лет и современный вид.

One of the oldest university buildings in 37 Bolshaya Pokrovskaya St.
Photo of the first postwar years and modern view.

Студенты
Горьковского
государственного
университета (ГГУ)
в лаборатории
химфака. Фото 1936 г.

Gorky State University
(GSU) students in
the laboratory of the
Faculty of Chemistry.
Photo of 1936.

Корпус университета
на ул. Ульянова, 2.
До 1963 г. в здании
размещался
химический
факультет ГГУ.

University building in
2 Ulyanov St.
The Faculty
of Chemistry of GSU
was located in this
building until 1963.

Главный корпус ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

The main building of Nizhny Novgorod State University (UNN) named after N.I. Lobachevsky.

Строительство второго (учебно-административного) корпуса в университетском городке было закончено в 1963 г.

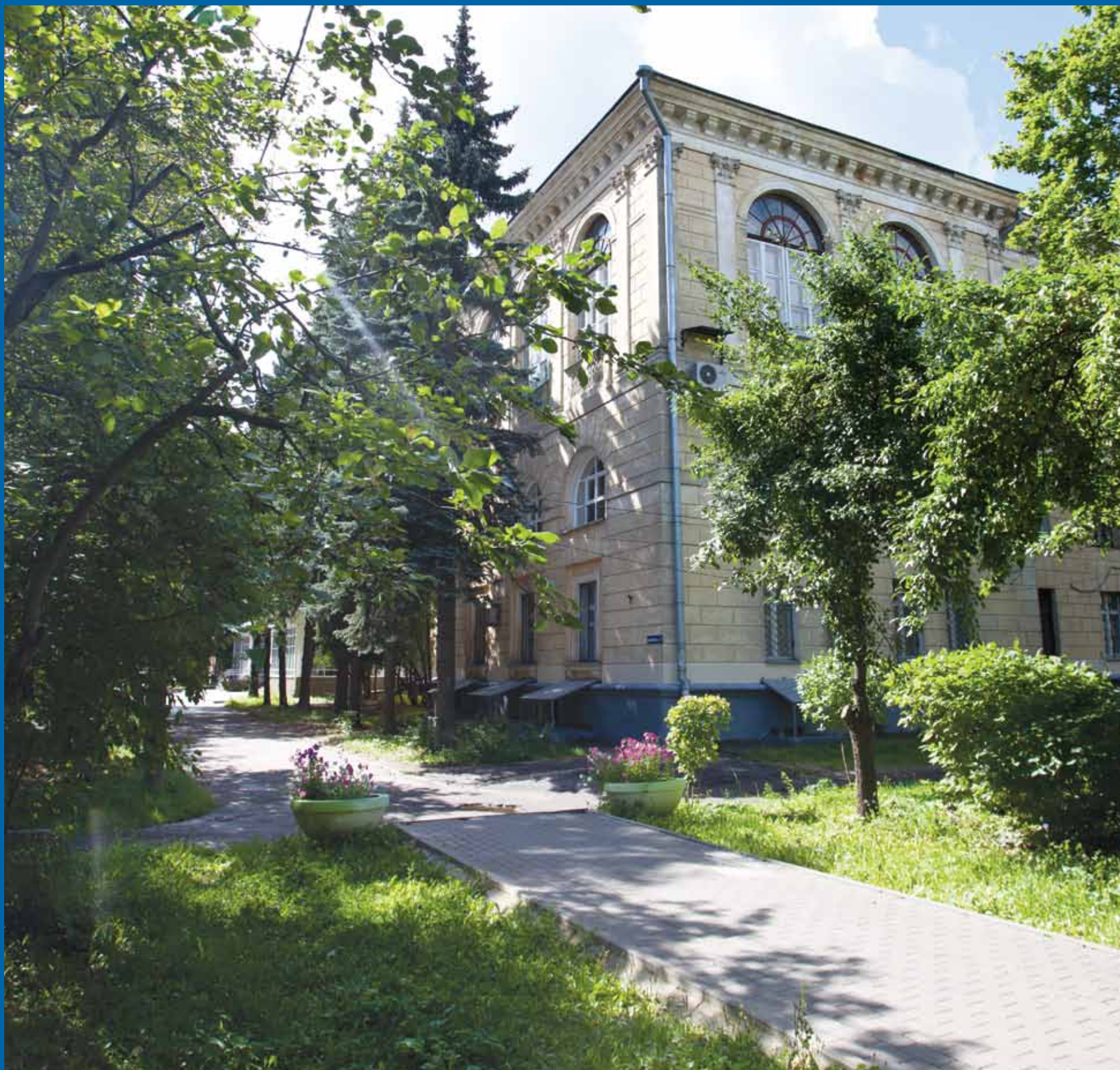
The construction of building 2 (educational and administrative) of the university campus was finished in 1963.

Первый корпус университета, введенный в строй в 1958–1959 гг.

Building 1 of the university which was put into service in 1958–1959.

Первый корпус университета. Фото 1960-х гг. и современный вид.

Building 1 of the university. Photo of the 1960s and modern view.

Сотрудники
ГИФТИ и физико-
математического
факультета ГГУ.

The staff of GRPTI
and the Faculty
of Physics and
Mathematics of GSU.

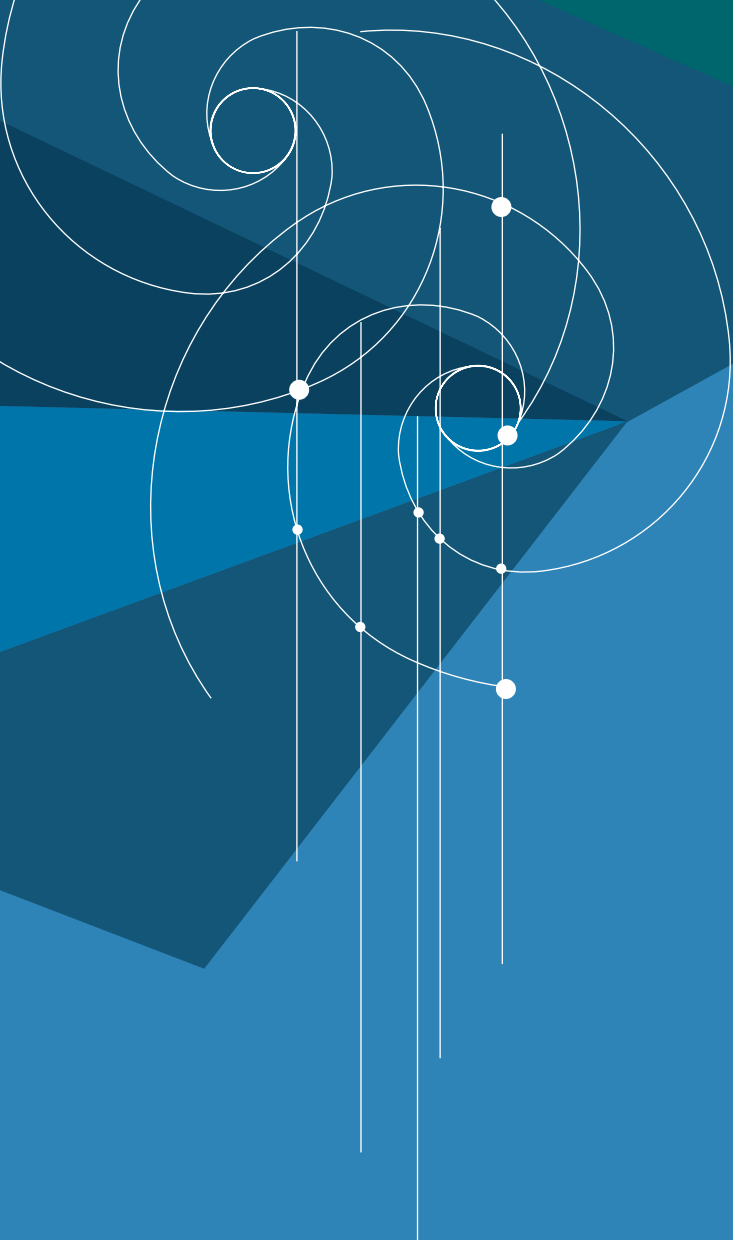
Одна из первых
советских ЭВМ –
машина ГИФТИ.
Конец 1950-х гг.

One of the first
Soviet computers,
GRPTI machine.
The late 1950s.

Корпус университета на ул. Ульянова, 10.
В 1932–1965 гг. здание занимал Горьковский
исследовательский физико-технический институт
(ГИФТИ) при ГГУ.

University building in 10 Ulyanov St.
From 1932 to 1965 this building was occupied by
Gorky Research Physics and Technology Institute
(GRPTI) at GSU.

НА ПОЧВЕ УЧЕНОСТИ И ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ ON THE GROUNDS OF LEARNING AND PUBLIC SPIRIT

Масштаб личности раскрывается при соотнесении ее с окружающими характерами. И восхищаясь всесторонней эрудицией, интеллектуальной мощью, огромной работоспособностью Н.И. Лобачевского, нельзя не коснуться среды, в которой они вырастивались, совершенствовались или испытывались на прочность. Многие представители этой среды, пусть и не составив серьезной конкуренции великому ученому на ниве «пангеометрии», символизируют отдельную эпоху в истории российской науки и образования – эпоху формирования русской интеллигенции. Лобачевский, гений которого осветил еще совсем молодую университетскую традицию России, может в равной мере считаться истинным интеллектуалом и интеллигентом, обретшим собственную идентичность на почве любви к науке и бескорыстного служения Отечеству. Не стараясь представить очередной биографический очерк, посвященный Н.И. Лобачевскому, попытаемся вспомнить о людях, повлиявших на его становление как ученого и педагога.

The scale of a personality can be revealed by correlating it with surrounding characters. And, admiring comprehensive erudition, intellectual power, great working capacity of N.I. Lobachevsky, we cannot neglect the environment in which they were nurtured, improved or tested for durability. Many representatives of this environment, though not being serious competitors to the great scientist in the field of “pangeometry”, symbolize a particular epoch in the history of Russian science and education – the era of the formation of the Russian intelligentsia. Lobachevsky, whose genius illuminated quite young university tradition in Russia, may equally be considered a true intellectual and intelligent who gained his own identity on the intersection of love for science and selfless service to the motherland. Not trying to present another biographical sketch devoted to N.I. Lobachevsky, let’s try to remember the people who influenced his development as a scientist and a teacher.

Нижний Новгород
в XIX в.
Из альбома
А. Карелина и
И. Шишкина. 1870 г.

Nizhny Novgorod
in the 19th c.
From the album
by A. Karelin and
I. Shishkin. 1870.

Говоря о формировании личности нашего прославленного земляка, следует помнить, что первые годы его жизни до отъезда в Казань (1792–1802) пришлось на период заметных изменений в нижегородском образовании. В Нижнем Новгороде работает Главное народное училище (которое, возможно, посещал и Николай Лобачевский), усиливается рядом светских дисциплин учебная программа местной семинарии, делает первые шаги губернская типография. Сюда прибывает все больше молодых служащих, которые прошли обучение в Москве и Санкт-Петербурге. Одним из них был С.С. Шебаршин, являющийся, вероятно, отцом нашего героя. Заметно оживляется интеллектуальная и культурная жизнь как таковая. Нижний уже может гордиться творениями архитекторов Я.А. Ананьина и Я.Д. Никлауса, механиков И.И. Немейера и, конечно, И.П. Кулибина (в 1801 г. вернувшегося в родной город из северной столицы). Благодаря деятельности художника П.А. Веденцкого начинается полноценное преподавание живописи.

Примерно в то же время в Нижнем Новгороде складывается кружок интеллигенции, занимавшийся изучением литературы и искусств. Этому немало способствовал приток в город образованной молодежи из разных уголков империи.

Speaking about the formation of the personality of our illustrious fellow townsman, we should remember that the first years of his life before his departure to Kazan (1792–1802) coincided with a period of noticeable changes in the education of Nizhny Novgorod. At that time the Main Public school was working in Nizhny Novgorod (which might be attended by Nikolai Lobachevsky); the curriculum of the local seminary was reinforced with a number of secular subjects; the provincial printing house was making its first steps. More and more young employees who had been trained in Moscow and St. Petersburg were coming here. S.S. Shebarshin, who is perhaps the father of our hero, was one of them. The intellectual and cultural life as such was becoming noticeably more active. Nizhny could already be proud of the works of architects Ya.A. Ananyin and Ya.D. Niklaus, mechanics I.I. Nemeyer and, of course, I.P. Kulibin (who returned to his native city from the northern capital in 1801). Thanks to the activity of artist P.A. Vedenetsky full-fledged painting teaching began.

Approximately at the same time in Nizhny Novgorod a circle of intelligentsia was formed that studied literature and arts. An influx of educated young people from different parts of the empire to the city significantly contributed to this.

Вид на университетские здания
со стороны Булака, Казань.
Акварель И. Белоногова. 1842 г.

View of university buildings
from Bulak, Kazan.
Watercolor I. Belonogov. 1842.

Так, губернский регистратор С.А. Москотильников (1768–1852), приехавший из Вологды, играл в ярославском «вольном» театре, сочинял стихи, оды и басни, сотрудничал с журналом Н.И. Новикова «Утренний свет». Местные интеллектуалы – М. Веревкин, В. Бобровский, С. Иванов – активно обсуждали издание «еженедельного сочинения» под названием «Провинциальный зритель». Устраивались совместные чтения книг и журналов, обсуждения прочитанного. Душой нижегородского литературного кружка являлся известный в городе педагог и поэт Яков Васильевич Орлов (1775–1819), бывший соседом Лобачевских в Нижнем Новгороде.

В городе, однако, еще не была открыта гимназия, и потому решение матери Николая Лобачевского Прасковьи Александровны об отправке сыновей в Казань для обучения вполне закономерно. Как уже сказано выше, поступлению Николая Лобачевского в Казанскую гимназию могло предшествовать посещение занятий в нижегородском Главном народном училище. Хотя прямые указания на пребывание юного Лобачевского в этом заведении отсутствуют (архив гимназии, в котором могли находиться соответствующие документы, был уничтожен пожаром), видится вполне логичным предположение о том, что без серьезной общеобразовательной подготовки он вряд ли мог стать гимназистом.

For example, provincial registrar S.A. Moskotilnikov (1768–1852), who came from Vologda, played in the “free” Yaroslavl Theater, wrote poems, odes and fables, actively cooperated with N.I. Novikov’s magazine “Morning Light”. Other local intellectuals – M. Veryovkin, V. Bobrovsky, and S. Ivanov – were actively discussing the publication of “weekly writings” entitled “Provincial Viewer”. Collective readings of books and magazines were arranged, as well as reading discussions. Yakov Vasilyevich Orlov (1775–1819), who was a popular educator and poet in the city and a neighbor of the Lobachevskys in Nizhny Novgorod (1775–1819), was the soul of the Nizhny Novgorod literary circle.

In the city, however, there was not yet a gymnasium, and therefore N.I. Lobachevsky’s mother Praskovya Alexandrovna’s decision to send her sons to Kazan to study there was quite natural. As mentioned above, before Nikolai Lobachevsky entered Kazan gymnasium, he could have attended Nizhny Novgorod Main Public school. Although there is no direct proof of young Lobachevsky’s attendance of this school (the archive of the gymnasium, where relevant documents could be stored, was destroyed by fire), it seems quite logical that without a thorough general education he could hardly become a gymnasium pupil.

И.Ф. Яковкин, директор Казанской гимназии и фактический руководитель Казанского университета в 1805–1813 гг.

I.F. Yakovkin, director of Kazan gymnasium and the actual head of Kazan University from 1805 to 1813.

Г.И. Карташевский, учитель математики Казанской гимназии.

G.I. Kartashevsky, mathematics teacher of Kazan gymnasium.

Программа обучения в Казанской гимназии, вновь открытой в 1798 г., для своего времени была очень основательной, что позволяло ее выпускникам впоследствии состояться в самых разных сферах деятельности. Здесь преподавались латинский, французский, немецкий языки, логика и практическая философия, право, геометрия, тригонометрия, землемерие, гражданская архитектура, механика, физика, гидравлика, история, военные дисциплины, фехтование, рисование, музыка и танцы. Чтобы понять, в какой среде провел свои гимназические годы Лобачевский, стоит вспомнить о других учениках Казанской гимназии начала XIX века. А это, к примеру, известный в будущем русский писатель, литературный и театральный критик, общественный деятель Сергей Аксаков (1791–1859), братья Василий (1785–1851) и Дмитрий (1788–1880) Перевощиковы, впоследствии ставшие академиками, известнейший поэт и государственный деятель Владимир Панаев (1792–1859), крупный государственный деятель Александр Княжевич (1792–1872; в 1858–1862 гг. министр финансов Российской империи) и его старший брат Дмитрий (1788–1844), занявший со временем пост попечителя Одесского учебного округа и учредивший Одесское общество истории и древностей. Все они внесли достойнейший вклад в развитие России. К числу преподавателей гимназии (а позднее и Казанского университета), которые сыграли наиболее заметную роль в биографии Н.И. Лобачевского, относят обычно И.Ф. Яковкина, обучавшего гимназистов истории и географии, учителя физики И.И. Запольского и, особенно, математика Г.И. Карташевского. Последний, по-видимому, сумел привить любовь к своему предмету и юному Лобачевскому. Помимо математики, гимназист Лобачевский (судя по характеристике, данной ему одним из наставников, «весьма прилежный и благонравный») отметился особыми успехами в изучении латинского языка.

Следующий этап ученичества начался для Н.И. Лобачевского с поступления в Казанский университет (1807). Несмотря на хорошую учебу в гимназии, стать студентом будущему профес-

The curriculum of Kazan gymnasium, which was re-opened in 1798, was very thorough for its time, which allowed its graduates to succeed in various spheres of activity afterwards. There were taught such subjects as Latin, French, German, logic and practical philosophy, law, geometry, trigonometry, land surveying, civil architecture, mechanics, physics, hydraulics, history, military disciplines, fencing, painting, music and dance. In order to understand the environment in which Lobachevsky spent his school years, it is worth remembering other students of Kazan Gymnasium at the beginning of the 19th century. This is, for example, Sergei Aksakov (1791–1859), who would later be a well-known Russian writer, literary and theater critic and social activist; the brothers Vasily (1785–1851) and Dmitry (1788–1880) Perevoshchikovs, who later became academicians, famous poet and statesman Vladimir Panaev (1792–1859), outstanding statesman (Finance Minister in 1858–1862) Alexander Knyazhevich (1792–1872) and his older brother, Dmitry (1788–1844), who later filled the post of the trustee of Odessa school district and founded Odessa Society of History and Antiquities. All of them made a great contribution to the development of Russia. Among gymnasium teachers (and later those of Kazan University), who played the most prominent role in the biography of N.I. Lobachevsky, we can name I.F. Yakovkin who taught gymnasium students history and geography, physics teacher I.I. Zapolsky and especially mathematician G.I. Kartashevsky. The latter, apparently, managed to instill love for his subject into young Lobachevsky. In addition to mathematics, schoolboy Lobachevsky (judging by a testimonial given to him by one of the teachers, “quite studious and well-behaved”) was marked by outstanding achievements in the study of the Latin language.

The next stage of learning began for N.I. Lobachevsky with his admission to Kazan University (1807). Despite his good learning

С.Я. Румовский

S.Ya. Rumovsky

И.Х.М. Бартельс

J.C.M. Bartels

сору, декану и ректору удалось лишь со второй попытки. Одной из причин мог быть юный возраст испытуемого, ведь даже на момент зачисления в студенты Лобачевскому не исполнилось и пятнадцати лет. Университет в первые годы после открытия (1804) еще не сильно отстал по уровню преподавания от гимназии, на базе которой он, собственно, и действовал. Назначенный попечителем Казанского учебного округа (1803) знаменитый математик (ученик великого Леонарда Эйлера) и астроном, академик Степан Яковлевич Румовский (1734–1812) в силу преклонного возраста практически самоустранился от организационных и административных вопросов, предоставив решать их И.Ф. Яковкину (фактически руководившему и гимназией, и университетом). Не обошлось без острых конфликтов, в результате которых часть педагогов (в их числе Г.И. Карташевский) оказалась отстранена от преподавания. Вместе с тем, используя свои связи в европейских университетах, С.Я. Румовский обеспечил прибытие в Казань нескольких высококлассных иностранных профессоров, которые вывели подготовку русских студентов на качественно новый уровень.

Первым из этих профессоров должен быть назван Иоганн Христиан Мартин (иначе – Мартин Федорович) Бартельс (1769–1836), до приезда в Россию (1808) учившийся и преподававший в разных уголках Германии. Он не был выдающимся ученым и, тем не менее, помог состояться двум величайшим математикам своего времени. В бытность помощником учителя в одном из училищ Брауншвейга Бартельс познакомился с юным Карлом Фридрихом Гауссом, став на время его наставником и навсегда – добрым товарищем. В Казани в числе любимых студентов профессора «чистой математики» Бартельса мы находим Н.И. Лобачевского. По рекомендации Бартельса в Россию был приглашен еще один немецкий преподаватель – К.Ф. Реннер (1780–1816), выпускник Гёттингенского университета, занявший в Казани кафедру прикладной математики (1808). Двумя годами позже сюда приехали работать швей-

performance at gymnasium, the future professor, dean and rector managed to become its student only at the second attempt. One of the reasons could be the young age of the enrollee, because even at the time of enrollment, Lobachevsky was not even fifteen years old. The University in its early years after the opening (1804) was not much different from the gymnasium in terms of teaching, on the basis of which it actually functioned. The appointed trustee of Kazan school district (1803), famous mathematician (disciple of great Leonhard Euler) and astronomer, academician Stepan Yakovlevich Rumovsky (1734–1812) due to his old age almost withdrew from the organizational and administrative issues leaving them to I.F. Yakovkin to solve (who in fact managed both the gymnasium and the university). There were some bitter conflicts which resulted in the fact that some teachers (including G.I. Kartashevsky) were suspended from teaching. However, using his connections at European universities, S.Ya. Rumovsky organized the arrival in Kazan of several renowned foreign professors who brought the training of Russian students to a new level.

The first of these professors was Johann Christian Martin (aka – Martin Fyodorovich) Bartels (1769–1836), who had studied and taught in different parts of Germany before coming to Russia (1808). He was not an outstanding scientist and, nevertheless, helped the two greatest mathematicians of his time to succeed. In his tenure as an assistant teacher at one of the schools in Braunschweig, Bartels met young Carl Friedrich Gauss and first became his mentor and then a good friend. In Kazan we can find N.I. Lobachevsky among the favorite students of Professor of “pure mathematics” Bartels. On the recommendation of Bartels another German teacher was invited to Russia – K.F. Renner (1780–1816), a graduate of the University of Göttingen, who headed in Kazan the Department of Applied Mathematics (1808). Two years later Swiss

Ф.К. Броннер

F.X. Bronner

Й.И. Литтров

J.J. Littrow

царец Ф.К. Броннер (1758–1850) и австриец Й.И. Литтров (1781–1840), ставшие, соответственно, ординарными профессорами физики и астрономии. Среди лучших учеников Броннера и Литтрова – опять-таки молодой Лобачевский. Наряду с ним, чаще других похвал удостоивается Иван Михайлович Симонов (1794–1855), будущий астроном, участник кругосветной экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева (1819–1821), в ходе которой открыта Антарктида. В 1846 г. Симонов сменил Лобачевского на посту ректора Казанского университета. Истинного значения математических трудов своего предшественника он, как и большинство современников, не поймет.

Демонстрируя незаурядные способности и усердие в занятиях наукой, студент Николай Лобачевский, однако, не отличался примерным поведением, время от времени выступая инициатором различных проделок и шалостей. Некоторые из них едва не стоили ему продолжения ученой карьеры. Один из протоколов университетского совета, относящихся к 1811 г., гласит: *«некоторыми из господ членов замечено, что Николай Лобачевский по отличным успехам своим и дарованиям в науках математических мог бы быть удостоен звания студента-кандидата, если бы худое его поведение не препятствовало сему, почему он и не одобрен; причем особенно профессор инспектор студентов и кавалер и некоторые другие из членов подтвердили, что сделать сего в настоящее время невозможно, согласно со справедливостью и узаконениями»*. Лишь по настоянию Бартельса и других профессоров Лобачевский был утвержден в степени кандидата, а затем магистра (август 1811 г.). С этого времени он более не ищет шумных компаний и новых выходов, сосредоточившись исключительно на учебе и исследованиях.

Концом того же 1811 года датировано первое дошедшее до нас сообщение о научных штудиях талантливого студента: оно публикуется в «Казанских известиях» Й.И. Литтровым, под руководством которого несколькими месяцами ранее Лобачевский наблюдал за кометой. В июне 1812 г. Лобачевский представил свое-

F.X. Bronner (1758–1850) and Austrian J.J. Littrow (1781–1840) came to work in Kazan, who became, respectively, ordinary professors of physics and astronomy. Among the best students of Bronner and Littrow there was young Lobachevsky again. Along with him, Ivan Mikhailovich Simonov (1794–1855) most often received praise; a future astronomer, member of the world expedition of Bellingshausen and Lazarev (1819–1821), during which Antarctica was discovered. In 1846 Simonov would replace Lobachevsky on the post of the rector of Kazan University. He, like most his contemporaries, would not understand the true meaning of mathematical works of his predecessor.

Demonstrating outstanding abilities and diligence in scientific studies, student Nikolay Lobachevsky, however, did not stand out for his good behavior, at times acting as the initiator of various tricks and pranks. Some of them nearly cost him continuation of his academic career. One of the Protocols of the University Council, relating to 1811, says: *“Some members noted that Nikolai Lobachevsky could have been awarded a student-candidate title for his excellent achievements and talents in the mathematical sciences if his bad behavior had not prevented this; that was why he was not approved; and especially the students’ inspector and some other members confirmed that to do this was not now possible, according to the justice and law”*. Only at the insistence of Bartels and other professors Lobachevsky received the degree of candidate and later MA (August 1811). From that time on he was no longer seeking noisy companies and new tricks, focusing solely on his studies and research.

The end of the same 1811 dated the earliest authentic message about scientific studies of the talented student: it was published in the “Kazan News” (“Kazanskie Izvestiya”) by J.J. Littrow, under whose leadership a few months earlier Lobachevsky had watched a comet. In June 1812 Lobachevsky presented

И.М. Симонов. Выдающийся русский астроном, один из первооткрывателей Антарктиды.

I.M. Simonov. A prominent Russian astronomer, one of the discoverers of the Antarctic continent.

И.И. Давыдов

I.I. Davydov

му наставнику М.Ф. Бартельсу сочинение «Теория эллиптического движения небесных тел». Прочитав работу ученика, Бартельс отметил, что Лобачевский подготовил ее «безо всякой помощи» и «не только проник в то, о чем в этом труде говорится, но и сумел обогатить его собственными идеями. Многие места этого коротенького сочинения свидетельствуют о выдающемся математическом даровании, которое в будущем не сможет остаться не прославленным». Примерно в это же время магистр Лобачевский вошел в состав Педагогического (Учительского) института при университете, начавшего работу в мае 1812 г. и возглавленно-го Ф.К. Броннером. Считается, что у Броннера Лобачевский мог почерпнуть ряд идей, касавшихся просветительской деятельности и позднее нашедших отражение в известной его речи «О важнейших предметах воспитания» (1828). Кроме того, именно Броннер, под руководством которого чуть позднее Лобачевский занимался минералогией, раскрыл молодому ученому значение практической философии, тем самым серьезно повлияв на формирование его мировоззренческих позиций. Еще одним источником искренней заинтересованности Лобачевского вопросами философии можно считать общение с Александром Степановичем Лубкиным (1770–1815), который с 1811 г. работал в Казанском университете (сначала адъюнктом, а затем экстраординарным и ординарным профессором по кафедре умозрительной и практической философии). Лубкин одним из первых среди русских философов начал изучать и оспаривать философские идеи великого Иммануила Канта (в том числе его суждения относительно пространства и времени).

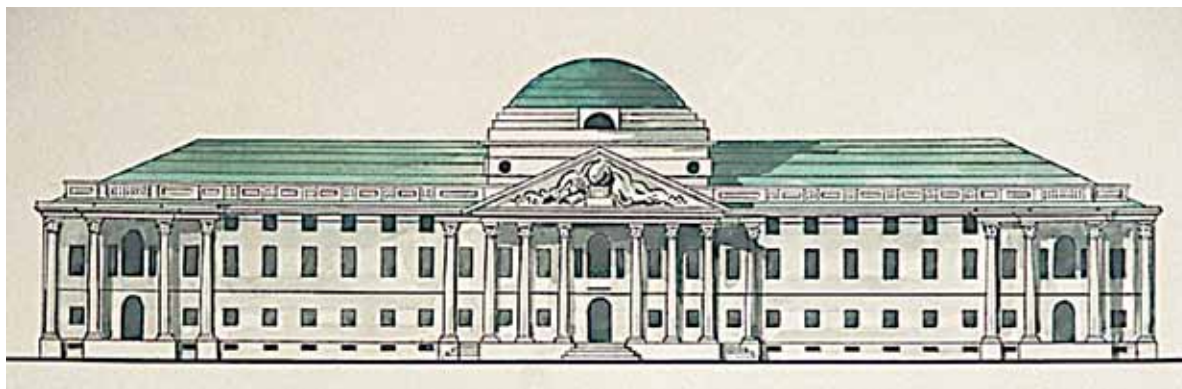
Особый интерес Лобачевского к философии не остался незамеченным его современниками, о чем свидетельствует, в частности, сообщение известного русского филолога и философа Ивана Ивановича Давыдова (1794–1863), который в 1813–1814 гг. находился в Казани и, по его собственным словам, «*провел это время в кругу отличных магистров и кандидатов, прославивших себя на почве учености и гражданственности – Лобачевского, Симонова, В. Панаева, Самсонова*».

to his mentor M.F. Bartels the essay “The Theory of Elliptic Motion of Celestial Bodies”. After reading the pupil’s work, Bartels noted that Lobachevsky had prepared it “without any help” and “not only realized what was said in this work but also managed to enrich it with his own ideas. Many fragments of this short work indicated outstanding mathematical talents that in the future would not remain non-glorified”. Around the same time, Master Lobachevsky joined the Pedagogical (Teachers) Institute at University, which began to work in May 1812 under the leadership of F.X. Bronner. It is believed that Lobachevsky could draw a number of ideas about education from Bronner and later reflected it in his famous speech “On the Most Important Subjects of Education” (1828). In addition, it was Bronner, under whose leadership a little later Lobachevsky studied mineralogy, who opened to the young scientist the importance of practical philosophy, thus seriously affecting the formation of his worldview. Another source of Lobachevsky’s genuine interest in philosophy questions can be considered his communication with Alexander Stepanovich Lubkin (1770–1815), who since 1811 had worked at Kazan University (first as an assistant, then as an extraordinary and an ordinary professor at the Department of speculative and practical philosophy). Lubkin was one of the first Russian philosophers who began to challenge philosophical ideas of great Immanuel Kant (including his judgments concerning space and time).

Lobachevsky’s particular interest in philosophy did not go unnoticed by his contemporaries, as evidenced, in particular, by the message of famous Russian philologist and philosopher Ivan Ivanovich Davydov (1794–1863), who in 1813–1814 was in Kazan and, in his own words, “*spent that time in the circle of great masters and candidates who had distinguished themselves on the grounds of learning and public spirit – Lobachevsky, Simonov, V. Panaev, Samsonov*”.

Здание Императорской казанской мужской гимназии. Начало XIX в.

The building of Imperial Kazan male gymnasium. The early 19th c.

Еще одним увлечением начинающего ученого, несомненно, были иностранные языки (латынь, французский, немецкий), хорошее владение которыми позволяло ему и в юности, и в зрелом возрасте сохранить ощущение включенности в пространство европейской науки. Но, быть может, самое главное качество, которое молодой Лобачевский находил у любимых своих учителей и которое в полной мере проявится в бытность его состоявшимся преподавателем и университетским администратором, – это необычная забота о студентах (особенно из малообеспеченных семей), возростающая по отношению к тем из них, кто проявлял способности к учебе.

1813 и 1814 годы были важным рубежом и в жизни самого Лобачевского, и в истории университета. Заканчивался период ученичества Николая Ивановича, в марте 1814 г. он был утвержден адъюнктом чистой математики. Спустя два года (1816) он будет назначен экстраординарным профессором. В то же время сменялось университетское руководство. После смерти в 1812 г. Румовского безраздельным хозяином учебного заведения на короткий срок становится Яковкин. Однако уже совсем скоро его «самовластие» будет положен конец. По инициативе нового попечителя Казанского учебного округа графа Михаила Александровича Салтыкова (1767–1851) управление Казанским университетом приводится в соответствие с Уставом 1804 г. В июле 1813 г. ликвидируется занимаемый Яковкиным пост «профессора-директора». Вслед за тем в сентябре 1813 г. изби-

Foreign languages (Latin, French, German) were undoubtedly another passion of the novice scientist, good knowledge of which allowed him in his youth and adulthood to maintain a sense of involvement in the European scientific environment. But perhaps the most important quality which young Lobachevsky found in his favorite teachers and which would be fully manifested when he became professor and university administrator, was unusual concern for students (especially from poor families) that increased towards the ones who showed the aptitude for learning.

1813 and 1814 were an important milestone in the life of Lobachevsky and in the history of the university. The student period ended for Nikolai Ivanovich in March 1814 when he was appointed an assistant professor of pure mathematics. Two years later (in July 1816) he was appointed an extraordinary professor. At the same time the university management was changing. After Rumovsky's death in 1812, Yakovkin practically became the owner of the institution for a short term. However, very soon his "autocracy" ended. At the initiative of the new trustee of Kazan school district Count Mikhail Alexandrovich Saltykov (1767–1851) the management of Kazan University was brought into agreement with the Charter of 1804. In July 1813 the post of "professor-director" held by Yakovkin was abolished. After that in September 1813, Doctor of Medicine, a graduate

М.Л. Магницкий. Попечитель Казанского учебного округа в 1819–1826 гг.

M.L. Magnitsky. The trustee of Kazan school district in 1819–1826.

рается и в феврале 1814 г. утверждается первым его ректором доктор медицины, выпускник Венского университета Иван Осипович Браун (1774–1819). В 1814 г. происходит так называемое «полное открытие» Императорского Казанского университета в составе четырех отделений (нравственно-политического, отделения физико-математических наук, словесного, врачебного). Избрание на пост ректора Брауна, однако, не улучшило климат в коллективе университета. Утрата И.Ф. Яковкиным исключительного влияния на преподавательский коллектив стала очевидной, но определенные рычаги воздействия на ситуацию он все же сохранял. Конфликты между профессорами разгорались с новой силой. На этом фоне ведущие преподаватели – учителя Лобачевского – стали один за другим покидать университет. В 1816 г. из Казани уезжает Й.И. Литтров, в 1817 г. – Ф.К. Броннер. В июне 1816 г. из жизни уходит К.Ф. Реннер, чуть раньше – в 1815 г. – скончался А.С. Лубкин. Последним из выдающихся «опекунов» Лобачевского на научно-педагогическом поприще Казанский университет оставит Бартельс: в 1820 г. он уедет в Дерпт (Тарту).

Молодой адъюнкт, а затем и экстраординарный профессор Николай Лобачевский тяжело переживал эти потери, в какой-то момент даже серьезно заболел. Работать приходилось очень много. Хотя отъезд заграничных профессоров и предоставлял молодым дарованиям – Лобачевскому и Симонову – определенные карьерные возможности, ситуация вокруг Казанского университета накалялась. Поползли слухи о грядущем его закрытии. В 1819 г. для проверки университетских дел в Казань прибыл член Главного правления училищ Михаил Леонтьевич Магницкий (1778–1844).

Роль Магницкого в истории Казанского университета преподносится обычно в сугубо негативном ключе, а методы и результаты его «трудов» рассматриваются как чисто обскурантистские. Здесь стоит заметить, что сам Михаил Магницкий был прекрасно образованным человеком. Он окончил с золотой медалью благородный пансион при Московском университете и имел опыт

of the University of Vienna, Ivan Osipovich Braun (1774–1819) was elected and then in February 1814 approved as its first Rector. In 1814 the so-called “full opening” of Imperial Kazan University took place; it consisted of four departments (moral and political, department of physical and mathematical sciences, philological department, and medical department). Braun’s election to the post of the rector, however, did not improve the climate in the University team. Loss by I.F. Yakovkin of his exceptional impact on the teaching staff became apparent, but he still maintained some leverage on the situation. Conflicts between professors were flaring up more and more intensively. On this background, the leading teachers – those who taught Lobachevsky – started to leave university one after the other. In 1816 J.J. Littrow left Kazan, in 1817 so did F.X. Bronner. In June 1816 K.F. Renner passed away, a little earlier – in 1815 A.S. Lubkin died. The last of the prominent “guardians” of Lobachevsky in scientific and pedagogical field, Bartels, left Kazan University in 1820 for Dorpat (Tartu).

Young assistant, and then extraordinary professor Nikolai Lobachevsky took hard these losses, he even fell seriously ill at some point. He had to work a lot. Although the departure of the foreign professors gave the young talents – both Lobachevsky and Simonov – some career opportunities, the situation around Kazan University was escalating. Rumors of its coming closure were in the air. In 1819 a member of the Main Board of schools Mikhail Leontyevich Magnitsky (1778–1844) arrived in Kazan to inspect university affairs.

The role of Magnitsky in the history of Kazan University is usually presented in a purely negative way, and the methods and the results of his “work” are considered to be purely obscurantist. It is worth noting here that Mikhail Magnitsky himself was a well-educated man. He finished noble boarding school at Moscow University with honors and had the experience of diplomatic service.

Граф М.Н. Мусин-Пушкин.

Попечитель Казанского учебного округа в 1829–1845 гг.

Покровитель Н.И. Лобачевского.

Портрет неизвестного художника.

Ок. 1830 г.

Count M.N. Musin-Pushkin.

The trustee of Kazan school district in 1829–1845.

Patron of N.I. Lobachevsky.

Portrait by an unknown artist.

Around 1830.

дипломатической службы. После возвращения в Россию служил в министерстве внутренних дел, где сблизился с М.М. Сперанским, которым был вовлечен в масонскую ложу «Полярная звезда». Магницкий выполнял различные поручения императора Александра I по выявлению коррупции и других нарушений закона в различных губерниях страны и в 1810–1812 гг. входил в ближний круг императора. Однако после отставки и опалы Сперанского Магницкий на несколько лет отправится в ссылку. Лишь в 1816 г. он вновь будет принят на государственную службу в качестве вице-губернатора Воронежа, а в 1817 г. назначен гражданским губернатором Симбирска. От прежних «реформистских» увлечений к тому времени не осталось и следа. Магницкий начинает исповедовать совершенно реакционные взгляды, которыми руководствуется и в ходе «казанской ревизии».

Итоги последней хорошо известны. В своем отчете (составившем, к слову, пять тысяч страниц) Магницкий обвинял руководство Казанского университета в финансовых растратах, а профессуру – в ненадлежащем исполнении преподавательских обязанностей. Ревизор выступал за ликвидацию провинциального университета, но возражение императора Александра I спасло его. Сам Магницкий был назначен новым попечителем Казанского учебного округа для того, чтобы, в частности, исправить ситуацию в недавно проверявшемся заведении. Результатом стали новые увольнения профессоров, попытки насадить в университете строгую цензуру и практически казарменный режим. При всем этом Магницкий выделял нескольких университетских ученых – в том числе Лобачевского – как людей, безусловно, полезных для обновленного университета в силу своих научных и преподавательских заслуг. Именно при Магницком Н.И. Лобачевский становится деканом физико-математического отделения (1820), входит в состав ряда ключевых органов университетского управления. Тем не менее, отношения между профессором и чиновником никогда не отличались ни доверительностью, ни теплотой, и к середине 1820-х гг. Лобачевский, скорее,

After returning to Russia, Magnitsky served in the Ministry of the Interior, where he became friends with M.M. Speransky who involved him in the Masonic lodge “Polar Star”. Magnitsky performed various orders of Emperor Alexander I to detect corruption and other violations of law in different provinces of the country in 1810–1812 he was quite close to the emperor. However, after Speransky’s resignation and disgrace, Magnitsky went into exile for a few years. Only in 1816 he was employed again in the civil service as the vice governor of Voronezh, and in 1817 he was appointed civil governor of Simbirsk. Nothing was left from the former “reformist” lifestyle of M.L. Magnitsky. Magnitsky began to profess completely reactionary views that guided him in the “Kazan revision” as well.

The results of the latter are well-known. In his report (which was, by the way, five thousand pages long) Magnitsky accused the leadership of Kazan University of financial embezzlement and professors of the improper performance of teaching duties. The inspector advocated the abolition of the provincial university, but the objection of Emperor Alexander I saved it. Magnitsky himself was appointed the new director of Kazan educational district to improve the situation in the recently examined institution. The result was the dismissal of new professors, attempts to impose strict censorship at university and practically barrack-like regime. At the same time Magnitsky singled out several university scientists – including Lobachevsky – as individuals undoubtedly useful for the updating of the university because of their scientific and academic merit. It was under Magnitsky that N.I. Lobachevsky became the dean of the department of Physics and Mathematics (1820); he was also beginning to be introduced into a number of key university management bodies. Nevertheless, the relationship between the professor and the civil servant were never characterized by either confidentiality or warmth, and by the mid 1820s Lobachevsky rather annoyed Magnitsky because of his independence and stubbornness.

Н.И. Лобачевский.

Копия неизвестного художника XIX века с портрета кисти Л. Крюкова.

N.I. Lobachevsky.

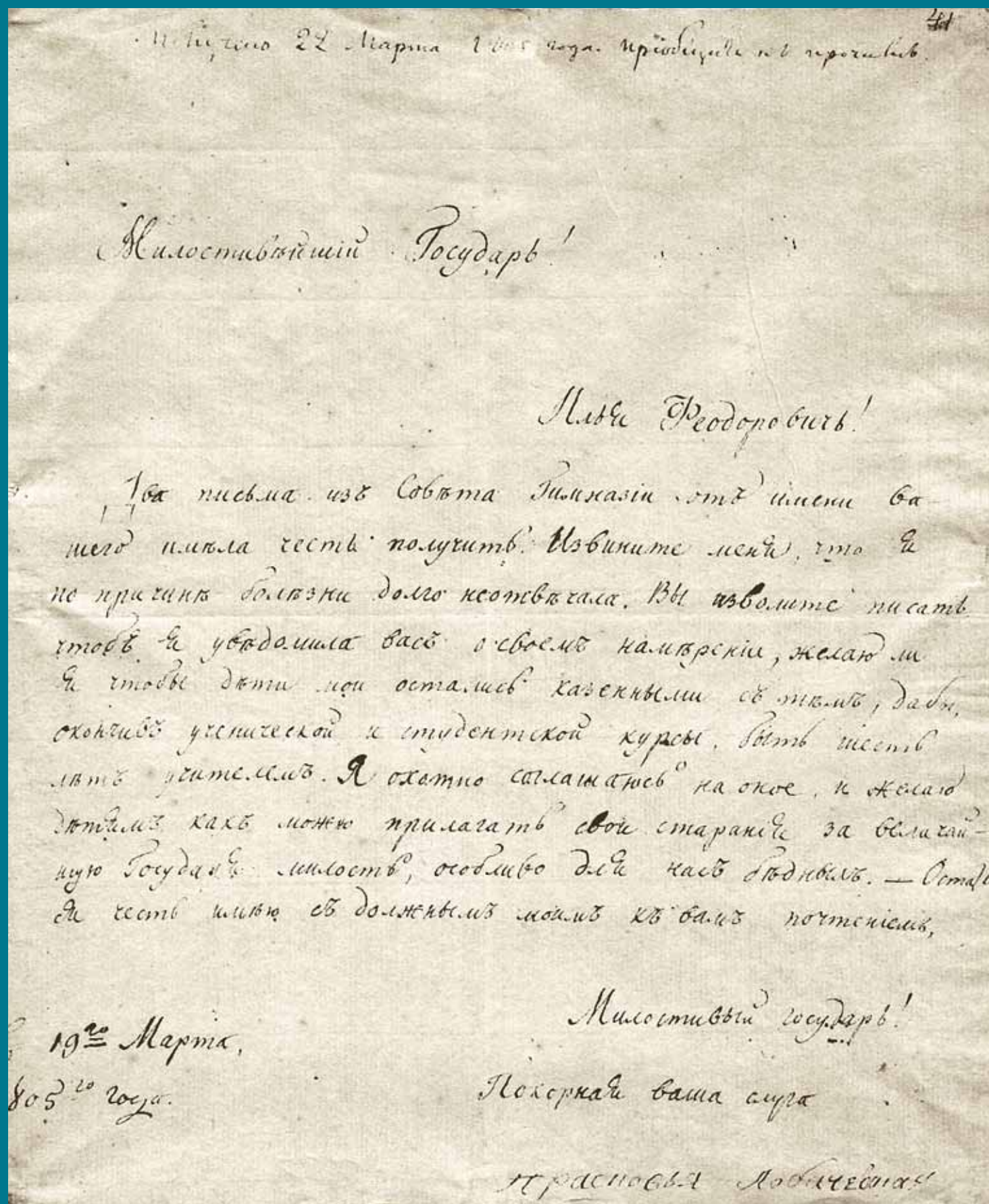
A copy by an unknown artist of the 19th c. of a portrait by L. Kryukov.

раздражал Магницкого своей независимостью и упрямством. Очевидно, лишь снятие Магницкого с поста попечителя учебного округа вскоре после воцарения Николая I позволило избежать острых конфликтов.

Ведать учебным округом было поручено Михаилу Николаевичу Мусину-Пушкину (1795–1862). И это еще один человек, сыгравший колоссальную роль в жизни Лобачевского. Михаил Николаевич был отпрыском старинной дворянской фамилии, помещиком Казанской губернии. Поступивший в Казанский университет, но так и не получивший полноценного университетского образования (окончивший только курсы при университете для государственных чиновников), Мусин-Пушкин в высшем обществе своего времени имел репутацию подчас грубого и крайне жесткого, но отходчивого и в целом справедливого человека. Довольно точную характеристику его характера дал один из петербургских профессоров: *«Личность эта была оригинальная и в высшей степени неприятная. Получив самое ограниченное образование, он служил прежде в военной службе и, может быть нюхал порох, но, конечно, не изобрел его...»*. Тем не менее, будучи попечителем Казанского учебного округа, к Казанскому университету он испытывал особые чувства. Мусин-Пушкин считал университет своим детищем (говоря о нем «мой университет») и ревниво оберегал от любого вмешательства. Когда встал вопрос о выборах нового ректора Казанского университета из достаточного количества достойных кандидатов, Мусин-Пушкин (опираясь на отчет очередного ревизора, где Лобачевский упоминался несколько раз в превосходных выражениях, а также на личное благоприятное впечатление от общения с Николаем Ивановичем), несмотря на то, что первоначально на должность ректора планировался Карл Фукс, а сам Лобачевский не желал занимать ее, убедил талантливого профессора математики сделать этот важнейший для него шаг. С избранием Лобачевского на пост ректора в мае 1827 года начинался совершенно новый этап в жизни университета.

Obviously, only the removal of Magnitsky from the post of the trustee of the school district soon after the accession of Nicholas I allowed avoiding violent conflicts between them.

Mikhail Nikolayevich Musin-Pushkin (1795–1862) was appointed to manage the school district. That was another person who played an enormous role in the life of Lobachevsky. Mikhail Nikolayevich was a descendant of an old noble family, a landlord of Kazan province. He had entered Kazan University but never got a full-fledged university education (he had finished only university courses for civil servants). Musin-Pushkin in the high society of his time had a reputation as a rough and sometimes very hard but easily appeased and generally just man. One of St. Petersburg's professors gave a pretty accurate description of his character: *“This personality was original and extremely unpleasant. Having got the most limited education, he served first in the army and perhaps smelled gunpowder, but, of course, did not invent it ...”*. However, as the trustee of Kazan school district, he had a special feeling for Kazan University. Musin-Pushkin considered it to be his brainchild (speaking of it as “my university”) and jealously guarded it against any interference. When the question of the election of a new rector of Kazan University from a sufficient number of worthy candidates arose, Musin-Pushkin, basing on the report of another auditor where Lobachevsky was mentioned several times in the excellent expressions, as well as having a personal positive impression after communicating with Nikolai Ivanovich – despite the fact that originally Karl Fuchs was planned for the post of the rector, while Lobachevsky did not want to take it – convinced the talented professor of mathematics to make this important step. Lobachevsky's election to the post of the rector in May 1827 marked the beginning of a completely new phase in the life of the university.

Письмо матери Лобачевского – Прасковьи Александровны – директору Казанской гимназии И.Ф. Яковкину. 1805 г.

Letter of Lobachevsky's mother – Praskovya Alexandrovna – to the Director of Kazan gymnasium I.F. Yakovkin. 1805.

№ учеников	Имена и прозванія учениковъ.	Слѣдуетъ описъ роду имѣнъ.	Кто и въ какомъ званіи и откуда родомъ.	Слѣдуетъ описъ
32.	Иекатіи Данковъ...	13.	сынъ умирскаго учителя Казанской Гимназии Презвитера и Духовника Гавриила Данкова.	}
33.	Якимъ Шнаковъ --	11.	сынъ умирскаго Губернскаго Секретаря --- Алексея Шнакова.	}
34.	Иванъ Хмелевъ --	14.	сынъ умирскаго Землемера Коллежскаго Регистратора Гавриила Хмелева.	}
35.	Николай Лобачевскій.	12.	сынъ Губернскаго Регистратора Ивана Лобачевскаго.	}
36.	Сергей Свечковъ --	14.	сынъ оптежскаго Городскаго Секретаря Гавриила Свечкова.	}
37.	Осипъ Мидесеревъ.	15.	сынъ иностранца Карла Мидесерева. --	}
38.	Михайло Явбушкинъ.	12.	сынъ Симбирскаго Уезднаго Суда Губернскаго Регистратора Самсона Явбушкина.	}
39.	Иванъ Марьевъ --	18.	сынъ Пятичланныя Свѣтлицы Василья Марьева.	}
и.	Петръ Сокинъ --	14.	сынъ Коллежскаго Регистратора Федора Сокина.	}

Перечень учеников
Казанской гимназии
с указанием их
происхождения.
Под номером
35 – Николай
Лобачевский.

List of students of Kazan
gymnasium with notes
on their provenance.
Nikolai Lobachevsky
is under number 35.

Имя и фамилия	Фамилия	Средняя оценка	Средняя оценка	Средняя оценка	Средняя оценка
Сергей Браздобский	Иванов		Всего	Всего	
Василий Кривов	Василий		Всего	Всего	
Михаил Иванов	Василий		Всего	Всего	
Михаил Попов	Иванов		Всего	Всего	
Василий Мельников	Василий		Всего	Всего	
Василий Панкратов	Иванов		Всего	Всего	
Сергей Сычугов	Средняя		Всего	Всего	
Анатолий Лобачевский	Василий		Всего	Всего	
Михаил Попов	Иванов		Всего	Всего	
Петр Трифимов	Иванов		Всего	Всего	
Михаил Аристов	Василий		Всего	Всего	
Михаил Панов	Василий		Всего	Всего	
Александр Панов	Василий		Всего	Всего	
Анатолий Панов	Василий		Всего	Всего	
Сергей Аристов	Василий		Всего	Всего	

Ведомость успеваемости учеников гимназии. 1805 г. Восьмой в перечне – Николай Лобачевский.

Mark sheet of gymnasium students. 1805. Nikolai Lobachevsky is eighth on the list.

Список учеников Казанской Гимназии награжденных при публичном собрании 46 июля 1806 года.

1. Томшии поздравиле Манаи от Итибори.

1	Михайло Манаи	— Итибори фидекале — Коммунистале — Средале Латинскале — Французскале — Латин и Немецки — Французскале
2	Петро Воеводина	— Латин и Немецки — Французскале — Коммунистале — Мемори Вербен — Латинскале — Французскале
3	Димитри Савинин	— Итибори фидекале — Коммунистале — Средале Латинскале — Французскале — Латин и Немецки
4	Иван Попов	— Итибори фидекале — Средале Латинскале — Французскале — Латин и Немецки — Манаганале
5	Николай Лобачевский	— Итибори фидекале — Французскале — Коммунистале
6	Александр Лобачевский	— Итибори фидекале — Французскале — Латинскале — Мемори Вербен — Французскале
7	Семей Крутинин	— Средале Латинскале — Французскале — Манаганале — Латин и Немецки

Список учеников Казанской гимназии, награжденных «при публичном собрании». 1806 г. Пятый в перечне – Николай Лобачевский.

List of students of Kazan gymnasium awarded "at a public meeting". 1806. Nikolai Lobachevsky is fifth on the list.

Избирательный лист кандидатов на должность Ректора на время 31 мая 1841 года

Ординарные Профессоры		избранные	неизбранные
1	Николай Лавровский	21	5
2	Павел Пидуван	12	14
3	Уван Рувинский	не избран	
4	Павел Суров	5	21
5	Александр Венкович	9	17
6	Дмитрий Шереметьев	7	20
7	Василий Топиль	6	26
8	Дмитрий Козлов	5	21
9	Александр Уваров	2	24
10	Павел Рувинский	6	20
11	Степан Ерамов	7	19
12	Семён Ковалевский	8	18
13	Павел Комаровский	3	18
14	Александр Казимиров	4	22
15	Павел Копылов-старший	4	22
16	Николай Скачковский	7	16
17	Уван Кудряков	4	22
18	Дмитрий Проманов	9	17
19	Уван Топиль	5	21
20	Дмитрий Франков	4	22
21	Александр Давидов	отозван	

Д. Козлов
 П. Камаров
 П. Рувинский
 У. Суров
 А. Уваров
 П. Рувинский
 С. Ерамов
 С. Ковалевский
 П. Комаровский
 А. Казимиров
 П. Копылов-старший
 Н. Скачковский
 У. Кудряков
 Д. Проманов
 У. Топиль
 Д. Франков
 А. Давидов

Избирательный лист кандидатов на должность ректора Казанского университета. 1841 г.

Electoral list of the candidates for the post of the rector of Kazan University. 1841.

Не осмеливаясь вызваться на переписку с Вами, из страха обременить ею, мне было чрезвычайно приятно услышать, когда Вы предупредили мое желание, предложив сами. Желал бы уметь воспользоваться случаем, чтобы изобразить, с какою признательностию, с каким чувством благодарности и обязанностей привлекает меня к Вам то лестное расположение Ваше ко мне, котораго знаки я столь несомнительно к себе видел и котораго цена столь возвышена в глазах моих при том уважении к Вам, какое началось еще гораздо прежде и присоединялось уже от меня к общему мнению. Всего более желал бы, чтобы такое расположение Ваше ко мне в состоянии было поддерживать мои способности и познания и чтобы с истинным понятием моих обязанностей и с чувством личной моей приверженности к Вам, я мог оправдать ваши ожидания и отвечать тем намерениям, которые занимают Вас к пользе нашего заведения.

Уверен, что чувство благодарности, любви и уважения к нашему начальнику разделяю я со всеми моими товарищами, что мы все по одному впечатлению ревностно стремимся к одной цели и в общей пользе соединяем все наши желания. Приятно мне так думать и уверяться в справедливости моего мнения в особенности тогда, когда случай приводит меня быть главным исполнителем ваших желаний, если я в состоянии буду утвердить за собой достоинством ту степень, на которую поставит меня звание.

Я должен признаться, что Ваша благосклонность предупредила то, что бы я мог надеяться приобрести со временем моими трудами, показав способности. Такое обхождение Ваше увеличивает мою ревность и усиливает желания. Если б поспешность моя и оказалась уже пред Вами, то я надеюсь, что еще не заставил Вас думать, предполагать ей другие начала.

В этом письме я ничего не могу сообщить Вам о моих занятиях по должности. Болезнь их остановила, медленное выздоровление вероятно уменьшит успех. Я просмотрел однакож различные системы библиотек Бернета, Эрша и Рейса, но не мог еще совершенно постигнуть достоинства каждой. Вижу, что предмет скрывал трудности, которых нельзя было в начале подозревать и которые растут по мере приближения к ним. Как опрометчиво поступил бы я, заявив наперед придуманный мной порядок. Теперь иду другой дорогой: стараюсь вникнуть в причины и здраво разсудить о них, которые заставляют отказываться от простаго, естественнаго азбучнаго порядка. Составленная таким образом теория, или справедливые, измененные причины будут те самыя требования, которым я буду искать удовлетворить, руководствуясь уже тем, что сделано было другими до меня. Кстати я получил сей час Ваше письмо из Москвы. Оно утверждает меня в моем мнении. Желал бы я чтоб Вы что нибудь сказали мне и об устройстве наружном библиотеки, и что Вы теперь можете одобрить или похулить, видя хороший образец и сравнив, что сказано мною о нашей библиотеке в составленной для Вас записке.

В библиотеке занимаются двое кандидатов, Фойхт и Ципков, с прилежанием; описали более 4000 заглавий. Кондаков им помогает. Третий кандидат Флоренцов по предложению моему уволен советом, потому что пишет весьма неразборчиво и показывает в письме слабое знание языков, к тому ж у него мало свободного времени.

Одно из первых писем
Н.И. Лобачевского
в должности ректора
к М.Н. Мусину-Пушкину.
1827 г.

One of the first letters
of N.I. Lobachevsky as the
rector to M.N. Musin-Pushkin.
1827.

О выписке журналов вчерась сообщение сделано из совета в Правление Университета. Я приказываю Кондакову каждый день справляться и просить скорее о выдаче денег. Предлагаю выпиской предоставить заниматься единственно библиотекарю, ращитываться и расплачиваться с книгопродавцами, иначе легко будет и всегда купить сие в С. Петербурге и привезти с собою.

Извините меня, что я писавши к Вам об отчетах, забыл упомянуть, что один экземпляр тогда же доставлен был в Комиссию. Она весьма много трудится и на днях собирается с прежним Архитектором перемеривать все строения и повторять вычислением количество употребленных материалов. Вы отсюда можете заключить, сколько справедливо мое мнение о ревизии. Ей много надобно еще потратить времени и положить трудов, чтоб добраться наконец до какого нибудь злоупотребления. Я уверен даже, что она такого открытия не сделает.

Бывший ректор, оставляя должность, предлагает Совету избирать Гг. Лентовского и Суровцева в Адъюнкты. В следующее заседание будет читано его представление и назначен день для выборов, если Совет на то согласится и что без сомнения последует, по крайней мере к Гу Лентовскому, котораго мы все любим и уважаем за познания и правила в своих поступках, и для котораго кафедра свободна.

С особенным к Вам уважением,
искреннею и совершенною преданностию
честь имею называться

1827
Сентября 1.

Милостивый Государь
Вашим покорнейшим слугою
Николай Лобачевский

Милостивый Государь

Михаил Николаевич

По поручению Вашему разспрашивал я самого Г[осподина] Гумбурга о случившемся с ним 1 июня, и еще двух свидетелей.

Из рассказа их можно заключить несомненно, что Гумбург был пьян, как это можно было видеть и на другой день; а квартальный надзиратель вел себя как буйный человек без всякого уважения к чиновнику, которого он два раза ударил на землю.

Доводя о сем до Вашего сведения и не скрывая вину Г[осподина] Гумбурга, которая безчестит его сослуживцев, я долгом поставляю просить Вашего посредства в том, чтобы впредь Полицейские чиновники не осмеливались поступать с Университетскими, как бы с мещанами.

1830
июня 3.

С отличным уважением честь имею называться
Вашего Превосходительства
Покорнейший слуга
Николай Лобачевский

Письма Н.И. Лобачевского к попечителю учебного округа подчас содержат весьма интересные данные об отношениях казанских университетариев с местными властями. Одним из наглядных примеров может служить послание Лобачевского М.Н. Мусину-Пушкину, датированное 3 июня 1830 г.

N.I. Lobachevsky's letters to the trustee of the school district sometimes contain quite interesting data on the relationship between Kazan university men and local authorities. One of the obvious examples is provided by Lobachevsky's letter to M.N. Musin-Pushkin dated June 3, 1830.

ПРОСТРАНСТВОМ ДОВОЛЬСТВУЯСЬ МАЛЫМ... SATISFIED WITH SMALL SPACE...

Многие ученые Нового времени пополнили сокровищницу знаний и состоялись в науке благодаря путешествиям и неудержимой тяге к «перемене мест». Открытие ранее неизвестных земель, народов и цивилизаций – важнейший элемент интеллектуального прорыва, осуществлявшегося европейцами на протяжении нескольких столетий, начиная с плаваний Колумба и Магеллана. Деятнадцатый век сулил невиданные ранее возможности для покорения новых пространств и расширения культурных горизонтов. Странствия в поисках новых идей и исследовательских объектов, щедрых меценатов и университетских вакансий превращались в своего рода священную обязанность истинных мужей науки, суля им славу первопроходцев и достойное положение в обществе. Бесчисленные примеры – от Лейбница до Александра фон Гумбольдта – подчас как будто бы оправдывали доверие этим посулам и соотносившиеся с ними риски.

Many scientists of modern times filled up the treasury of knowledge and science thanks to travel and irrepressible wanderlust. The discovery of previously unknown lands, nations and civilizations is an essential element of the intellectual breakthrough made by Europeans for several centuries since the voyages of Columbus and Magellan. The nineteenth century promised unprecedented opportunities to conquer new spaces and broaden cultural horizons. Wandering in search of new ideas and research facilities, generous patrons and university jobs turned into a kind of sacred duty of true men of science promising them the glory of the pioneers and respectable position in society. Countless examples – from Leibniz to Alexander von Humboldt – sometimes seemed to justify the confidence in these promises and the risks related to them.

Нижний Новгород. Алексеевская церковь (не сохранилась), где был крещен Н.И. Лобачевский. Благовещенская площадь (ныне пл. Минина и Пожарского). Фото А. Карелина.
Вторая половина XIX – начало XX вв.

Nizhny Novgorod. Alexeevskaya Church (it has not survived by today) where N.I. Lobachevsky was baptized. Blagoveshchenskaya Square (now Minin and Pozharsky Sq.). Photo by A. Karelin.
The second half of the 19th – early 20th c.

Жизненный путь Н.И. Лобачевского здесь представляется неким исключением из правил. Великий мыслитель, жаждавший постичь законы пространства – причем в подлинно космических масштабах, почти всю свою жизнь связал с одним городом и в этом смысле был редким «домоседом». Перебравшийся в отроческом возрасте в Казань, он, даже повзрослев и обзаведясь «зовущей в дорогу» профессией, по-видимому, крайне редко и без особой на то охоты покидал волжские берега. В источниках сохранились сведения всего лишь о нескольких поездках Лобачевского на более-менее дальние расстояния, в частности на родную для него Нижегородчину, в Санкт-Петербург и Дерпт (1836–1837), Гельсингфорс (1840) и Пензу (1842). Какой разительный контраст с учителем казанского математика М.Ф. Бартельсом или его коллегами по университету – заядлым путешественником Э.А. Зверсманом и участником кругосветной (!) экспедиции И.М. Симоновым... И вместе с тем Лобачевскому ни в коей мере нельзя считать «кабинетным ученым». Живя в имперской провинции, он выступает своеобразным культурным героем, изо всех сил стремящимся упорядочивать и создать это «окраинное» пространство, предстает просвещенным устройтеlem местного Храма науки, достижения и проблемы которого воспринимаются им как свои собственные.

Мы мало знаем сегодня об обстоятельствах пребывания семьи Николая Ивановича в Нижнем Новгороде. Стараниями исследователей удалось реконструировать лишь отдельные эпизоды нижегородского этапа его биографии: служба Ивана Максимовича Лобачевского в местной межевой конторе (с 1787 г.) и тяжелая его болезнь (1789), а затем отъезд в Уфу (1796); временное проживание супружеской четы Лобачевских в доме Аверкиевых на Тихоновской улице, разлад в семейной жизни и переезд (не позднее конца 1790 г.) Прасковьи Александровны Лобачевской в дом землемера Межевой конторы Сергея Степановича Шебаршина (1748/49–1797), являвшегося, вероятно, истинным отцом Александра (1791),

The life of N.I. Lobachevsky seems a kind of exception from this rule. In fact, the great thinker who was eager to understand the laws of space on a truly cosmic scale spent most of his life in one city and in this sense he was a rare “homebody”. After moving to Kazan in adolescence, after growing up and even getting a “calling for travel” profession he seemed to leave the banks of the Volga, his home town, too rarely and without a special wish. The sources of information have preserved only a few more or less long-haul trips of Lobachevsky – in particular, to his native Nizhny Novgorod region, St. Petersburg and Dorpat (1836–1837), Helsinki (1840) and Penza (1842). What a stunning contrast with Kazan mathematician’s teacher M.F. Bartels and his colleagues at university – avid traveler E.A. Eversmann and member of the round-the-world (!) expedition I.M. Simonov ... At the same time, Lobachevsky in no way can be considered an “armchair scientist”. Living in an imperial province, he seemed a kind of cultural hero seeking to organize and arrange a “marginal” space. He appeared to be an enlightened organizer of the local temple of science, whose achievements and problems he perceived as his own ones.

Today we know little about the circumstances of life of the family of Nikolai Ivanovich in Nizhny Novgorod. Thanks to the efforts of researchers it was possible to reconstruct only a few episodes of Nizhny Novgorod stage of his biography: service of Ivan Maksimovich Lobachevsky in the local Land Survey office (since 1787) and his severe disease (1789), and then departure to Ufa (1796), a temporary residence of the Lobachevsky couple in the house of Averkiev on Tikhonovskaya street, discord in family life and move (by the end of 1790) of Praskovya Alexandrovna Lobachevskaya to the house of local surveyor Sergei Stepanovich Shebarshin (1748/49–1797), who was likely to be the true father of Alexander (1791),

Нижний Новгород. Вид на улицу Тихоновскую (ныне – Ульянова), на которой находился дом Аверкиевых. Фото М. Дмитриева. Конец XIX – начало XX вв.

Nizhny Novgorod. View of Tikhonovskaya Street (now Ulyanov St.) where the house of the Averkievs was situated. Photo by M. Dmitriyev. The late 19th – early 20th c.

Николая (1792) и Алексея (1795) Лобачевских; крещение младенца Николая в Алексеевской церкви (1792); продажа П.А. Лобачевской всей недвижимости в Нижнем и переезд на жительство в Макарьев (весна 1802 г.); отъезд всех трех ее сыновей (осень 1802 г.) в Казань для обучения в тамошней гимназии. Известно, что во время обучения братья Лобачевские ежегодно проводили у своей матери в Макарьеве летние каникулы. Таким образом, связь Николая Ивановича с Нижегородской землей после 1802 г. отнюдь не прервалась.

Очевидно, что приезжая каждое лето в Макарьев, гимназист и студент Лобачевский наблюдал и знаменитый торг (чуть позднее – в 1816 г. – уничтоженный пожаром), и многочисленные суда, свозившие сюда товары из всех частей России и стран Востока. Возможно, он вместе с матерью впоследствии сожалел о быстром упадке этого волжского городка в связи с переносом ярмарки в Нижний Новгород. Последний же, обзаведясь источником колоссальных доходов, вступал в пору своего расцвета, который, впрочем, был во многом подготовлен и предшествующим столетием.

Юный Лобачевский мог застать в родном городе ряд примечательных для всякого его тогдашнего жителястроек. Как хорошо известно, императрица Екатерина II, посетив Нижний в 1767 г.,

Nikolai (1792) and Alexei (1795) Lobachevsky, christening of baby Nikolai in Alexeevskaya Church (1792), P.A. Lobachevskaya's sale of all real estate in Nizhny Novgorod and leaving for Makaryev (spring 1802), the departure of her three sons (autumn 1802) to Kazan to study in the gymnasium there. It is known that during the studies in Kazan the Lobachevsky brothers spent summer holidays with their mother in Makaryev every year. Thus, the link between Nikolai Ivanovich and Nizhny Novgorod region after 1802 was not interrupted.

Obviously, coming every summer to Makaryev, schoolboy and student Lobachevsky saw the famous fair (a little later – in 1816 – it was destroyed by fire), and numerous vessels which brought there goods from all parts of Russia and countries of the East. Perhaps he and his mother later regretted the rapid decline of this Volga town which was a result of the transfer of the fair to Nizhny Novgorod. The latter, having acquired a huge source of income, came into its heyday, which, however, was largely prepared by the previous century.

In his hometown young Lobachevsky could witness several building sites which were notable for all its inhabitants. As it is well known, Empress Catherine II, who visited Nizhny in 1767,

очень резко отозвалась о местной застройке: «Сей город ситуацией прекрасен, но строением мерзок, все – либо на боку лежит, либо близко того...». Приговор Екатерины имел своим следствием разработку и утверждение (в апреле 1770 г.) регулярного плана городской застройки, для создания которого была привлечена команда градостроителей во главе с А.В. Квасовым. Согласно новому плану, в городе строятся первая градская больница и первая аптека (1780), первая в Поволжье губернская типография (1791), первый общедоступный театр князя Н.Г. Шаховского (1798) и т.д. К началу XIX в. облик Нижнего Новгорода быстро менялся в лучшую сторону. При этом старинный город продолжал очаровывать всех приезжих волшебными видами заволжских далей и слияния двух могучих русских рек.

Посетивший город в 1812 г. Э.Г. Эрстрём записал в своем дневнике: «...поспешим обратно в Кремль, расположенный на холме. Посмотрите на его стены, построенные в том же роде, что и Московский Кремль. Посмотрите на красивые казенные здания, расположенные здесь. Поднимемся на звонницу собора. Здесь мы видим множество колоколов, наибольший из которых размером и звуком напоминает большой колокол собора в Або... Но посмотрите же за ворота! Какой вид! Какое пространство открывается нашему взору! Здесь и там синеют рощи, здесь и там возвышаются дальние колокольни церквей. Сразу за полем видно, как извиваются Ока и величественная Волга со всеми ее притоками, заводами, островами и протоками».

На рубеже веков в Нижнем Новгороде продолжает развиваться и система образования. Еще в начале 1720-х гг. здесь стараниями архиепископа Нижегородского и Алатырского (1719–1738) Питирима были созданы церковные школы – славяно-российская и эллино-греческая, на базе которых в 1738 г. открывается Нижегородская духовная семинария (одна из первых в России). В 1786 г. начинает действовать Главное народное училище, разме-

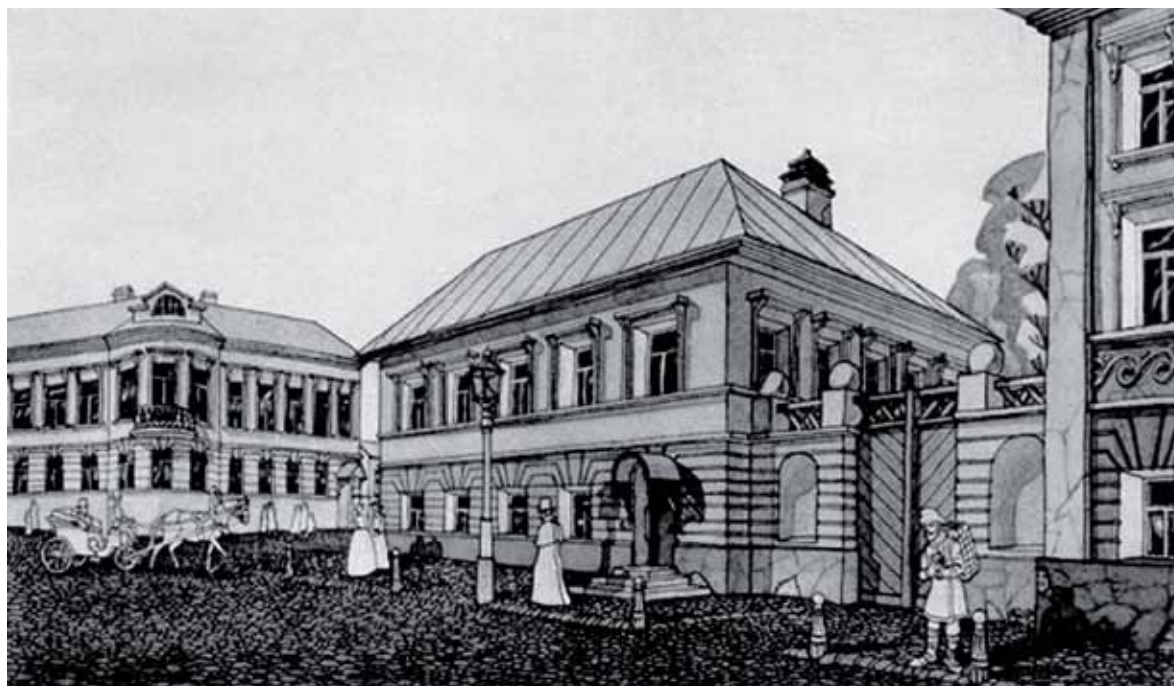
severely criticized local buildings: “This city is beautiful in its location, but disgusting in its structure, everything either lies on its side or is close to it..”. Catherine’s sentence led to the development and approval (in April 1770) of regular urban planning, which was created by a team of urban planners led by A.V. Kvasov. Under the new plan, the first City Hospital and the first pharmacy in the city (1780), the first in the Volga region provincial printing house (1791), the first public theater of Prince N.G. Shakhovskoy (1798), etc. were built. By the beginning of the 19th century the face of Nizhny Novgorod had been quickly changing for the better. This ancient city continued to fascinate visitors of all kinds with magical vistas of the Volga and the confluence of two mighty Russian rivers.

E.G. Ehrström, who visited the city in 1812, wrote in his diary: “... let us go back to the Kremlin located on a hill. Look at its walls built in the same way as the Moscow Kremlin. Look at the beautiful public buildings located here. Let’s climb the bell tower of the Cathedral. Here we can see a lot of bells, the largest of which is reminiscent in size and sound of the great bell of the cathedral in Abo ... But look beyond the gate! What a view! What space opens to our eyes! Here and there trees show blue, here and there distant church bell towers rise. Just beyond the field you can see how the Oka and the majestic Volga twist with all their tributaries, creeks, islands and channels”.

At the turn of the century the education system continues to evolve in Nizhny Novgorod. Back in the early 1720s thanks to the efforts of the Archbishop of Nizhny Novgorod and Alatyr (1719–1738) Pitirim church schools were established – Russian-Slavic and Hellenic-Greek, on the basis of which in 1738 the Theological Seminary of Nizhny Novgorod was opened (one of the first in Russia). In 1786, the Main Public school started to work; it was located in the wing of the manor of Nizhny Novgorod vice governor V.P. Elagin on Tikhonovskaya Street.

Нижний Новгород. Дом на улице Тихоновской, в котором первоначально размещалась Нижегородская гимназия (ранее Главное народное училище). Акварель С. Соколова. Конец XIX в.

Nizhny Novgorod. The building in Tikhonovskaya Street where Nizhny Novgorod Gymnasium was originally located (earlier it used to be the Main Public school). Watercolor by S. Sokolov. The late 19th c.

стившееся во флигеле усадьбы нижегородского вице-губернатора В.П. Елагина на Тихоновской улице. Его классы, быть может, посещали и сыновья П.А. Лобачевской. Чуть позднее (1808) училище преобразуют в Нижегородскую мужскую гимназию. Н.И. Лобачевскому не суждено было учиться в ее стенах, однако позднее, уже заняв пост ректора Казанского университета, он посещал ее (1835) в качестве инспектора и по поручению М.Н. Мусина-Пушкина. В этот приезд Николай Иванович наверняка застал в Нижнем ряд важных строек, инициированных благодаря визиту сюда – годом раньше – царя Николая I и навсегда изменивших городскую инфраструктуру. Хотя проверка 1835 г. обернулась увольнением директора и нескольких учителей гимназии, результатом инспекции Лобачевского стало также и переоборудование учебных кабинетов, и существенное пополнение фонда гимназической библиотеки. Мы помним, что немалое число нижегородских гимназистов впоследствии отправлялось учиться в Казанский университет. Среди наиболее известных – писатель и этнограф П.И. Мельников-Печерский (1818–1883), историк С.В. Ешевский (1829–1865), правовед В.А. Лебедев (1833–1909), драматург и журналист П.Д. Боборыкин (1836–1921), композитор М.А. Балакирев (1837–1910), земский деятель и архивист А.С. Гациский (1838–1893) и другие.

P.A. Lobachevskaya's sons perhaps attended classes there. A little later (1808) it was converted to Nizhny Novgorod Boys gymnasium. N.I. Lobachevsky was not to study within its walls, but later when he had already filled the post of rector of Kazan University, he visited it (1835) as an inspector on the order of M.N. Musin-Pushkin. During this visit, Nikolai Ivanovich certainly found in Nizhny a range of important construction projects, initiated thanks to the visit here – a year earlier – of Tsar Nicholas I, which forever changed the city infrastructure. Although the inspection of 1835 resulted in the dismissal of the director and some teachers of the gymnasium, it also led to the re-equipment of classrooms and substantial stocking of the gymnasium's library funds. We remember that a considerable number of Nizhny Novgorod gymnasium students afterwards went to study at Kazan University. Among the most famous ones we can name writer and ethnographer P.I. Melnikov-Pechersky (1818–1883), historian S.V. Eshevsky (1829–1865), jurist V.A. Lebedev (1833–1909), playwright and journalist P.D. Boborykin (1836–1921), composer M.A. Balakirev (1837–1910), land leader and archivist A.S. Gatsisky (1838–1893) and a number of others.

На вклейке – страницы исповедной росписи Алексеевской церкви Нижнего Новгорода, содержащие упоминания о П.А.Лобачевской и ее сыновьях – Николае, Алексее, Александре.

In the inset you can see the pages of the confessional register ('isповедnaya rospis') of Alexeevskaya Church in Nizhny Novgorod containing references to P.A. Lobachevskaya and her sons Nikolai, Alexei and Alexander

Расшифровка записи (1792) из метрической книги Алексеевской церкви о рождении и крещении Н.И. Лобачевского.

Decipherment of the entry (1792) from the register of births of Alexeevskaya Church on the birth and christening of N.I. Lobachevsky.

В К Л И С К А

из метрической книги Алексеевской церкви
п. Нижнего-Новгорода о рождении 20 ноября
1792 года Николая Ивановича ЛОБАЧЕВСКОГО.

/Полный лист/

				Часть первая. О ролившихся.	
№		Числа	Числа	В 1792 году ролилось	
:Рож.		:Кр.	В сентябре.		
1	1	1	5	У отставного прапорщика Алоксандры Сте-	
				панова Долгола дочь Елисавета.	
				Восприимницею была солиных запасных	
				вибаров помощника Ильи Богданова дочь	
				ею Катерина Ильина.	
1	2	2	10	Нижегородского батальона у сержанта	
				Анисима Семеновна Зонакина дочь Елисавет.	
				Восприимницею была салтатака Онисья Ива-	
				нова.	
В октябре.					
1	1	1	2	Штатной роты у салтата Даниила Данилова	
				Шурова сын Иван. Восприимником был Микхе-	
				городской мещанин Илья Борисов.	
1	4	2	4	Нижегородского почтара сержанта Трифона	
				Иковлева Кржкова сын Иван. Восприимником	
				был нижегородской почмостер секунд-майор	
				Федор Федоров.	
В ноябре					
1	5	20	25	Нижегородского наместническаго I/правления	
				у регистратора Ивана Максимова сын	
				Николай. Восприимником был Нижегородской	
				Неховой канторы секретарь Петр Григорьев	
				Ложкин.	
В декабре					
1	6	10	15	У салтатаки Матрены Филиповой сын неваккон-	
				норожденной Петр. Восприимником был Нико-	
				городскаго Наместничества Арзамаской ук-	
				руги поровни Путятина крестьянин Иван	
				Сидоров.	
				Итого в 1792 году в нашем Алексеевском	
				приходе ролилось мужеска 4, женска 2, обое-	
				го полу 6 человек.	

Нижний Новгород. Площадь Минина и Пожарского.
Вид на место, где располагалась Алексеевская церковь (не сохранилась).
В ней был крещен Н.И. Лобачевский.

Nizhny Novgorod. Minin and Pozharsky Square.
View of the place where Alexeevskaya Church was located (it has not survived).
N.I. Lobachevsky was baptized there.

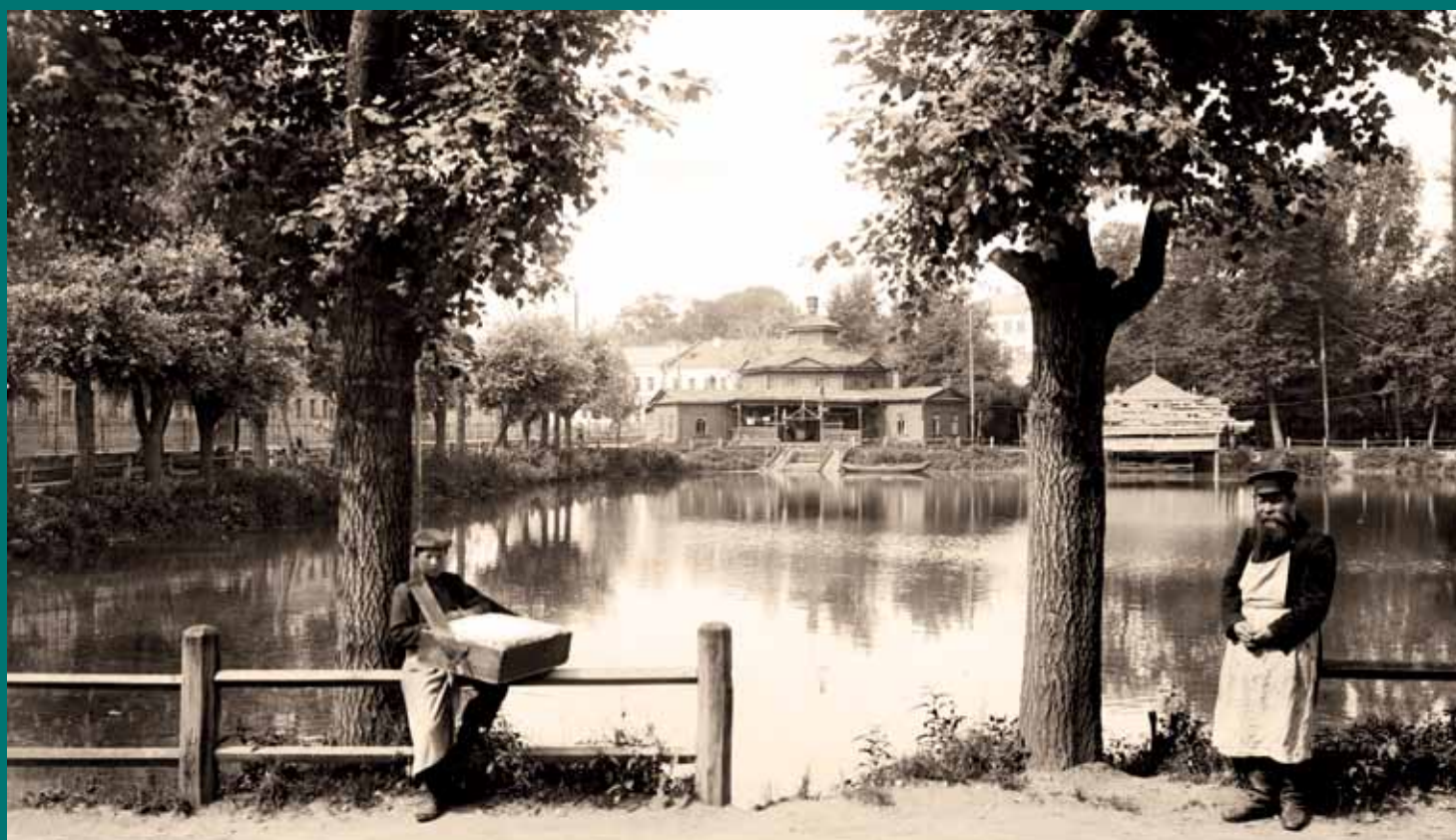
Схематический план части Нижнего Новгорода с указанием месторасположения дома, в котором (около 1800 г.) проживала П.А. Лобачевская с детьми.

Schematic plan of a part of Nizhny Novgorod with the indication of the location of the house where P.A. Lobachevskaya lived with her children (around 1800).

Нижний Новгород. Район Черного пруда неподалеку от дома, где жил Н.И. Лобачевский. Фото М. Дмитриева. Конец XIX в.

Nizhny Novgorod. The neighborhood of Cherny Prud (the Black Pond) not far from the house where N.I. Lobachevsky lived. Photo by M. Dmitriyev. The late 19th c.

Нижний Новгород. Улица Алексеевская в конце XIX – начале XX вв.
(на фотографии М. Дмитриева) и в наши дни.

Nizhny Novgorod. Alexeevskaya Street in the late 19th – early 20th c.
(in the photo by M. Dmitriyev) and nowadays.

Данная, полученная 21 июня 1800 г. из Нижегородской палаты суда и расправы Прасковье Александровне Лобачевской, подтверждающая ее права на владение движимым и недвижимым имуществом, оставшимся после смерти капитана Сергея Степановича Шебаршина и ее приобретенного с аукционного торга 8 мая 1800 г. /.

: : : :

48 21
: : : По указу его императорского величества дана сия данная:
: : : Нижегородской губернии Палаты суда и расправы из 2-го :
: : : департамента из дворян губернской регистраторше Пра- :
: : : сковье Александровне дочери жене Лобачевской в соот- :
: : : ветствии присланного в департамент сей из этого же Гу- :
: : : бернского правления сообщения и учиненной по нем резо- :
: : : лции, коим изъясняя, что в том Правлении описное за :
: : : вехсолнуго твоего в тысяче осмистах семидесяти рублях с :
: : : рекамбио¹ и проценты претензии оставшее после умерша- :
: : : го капитана Сергея Шебаршина движимое и недвижимое име- :
: : : ние, которого значится: в Нижнем доме о двух корпусах, в :
: : : каждом по два покоя, в том числе и по одной людской, со :
: : : всеми пристройками, деревянными, а под ним земли, с лица :
: : : поперешнику десять, в площади одиннадцать, длиннику сем- :
: : : натцать, по левую сторону длиннику шестнадцать, попереш- :
: : : нику в видном конце шестнадцать трехаршинных сажен; :
: : : два места крепостных-первое в приходе Николая чудо- :
: : : творца, мером с лица по Алексеевской улице поперешнику :
: : : шесть, вдоль проектированной на Покровскую улицу длин- :
: : : нику тридцать пять, а позади подле проезжей земли во- :
: : : семь, длиннику подле двора вдовы Набережной двадцать :
: : : семь, а подле саду регистратора Шакова тринадцать са- :
: : : жен, второе на Печерском поле, где был дом господина Че- :
: : : месова в ширину по пятидесяти, а в длину по девяносту :
: : : по три сажени; да написанных при доме дворовой человек :
: : : Алексей Егоров с женою ою Авдотью Яковловна и с деть- :
: : : ми их сыном Яковом и дочерью Ириною. По учиненному ж :
: : : в том Правлении с разными желавшими людьми публичному :
: : : аукционному порядку торгу, то именно состоялось за то- :
: : : бов, Лобачевской, за пятьсот тридцать рублю. Как же то :

Расшифровка
документа 1800 г.
о движимом и
недвижимом
имуществе
П.А. Лобачевской.

The decipherment
of the document of
1800 on movable and
immovable property of
P.A. Lobachevskaya.

Макарьев. Макарьевский Желтоводский монастырь.

Makariyev. Makariyev Zheltovodsky Monastery.

Общий вид
Нижегородской
мужской гимназии
и почтамта.
Фото М. Дмитриева.
Конец XIX в.

General view of
Nizhny Novgorod Boys
gymnasium and the
Main Post office.
Photo by M. Dmitriyev.
Late 19th c.

Нижний Новгород.
Общий вид
на Благовещенскую
площадь (ныне пл.
Минина
и Пожарского).
Фото М. Дмитриева.
Конец XIX в.

Nizhny Novgorod.
General view of
Blagoveshchenskaya
Square (now Minin and
Pozharsky Sq.).
Photo by M. Dmitriyev.
Late 19th c.

Вид на нагорную часть Нижнего Новгорода со стороны Нижегородской ярмарки.

View of the upper part of Nizhny Novgorod from Nizhny Novgorod Fair.

Казанский Кремль.
Современный вид.

The Kazan Kremlin.
Modern view.

Казанский Кремль
в XIX в.
Литография
Э.П. Турнерелли
из альбома
«Собрание видов
города Казани».
1840 г.

The Kazan Kremlin
in the 19th c.
Lithograph
by E.P. Turnerelli
from the album
“Collection of Views
of the City of Kazan”.
1840.

Казань в самые первые годы XIX в. существенно превосходила Нижний Новгород и по численности населения, и с точки зрения масштаба образовательных проектов. Этот город был настоящими «восточными воротами» Европы, важнейшим культурным форпостом империи, миссией которого было просвещение не только Поволжья, но и всей азиатской части России. Так, в 1758 г. именно в Казани была открыта первая в Российской империи провинциальная гимназия, в 1771 г. – первые медресе (Апанаевское и Ахундовское), в 1804 г. – университет, на протяжении семидесяти с лишним лет (до открытия в 1878 г. Томского университета) являвшийся самым восточным из высших учебных заведений России. Для Н.И. Лобачевского Казанский университет был и домом, и фабрикой знаний, и, казалось бы, редко прекращавшейся стройкой, результаты которой, впрочем, со временем стали важнейшим памятником великому русскому мыслителю. И если об инициативах Лобачевского как ученого, преподавателя и организатора науки говорилось и говорится предостаточно, то его ипостаси «университетского зодчего» мы хотели бы уделить несколько большее внимание.

Возведение и обустройство комплекса университетских зданий в центре Казани, неподалеку от местного Кремля, требовало огромных фи-

Kazan in the very first years of the 19th century was significantly superior to Nizhny Novgorod both in terms of population and the scale of educational projects. This city was the real “eastern gate” of Europe, the most important cultural outpost of the empire, whose mission was to educate and enlighten not only the Volga region, but the whole Asian part of Russia. So, it was in Kazan where there was opened the first in the Russian Empire provincial gymnasium (1758) ; in 1771 – the first madrasas (Apanayevskoye and Akhundovskoye), in 1804 – a university, which for seventy-odd years (before the opening in 1878 of Tomsk University) was the easternmost of the higher educational institutions of Russia. For N.I. Lobachevsky Kazan University was a house, a factory of knowledge and, it would seem, a continuous construction project, the results of which, however, eventually became the most important monument to the great Russian thinker. If the initiatives of Lobachevsky as a scholar, teacher and organizer of science have always been and are widely discussed, we would like to pay a bit more attention to his role as the “architect of the university”.

The construction and arrangement of the complex of university buildings in the center of Kazan, near the local Kremlin, required huge financial

Мемориальная доска на астрономической обсерватории Казанского университета.

A commemorative plaque at the Astronomical Observatory of Kazan University.

нансовых средств и административных ресурсов. Решающие изменения во внешнем облике Казанского университета приходятся на 1820-е и 1830-е гг., и Лобачевский, войдя в университетский строительный комитет (1822), а чуть позднее и возглавив его (1825), принимает самое активное участие в координации строительных работ. Итогом деятельности данного комитета стало завершение в 1825 г. главного корпуса университета (архитектор – П.Г. Пятницкий), который был теперь красивейшим из всех казанских зданий.

Последующие важнейшие стройки имели место уже в бытность Н.И. Лобачевского ректором. В 1832 г. архитектором Казанского университета стал М.П. Коринфский. Он существенно переработал некогда предложенный Пятницким проект застройки с тем, чтобы вписать в ансамбль университетских зданий несколько новых корпусов. Возрожденный в 1833 г. строительный комитет университета вновь возглавил Лобачевский. В следующие годы он выступил не только организатором и куратором строительства, но и непосредственным проектировщиком отдельных построек. Об их восприятии современниками мы можем судить, в частности, по воспоминаниям Н.П. Вагнера (выпускника Казанского университета 1849 г., сына профессора геологии П.И. Вагнера): *«Все университетские здания, построенные Лобачевским, носят общий характер простоты и величия. Планы и архитектура этих зданий не могли принадлежать официальному архитектору, который в то время занимал кафедру архитектуры и отличался необыкновенной бездарностью и даже ограниченностью склада ума. Следовательно, они всецело принадлежали Лобачевскому, и в них наглядно высказывались стремления его светлой гениальной души к простоте и величию».*

В течение 1836–1838 гг. было завершено строительство анатомического театра (1836), химической лаборатории (1836), библиотеки (1837) и астрономической обсерватории (1838). В проектировании последних двух зданий

and administrative resources. The decisive change in the appearance of Kazan University took place in the 1820s – 1830s, and Lobachevsky, who joined the university building committee (1822) and a little later headed it (1825), took an active part in the coordination of the construction works. The result of the activities of this committee was the completion in 1825 of the main building of University (architect P. G. Pyatnitsky), which was at that time the most beautiful of all the buildings of Kazan.

The next major constructions took place in the times of N.I. Lobachevsky as the rector. In 1832, M.P. Corinthsky became the architect of Kazan University. He significantly reworked the development project once proposed by Pyatnitsky in order to include several new buildings in the university ensemble. Re-established in 1833, the university building committee was again headed by Lobachevsky. In the following years he was not only the organizer and curator of the construction, but also the direct designer of several buildings. We can understand how Lobachevsky's contemporaries perceived them, in particular, judging by the memoirs of N.P. Wagner (graduate of Kazan University in 1849, professor of geology P.I. Wagner's son), *“All university buildings constructed by Lobachevsky are simple and grand in nature. Plans and architecture of these buildings could not belong to the official architect, who at the time held the chair of architecture and was notorious for unusual mediocrity and even the limited mindset. Consequently, they wholly belonged to Lobachevsky, and they clearly expressed the desire of his soul of light genius for simplicity and greatness”.*

During the years 1836–1838 the dissecting room was completed (1836), as well as the chemical laboratory (1836), the library (1837) and the astronomical observatory (1838). N.I. Lobachevsky participated in the designing of the two latter buildings. The library building best of all shows that

Михаил Петрович Коринфский (1788–1851). Уроженец Арзамаса, ученик живописца А.В. Ступина и архитектора А.Н. Воронихина. Главный зодчий Казанского университета в 1830-е гг.

Mikhail Petrovich Korinfsky (1788–1851). A native of Arzamas, a disciple of painter A.V. Stupin and architect A.N. Voronikhin. The chief architect of Kazan University in the 1830s.

участвовал Н.И. Лобачевский. О том, насколько выдающийся математик был не чужд оригинальным подходам и в области архитектуры, свидетельствует, в первую очередь, библиотечный корпус. Некоторые его конструктивные особенности (использование стрельчатых арок и т.д.) явно отсылают к готическим постройкам Средневековья. Скрыта ли за подобным решением лишь прагматичная забота о надлежащем освещении и вентилировании библиотечного зала или же к ней следует присовокупить еще и глубоко символическое истолкование «сакрального пространства учености» – остается гадать всякому, кто попадает сегодня в Отдел рукописей и редких книг университетской библиотеки.

Примечательно, что в разгар строительных работ (лето 1836 г.) Казань посетил император Николай I. М.Н. Мусин-Пушкин в своем донесении министру народного просвещения Уварову (27.08.1836) так описал впечатление, произведенное на царя масштабным университетским строительством: *«Кончив осмотр главного университетского дома, государь изволил осматривать новые здания. У крыльца первого флигеля, назначенного для физического кабинета и лаборатории, я представил членов строительного комитета и архитектора, а в зале анатомического театра – планы и фасады зданий. Государь изволил обойти комнаты, назначенные для физического кабинета, для лаборатории, в которой уже химические печи сложены, для аудиторий, для квартиры профессора физики, осмотрел совершенно уже отделанный зал анатомического театра, который заслужил особенную похвалу Его величества, комнаты, назначенные для занятий прозектора и студентов. Зала библиотеки с колоннадою и сводом также удостоилась высочайшего одобрения... Общий вид новых зданий, их размещение и пространный двор весьма понравились Его величеству... В обсерватории, почти совсем уже конченной, расположены были неподвижные инструменты на местах, для них назначенных, подвижные же стояли в главном зале. Государь, одобрив самое*

the eminent mathematician was no stranger to the original approach in the field of architecture as well. Some of its design features (lancet arches, etc.) explicitly refer to the medieval Gothic buildings. Anyone who comes today to the Department of manuscripts and rare books of the University Library is free to guess whether only pragmatic concern for the proper lighting and ventilating of the library hall was hidden in such a decision, or there was a deeply symbolic interpretation of “sacred space of learning”.

It is remarkable that in the midst of the construction work (Summer 1836) Emperor Nicholas I visited Kazan. M.N. Musin-Pushkin in his report to Minister of Public Education Uvarov (08.27.1836) described the impression made on the tsar by the massive university construction in the following way: *“When he had finished the inspection of the main house of the university, the emperor wished to inspect the new buildings. At the steps of the first wing assigned to the physics office and the laboratory, I presented the members of the building committee and the architect to him, and in the hall of the dissecting room I introduced plans and facades of the buildings. The Emperor wished to get around the rooms assigned to the physics office and the laboratory where the chemical ovens had already been stacked, the classrooms, the apartment of the physics professor. His Majesty examined the completely decorated hall of the dissecting room, which deserved his special praise, the room designated for the dissector and students. The library hall with a colonnade and arch also won the highest approval ... The general view of the new buildings, their location and the extensive yard quite pleased His Majesty ... In the Observatory, which had almost been finished, fixed instruments were arranged on the places appointed for them, while movable ones were in the main hall. His Majesty endorsed the building itself and asked the professor of astronomy and me questions about*

строение, обращался с вопросами к профессору астрономии и ко мне о[б] инструментах, находящихся на обсерватории, и о недостающих для пополнения. Взойдя наверх обсерватории, на то место, где предназначается поставить подвижную башню и рефрактор, государь изволил хвалить открытое местоположение обсерватории и довольно долго любовался видом города и окрестностей. На крыльце обсерватории Его императорское величество изволил объявить мне и г. ректору высочайшую благодарность за устройство, найденное в вверенном мне университете. Устройство клиники и повивального института, которые государь удостоил посещением, также заслужило высочайшее одобрение, а при выходе из клиники Его величеству угодно было вновь изъявить мне благодарность».

Добавим к словам попечителя Казанского учебного округа, что, судя по иным источникам, высказывания императора об университетской клинике были куда как менее добродушными. Николай I был разочарован ее состоянием и выделил дополнительные средства на строительство нового здания: не стоит забывать, сколь важную роль приобрело возведение подобных объектов по всей Европе со второй половины XVIII в. Заказанный в 1837 г. М.П. Коринфскому проект, однако, не был утвержден, его пришлось переработать, отказавшись от целого ряда «архитектурных излишеств» (автором этого подновленного проекта выступил местный архитектор И.П. Бессонов) и сократив изначально заложенные на строительство расходы. Тем не менее возведенное в итоге здание отвечало всем современным стандартам. Закончено оно было в 1840 г.

Ко второй половине 1830-х годов Н.И. Лобачевский, уже познакомившийся (во время одной из редких своих отлучек за пределы Казанской губернии) с Академией наук и целым рядом образовательных учреждений имперской столицы, проникается идеями «методичного» ранжирования всякого учебного пространства. Как следует из записки Лобачевского, датирован-

the tools that were in the observatory and those to be replenished. Having climbed to the top of the observatory, to the place where a movable tower and a refractor were intended to be set, the emperor deigned to praise the open position of the observatory and admired the view of the city and its surroundings for a long time. On the porch of the observatory His Majesty was pleased to announce me and the rector the highest gratitude for the organization found in the university entrusted to me. The organization of the obstetrics institute and the clinic that the emperor had honored with his visit also deserved the highest approval, and at the exit from the clinic His Majesty was pleased to express his gratitude to me once again”.

We can add to the words of the trustee of Kazan school district that, according to other sources, the emperor’s opinion about the university clinic was far less positive. Nicholas I was disappointed with its condition and allocated additional funds for the construction of a new building: it is worth remembering an important role which the construction of such facilities across Europe had been gaining since the second half of the 18th century. A project ordered to M.P. Korinfsky in 1837, however, was not approved and had to be redesigned, a number of “architectural extravagances” were rejected (the author of this new project was local architect I.P. Bessonov); the originally allocated funds for the construction were reduced. Nevertheless, the finished building met all contemporary standards. It was completed in 1840.

By the second half of the 1830s, N.I. Lobachevsky had already familiarized himself (during one of his rare trips outside Kazan province) with the Academy of Sciences and a number of educational institutions of the capital of the Russian empire; and, as a result, he got imbued with the ideas of “methodical” arrangement of all learning space. As follows from Lobachevsky’s note dated November 1836,

ной ноябрем 1836 г., он готов к максимальному «усовершенствованию» и родного университета, и других учебных заведений Казанского округа, в том числе по образцу осмотренных институций Санкт-Петербурга. Приведем отдельные фрагменты этой записки, наглядно демонстрирующие степень увлеченности университетария Лобачевского вполне осязаемыми материями.

ЧАСТЬ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ

В зданиях учебных заведений сени с лестницей должны быть устроены теплые. Внизу, близ самого входа приемная. Это дозволяет при вратнику в его форменной компактной одежде быть более ловким в исправлении должности, более приятным своей наружностью. Сени могут отапливаться печами по способу Ультрамарка, улучшенному Г[осподином] Аммосовым. Модель печей обещали доставить. Отопление вообще казенных заведений может производиться духовыми печами по способу Г[осподина] Аммосова, с большим сбережением в издержках и без сомнения с ощутительною пользою для здоровья живущих...

Отделение спален от занимательных комнат, кажется, по возможности должно быть принято во всех воспитательных заведениях Казанского учебного округа, как уже это сделано в Казанском университете и в первой Казанской гимназии. Удобность при таком устройстве соблюдать опрятность и порядок подтверждается примерами в Корпусе путей сообщения, в Пажеском корпусе, так же как и в Московском университете. Столы для занятий делаются различным образом, из которых каждый представляет своего рода выгоды вместе с недостатками. Увидев столько разных образов, можно, наконец, придумать что-нибудь такое, где бы соединялось удобство в освещении с прочностью и поместительностью...

Печи для приготовления кушанья воспитанников сделаны в Казанском университете и в Казанской гимназии из обливных белых изразцов; но по примеру, какой видел в Морском

he was ready for the maximum “improvement” both of the home university and other educational institutions of Kazan district, including on the model of the examined institutions in St. Petersburg. Below you will find some fragments of this note clearly demonstrating Lobachevsky's enthusiasm for quite everyday matters.

HOUSEHOLD PART

In educational buildings the inner porch with stairs should be warm. Downstairs, near the entrance, there is the reception room. This allows the porter in his compact uniform to be more nimble in his professional service and more pleasant in his appearance. The inner porch can be heated by furnaces in Uttermark's manner improved by Mr. Ammosov. The model of furnaces was promised to be delivered. Generally, the heating of public institutions may be carried out by furnaces by the method invented by Mr. Ammosov, with great savings in cost and, undoubtedly, for perceptible benefit of the inhabitants...

The separation of bedrooms from learning rooms seems possible to be adopted in all educational institutions of Kazan school district, as it was done at Kazan University and in the first Kazan gymnasium. This is convenient because such organization allows maintaining neatness and order, which is confirmed by the examples in the Corps of Railways, in Page Corps, as well as at Moscow University. Writing tables are made in different ways, each of which has some benefits as well as drawbacks. Having seen so many different images, you can finally come up with something, where convenience of lighting is combined with durability and capaciousness...

Ovens for cooking food for students at Kazan University and at Kazan gymnasium are made of glazed white tiles; but following the example I saw in the Sea Cadet Corps, it will be more durable and

кадетском корпусе, будет прочнее и красивее обкладывать наружные стены чугуном, к чему представляется в Казани удобность поблизости чугунных екатеринбургских заводов и при водном сообщении весной.

Мытье белья в прачечной не худо производить водяными парами, как в Морском кадетском корпусе, изменив несколько способ, чтобы избежать употребления паровой машины, которая стоила бы весьма дорого, но окупаясь при том числе студентов, какое помещается в Казанском университете. Сушение белья зимою в нагретых комнатах могло бы производиться лучше не посредством паров, как в Морском кадетском корпусе, но духовыми печами. Катанье белья на механических катках весьма хорошо...

УЧЕНАЯ ЧАСТЬ

Обучение молодых людей в юношеском возрасте необходимо должно более склоняться к одной из двух систем: или предоставление в полную свободу приобрести познания, или назначение начальством всех занятий при строгом надзоре за нравственностью. Первой системе, которую можно назвать преподавательная, принятой в германских университетах, отвечает издревле данное наукам прилагательное свободные. Вторая система, – воспитательная, – самая близкая к домашнему родительскому воспитанию, а может быть, и по народному духу, даже по духу воинственному, получила предпочтение во Франции, особенно в России, где, кажется, с быстротой усовершенствуется. Она существует вполне для специальных заведений, каковы кадетские корпуса, лицеи, педагогический институт, Училище правоведения. В университетах, напротив, приходящие слушатели всегда сколько-нибудь ускользают от этой строгой подчиненности. Таким образом, неравенство в содержании казенных и своекоштных студентов, слишком ощутительное для них самих, бывает новою причиною недостатков. Тем труднее, следовательно, держаться воспитательной системы в университетах, чем более число студентов и чем город обширнее...

more beautiful to cover exterior walls with cast iron, which is convenient to do in Kazan due to the proximity of Yekaterinburg iron plants and the use of water transport in spring.

Washing in the laundry room is not bad to do with water vapor, like in the Sea Cadet Corps, changing the method in some way to avoid the use of the steam engine the cost of which would be very high, but it will pay off when all students at Kazan University are taken into account. Drying linen in winter in heated rooms could be made by furnaces rather than by vapor like in the Sea Cadet Corps. Flattening clothes on the rolling presses is quite good...

EDUCATIONAL PART

Teaching adolescents needs to be based on one of two systems: either providing complete freedom to acquire knowledge, or scheduling learning activities under strict supervision over morality. The first system, which can be called teaching, is adopted at German universities, and is characterized by the adjective "liberal" which has been used to describe arts since times immemorial. The second system is educational, which is closest to parenting at home and which perhaps is in the national spirit and even in the martial spirit; it received a preference in France and especially in Russia, where it seems to be rapidly improving. It exists mostly at special schools such as the cadet corps, lyceums, Pedagogical Institute, Law School. At universities, on the contrary, students always escape this strict subordination. Thus, the inequality in providing for state-paid and private students is too palpable for them, and it sometimes becomes a new cause of deficiencies. It is harder, therefore, to stick to the educational system at universities, more so if the number of students is high and the city is vast...

В Казани, как и во всех городах, невозможно довольствоваться только одной гимназией. Если учреждение нескольких уже необходимо, то само собой рождается вопрос, нельзя ли таким разделением достигнуть и двоякой цели. В Казани одна гимназия принимает только своекоштных учеников, другая – только на казенное или пансионерное содержание. В С.-Петербурге первая гимназия представляет уже дворянский институт; в двух других помещается только половина учеников, тогда как другую половину составляют своекоштные. Если принять в уважение только то обстоятельство, что ученики не должны быть удалены слишком от гимназии, то в каждую надобно пускать приходящих. Если же, напротив, избежать разнообразия в способах наблюдения за порядком, то каждая гимназия должна быть только либо казенная, либо только своекоштная. Наконец, нельзя пренебречь и тем требованием родителей, чтобы дети высшего сословия не смешивались с мальчиками из сословий гораздо ниже...

Высшая степень образованности приобретается самым способным юношеством только в университетах или равных с ними заведениях. Но в университетах многообразие предметов учения требует разграничения, какое показано в уставе. Остается сделать его подробнее с назначением ближе самых предметов. Начертать этот план предоставляется самим университетам. Московский учредил в первый год preparatory course с той целью, чтобы изъяснением лучшего способа запас предварительных познаний, как основание упрочить и выравнять...

Как видно из этой пространной цитаты, великий математик не был чужд интереса к самым приземленным вопросам ученического быта, которые, правда, довольно четко соотносились для него с проблемой траекторий учебной и воспитательной деятельности. Иной историк педагогики легко усмотрит за подобной «геометрией образования» мрачный казарменный фон, но финальные строки документа вряд ли позволяют усомниться в преданности русского мыс-

In Kazan, as well as in all cities, it is not possible to be content only with one gymnasium. If the establishment of several ones is already necessary, the question arises whether it is possible to achieve by this separation the dual purpose. In Kazan, one gymnasium accepts only private students, the other works only as a boarding school. In St. Petersburg, the first gymnasium is already an aristocratic institution; in the two others only half of pupils are boarded, while the other half are private. If we take into account only the fact that students should not live too far from the gymnasium, then each one must admit free listeners. If, however, we want to avoid diversity in the methods of monitoring the order, then every gymnasium should be either purely state-owned or purely private. Finally, we cannot neglect parents' requirement that upper estate children would not mix with boys from much lower estates...

The highest level of education is acquired by the most capable young people only at universities or institutions equal to them. But at universities manifold disciplines require differentiation between them, which is shown in the Charter. It is necessary to do it more detailed with the introduction of more subjects. This plan should be developed by universities themselves. Moscow one introduced a preparatory course in the first year as a better way to strengthen and align the stock of preliminary knowledge...

As you can see from this lengthy quote, the great mathematician was not a stranger to the most mundane issues of student life, which, in his opinion, quite clearly correlated with the problem of ways of learning and educational activities. Some other historian of pedagogy would easily see grim barracks background in such a “geometry of education”, but the final lines of the document hardly allow us to doubt the devotion

лителя интересам Отчизны, в искренности его веры во всепроникающий и всепобеждающий характер университетского просвещения: «Гимназический курс составляют необходимые сведения для каждого, тогда как далее науки надобно слушать в университете. От этих данных начиная, кажется, можно с верностью провести главные черты на том плане, который должен определить университетское преподавание; здесь воспитанник, избрав какой-нибудь род занятий более по своим способностям в продолжение трех лет, следуя природной склонности, упражняет отличительные свои дарования и, наконец, украсив их понятиями о других науках, посвящает себя тому предмету, которому должен быть уже навеки предан как любимому занятию в жизни, и с тем, чтобы оставаться в числе ученых, в числе представителей просвещения по всему государству, во всех его сословиях и званиях».

К началу 1840-х годов деятельность строительного комитета, организованного в 1833 г. и возглавленного Лобачевским, была завершена. Однако уже в августе 1842 г. бушевавший в Казани страшный пожар уничтожил часть университетских зданий, включая астрономическую обсерваторию – одну из лучших в мире и крайне дорогую лично для Николая Ивановича вследствие его давнего увлечения астрономией. Буквально за месяц до казанского пожара сам Лобачевский вместе с профессором физики Э.А. Кнорром и адъюнктом М.В. Ляпуновым выезжал в Пензу, чтобы наблюдать там полное солнечное затмение. Случившееся в Казани бедствие не пощадило библиотеку обсерватории и журналы наблюдений. К счастью, удалось спасти от огня находившиеся в ее помещениях приборы (в том числе большой рефрактор, экваториал и др.), которые, впрочем, все равно требовали починки. Собравшийся опять строительный комитет под председательством Лобачевского начал работы по возведению нового здания обсерватории, законченного в 1844 г. Возобновить здесь наблюдения за небесными светилами получится лишь три года спустя, после того как Лобачевский уже покинул ректорский пост.

of the Russian thinker to the interests of the Motherland, the sincerity of his faith in the all-pervading and all-triumphant nature of university education, “High school course gives necessary information for everybody whereas one must read science further at University. Beginning with these data, it seems that one can surely distinguish the main features of that plan which should define the university teaching; here a student after choosing some occupation according to his abilities in the course of three years and following his natural inclinations exercises his distinguishing gifts and finally, having adorned them with the concepts of other sciences, devotes himself to the subject which he should be forever loyal to as his favorite occupation in life in order to remain among scientists and enlighteners around the whole state, in all its estates and titles”.

By the early 1840s the activities of the building committee organized in 1833 and headed by Lobachevsky, had been completed. However, in August 1842 a terrible fire raged in Kazan and destroyed some university buildings including the astronomical observatory – one of the best in the world, which was very dear to Nikolai Ivanovich personally because of his long-standing passion for astronomy. Just a month before the fire Lobachevsky with physics professor E.A. Knorr and assistant professor M.V. Lyapunov had visited Penza to observe a total solar eclipse there. The disaster which happened in Kazan did not spare the library of the observatory and registers. Fortunately, they managed to save from fire the equipment which was on its premises (including a large refractor telescope, equatorial instrument, etc.), which, however, still required repair. The newly convened building committee chaired by Lobachevsky began to work on the construction of a new building of the observatory which was completed in 1844. The renewal of the observations of celestial bodies there became possible only three years later, after Lobachevsky had already left the post of rector.

Варвара Алексеевна Лобачевская
(1812–1885),
супруга Николая Ивановича.
Фото второй половины XIX в.

Varvara Alexeevna Lobachevskaya
(1812–1885),
wife of Nikolai Ivanovich.
Photo of the second half of the 19th c.

Дворянский герб Н.И. Лобачевского.

Nobiliary coat of arms of N.I. Lobachevsky.

Разумеется, было бы неверно ограничить наш рассказ сведениями, которые касаются исключительно Казанского университета. Управляя сложным процессом университетского строительства, Н.И. Лобачевский не мог замкнуться только на радостях и невзгодах *alma mater*, какой бы сильной ни была его привязанность к ней. В орбите интеллектуального обаяния и неумной творческой энергии ученого-ректора со временем оказалась вся Казань. Во-первых, потому что возглавляемый Лобачевским университет определял ритм жизни в провинциальном городе, выступая естественным центром притяжения более-менее образованной и культурной публики. Во-вторых, по той причине, что и на пике собственной востребованности в качестве преподавателя и администратора Николай Иванович находил для себя интересным решение общегородских проблем. Характерный пример встречаем в тексте воспоминаний дочери Лобачевского – В.Н. Ахлопковой: «*Жителям г. Казани приходилось брать дурную воду из скверного озера Кабан, и Николай Иванович долго трудился над проектом проведения воды из Волги*».

Склонность выдающегося ученого к всевозможным техническим нововведениям и совершенствованию хозяйственных служб интересно преломлялась и в его попытках организовать образцовое загородное имение в деревне Слободка Чебоксарского уезда (ныне в составе г. Козловка Чувашской Республики), располагавшейся на живописном берегу Волги в пятидесяти верстах от Казани. В 1840 г. Н.И. Лобачевский приобрел Слободку у разорившегося помещика Карпенко, сам при этом войдя в немалые долги. К поместью присовокуплялись более сотни крепостных крестьян и водяная мельница, приносившая своему хозяину небольшой доход, но требовавшая серьезного ремонта. Задавшись целью обустроить новые владения, Лобачевский сооружает в Слободке добротный деревянный дом с хозяйственными постройками (амбарами, конюшнями и каретниками, каменной ригой и овчарней), оранжереей и теплицами, разбивает здесь прекрасный сад и кедровую рощу, разводит мериносов (даже продав ради их покупки

Of course, it would be wrong to limit our account to the information which relates exclusively to Kazan University. Managing the complex process of building the university, N.I. Lobachevsky could not limit himself only to joys and sorrows of *alma mater*, no matter how strong his attachment to it was. In time, all Kazan was drawn into the orbit of intellectual charm and boundless creative energy of the rector-scientist. Firstly, because the University headed by Lobachevsky determined the rhythm of life in the provincial city being the natural center of gravity for more or less educated and cultured public. The second reason was that at the peak of high demand for him as a teacher and an administrator, Nikolai Ivanovich found solving citywide problems interesting for him. A typical example can be found in the memoirs of Lobachevsky's daughter – V.N. Akhlopkova: “*Residents of the city of Kazan had to take bad water from nasty lake Kaban, and Nikolai Ivanovich had been long working on the project of water supply from the Volga*”.

The inclination of the outstanding scientist to all sorts of technical innovations and improvement of logistic services was interestingly refracted in his attempts to organize an exemplary country estate in the village of Slobodka of Cheboksary district (now a part of Kozlovka of the Chuvash Republic) located on the picturesque banks of the Volga River about fifty versts (kilometres) from Kazan. In 1840, N.I. Lobachevsky bought Slobodka from bankrupt landowner Karpenko going into considerable debt himself. Over a hundred serfs and a watermill which gave its owner a small income but required major repairs went with the estate. Having a purpose to modernize the new property, Lobachevsky constructed in Slobodka a solid wooden house with outbuildings (barns, stables and a coach-house, a stone barn and a sheepfold), conservatories and greenhouses; he laid out a beautiful garden and a cedar grove and bred merinos (for that purpose he had even sold

Варвара Николаевна Ахлопкова
(1843–1896/1904),
дочь Н.И. Лобачевского.
Фото второй половины XIX в.

Varvara Nikolayevna Akhlopkova
(1843 – 1896/1904),
daughter of N.I. Lobachevsky.
Photo of the second half of the 19th c.

Николай Николаевич Лобачевский
(1835–1900), сын Н.И. Лобачевского.
Фото второй половины XIX в.

Nikolai Nikolayevich Lobachevsky
(1835 – 1900), son of N.I. Lobachevsky.
Photo of the second half of the 19th c.

Александр Николаевич Лобачевский
(1846–1892), сын Н.И. Лобачевского.
Фото второй половины XIX в.

Alexander Nikolayevich Lobachevsky
(1846 – 1892), son of N.I. Lobachevsky.
Photo of the second half of the 19th c.

дорогой перстень с бриллиантом, некогда подаренный императором). В великолепном саду, по воспоминаниям все той же В.Н. Ахлопковой, ее отец «сажал... разные деревья и кусты, расчищал дорожки и превратил овраги и пустыри в цветущие и красивые места с искусственным орошением».

В Слободку семейство Лобачевских выбиралось только летом и, как правило, вместе с несколькими бедными, но хорошо зарекомендовавшими себя в учебе студентами. В отсутствие владельца хозяйством заведовал управляющий. Посетивший в 1854 г. Слободку Н.П. Вагнер рассказывал о том, что «собственными глазами убедился в справедливости отзывов о Лобачевском как об образцовом хозяине», но тут же добавлял: *«Сельским хозяйством Лобачевский занимался более теоретически, чем практически. Он не мог долго жить в деревне, и хозяйство вел наемный управляющий по раз навсегда определенному порядку. Но многое в этом порядке было и ново, и необычно. Многое не удавалось, и все это служило предметом пересудов и строгого суждения помещиков – соседей Николая Ивановича»*. Весьма скептически оценивал позднее хозяйственные эксперименты отца и Николай Николаевич Лобачевский: *«Из сада мы пользовались прекрасными букетами, яблоками всевозможных пород, смородиной, холодной ключевой водой и... только. Отец задался мыслью устроить другую плотину почти в самой деревне, чтобы, задержав бегущие с гор ключи, построить вторую мельницу. Баснословные деньги взяла эта затея, даже кирпичная стена не удержала напора воды, и два раза прорванная плотина унесла с собой массу денег. Отец вошел в долги, имена были заложены...»*.

Опыт по обустройству Н.И. Лобачевским загородного имения, хотя и неудачный, наглядно демонстрирует тот творческий заряд и страсть к новшествам, которыми великий ученый был вовлекаем во многие предприятия и проекты. Регулярно ли оборачивались они удачей? Во все нет. Однако что лучше характеризует истинного поборника наук и просвещения, если не стойкое его сопротивление рутине – и в великом, и в малом?

an expensive diamond ring once given to him by the emperor). In the beautiful garden, according to the memoirs of V.N. Akhlopkova, her father “... planted various trees and bushes, cleared paths and turned ravines and wastelands into blooming and beautiful places with artificial irrigation”.

The Lobachevskys used to come to Slobodka only in the summer and, as a rule, brought with them a few poor students who had earned a good academic reputation. In the absence of the owner the manager was in charge of the manor. N.P. Wagner, who visited Slobodka in 1854, said that “he saw with his own eyes that the reviews about Lobachevsky as an exemplary host were completely true,” but added at the same time: *“Lobachevsky was engaged in agriculture more in theory than in practice. He could not live long in the country and the household was kept by the hired manager according to a once and for all established order. But much in this order was new and unusual. Much went wrong, and all that was the subject of gossip and rigorous judgment of the landlords who were neighbors of Nikolai Ivanovich”*. Nikolai Nikolayevich Lobachevsky was also quite skeptical about the household experiments of his father: *“From the garden we enjoyed beautiful bouquets, various sorts of apples, currants, cold spring water and ... that was all. Father conceived the idea to organize another dam almost in the village itself to hold the mountain’s springs in order to build a second mill. This idea cost fabulous money and even a brick wall did not resist the water pressure, and the dam broke twice which took us a lot of money. The father was in debt and the estate was mortgaged...”*.

Although unsuccessful, the experience of the development of the country estate demonstrates N.I. Lobachevsky’s creative drive and passion for innovation which engaged the great scientist in many enterprises and projects. Did they regularly bring good luck? Not at all. However, what better characterizes the true champion of science and education if not his continuous resistance to routine – both in great and small?

Ваше Превосходительство!

Только в Баку настигла нас весть о Высокой Монаршей Милости, которою почтены Ваши заслуги, и мы спешим из такого далекого края излить пред Вашим Превосходительством чувства общей нашей радости. Примите Ваше превосходительство поздравление наше как знак, что ни время, ни разстояние никогда не могут изгладить из нашей памяти благодарности, которою обязаны мы Вашему Превосходительству за милостивое внимание.

Короткое пребывание наше в Дербенте старались мы вознаградить более продолжительным в Баку. Занятия наши идут довольно успешно: подробное описание Бакинской провинции и города, исследования о мнимых парсах огнепоклонниках, живущих здесь при огнях, наконец изучение наречия Тат, которым говорят издавна поселившиеся в Закавказье Персияне, и посещение развалин, все это заняло наше любопытство на две недели, и только завтра мы оставляем Баку с тем, чтобы ехать прямо на Сальян и Ленкоран. Ни Елисаветполь, ни Шамаха по самым полным и точным известиям не представляют ничего любознательному путешественнику, между тем как около Сальяна существует целый потопленный морем город, и сюда никто из ученых не заносил ноги. Если бы позволяло время, то вместо Елисаветполя я всегда бы предпочел ехать на Восточный берег Черного моря, где один монастырь Пичанды принесет богатый запас туристу.

В Баку мы познакомились очень хорошо с Армянином Айвазовым, у которого есть Армянская Библиотека. Академия предлагала ему продать несколько исторических сочинений, но он решительно отказал, нам однакож обещал дать списать. Если это сбудется, то Библиотека Университета будет иметь несколько замечательных Армянских Историков.

Письмо Вашего Превосходительства к Ашебергу мы отправили по почте в Шамахе и получили оттуда испрошенные Тавризмским Консулом у Персидскаго Правительства охранные листы для нас, а из Каспийскаго Управления заграничный паспорт для нанятаго нами в услужение Астраханскаго Армянина.

Из Тавриза тотчас по прибытии мы будем иметь честь доставить Вашему Превосходительству полный отчет за всю дорогу.

С истинным почтением и глубокою преданностию имею честь быть
Вашего Превосходительства
покорнейшим слугою Илья Березин

1842 года
2го Сентября
Баку

ОТРЫВОК ИЗ «ПЛАН УЧЕНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ВОСТОКУ МАГИСТРОВ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В.Ф. ДИТТЕЛЯ И И.Н. БЕРЕЗИНА», СОСТАВЛЕННОГО А.К. КАЗЕМ-БЕКОВ (1841)

«Время, потребное для ученого путешествия гг. магистров восточной словесности Диттеля и Березина по Востоку, со дня оставления ими Казанского университета должно продолжаться не менее трех лет, из них собственно на путешествие по восточным странам, вне русской границы, полагается с небольшим два года с половиною, а остальные за тем без малого полгода – на проезд по России туда и обратно, на карантин, и непредвиденные задержки.

Положенные на пребывание за границей два с половиною года будут разделены следующим образом: 10 ½ месяца на путешествие по Персии; 1 ½ месяца на проезд через восточную часть Турции; три месяца на путешествие по Сирии; четыре месяца по Египту; 2 ½ месяца на пребывание в Смирне, на посещение части Малой Азии и на дорогу в Константинополь, за тем десять месяцев на пребывание собственно в Константинополе, и на непродолжительные поездки для посещения любопытных мест северо-западных частей Анатолии и юго-восточных Румелии. Всего на пребывание за границей полагается 31 ½ месяца...

На проезд от Казани до Дербенда полагается около одного месяца; а от Дербенда до Тавриза около двух месяцев, а именно: 10 дней собственно на пребывание в Дербенте и осмотр тамошних достопримечательностей, 10 дней в Баку и 25 дней на пребывание в Шамахе, Кандже, Шуше и прочих городах вышеупомянутых провинций; собственно же на дорогу от Дербенда до Тавриза можно употребить до 12 дней, или не более полумесяца. Таким образом, весь проезд от Казани до Тавриза – надобно окончить в течение не более 3-х месяцев; и время это принимается в счет 3-х летнего срока, но не тех двух с половиною годов, назначаемых на исключительное пребывание за границей».

Письмо Н.И. Лобачевскому от И.Н. Березина (1842). Редко выезжая из Казани, ректор Лобачевский всецело поддерживал научные экспедиции, в которые отправлялись его коллеги или ученики. В приведенном письме студент Н.И. Лобачевского (впоследствии прославленный ученый-ориенталист), магистр Илья Николаевич Березин (1818–1896), находясь вместе с В.Ф. Диттелем в «ученом путешествии» по Ближнему и Среднему Востоку, поздравляет наставника с избранием в члены-корреспонденты Гёттингенского королевского научного общества и освещает некоторые детали своего пребывания в Закавказье летом 1842 г.

I.N. Berezin's letter to N.I. Lobachevsky (1842). Rarely leaving Kazan, rector Lobachevsky completely supported scientific expeditions which his colleagues or disciples were going on. In the given letter N.I. Lobachevsky's student (who later became a prominent orientalist), Master Ilya Nikolayevich Berezin (1818 – 1896), being on "a scientific trip" around the Middle East together with V.F. Dittel, congratulated the tutor on becoming a corresponding member of Göttingen Royal Scientific Society and threw light on some details of his stay in Transcaucasia in the summer of 1842.

Ректорский дом Казанского университета, где жил Н.И. Лобачевский.

The rector's house of Kazan University where N.I. Lobachevsky lived.

Надворный фасад главного здания Казанского университета.

The outer facade of the main building of Kazan University.

Главный корпус Казанского университета.
Литография В. Турина (1834) и современный вид.

The main building of Kazan University.
Lithograph by V. Turin (1834) and modern view.

В бывшей университетской церкви сегодня размещается экспозиция Музея истории Казанского федерального университета.

The former university church houses now the exposition of the Museum of History of Kazan Federal University.

Интерьер одной из мемориальных аудиторий Казанского университета.

The interior of one of memorial lecture halls of Kazan University.

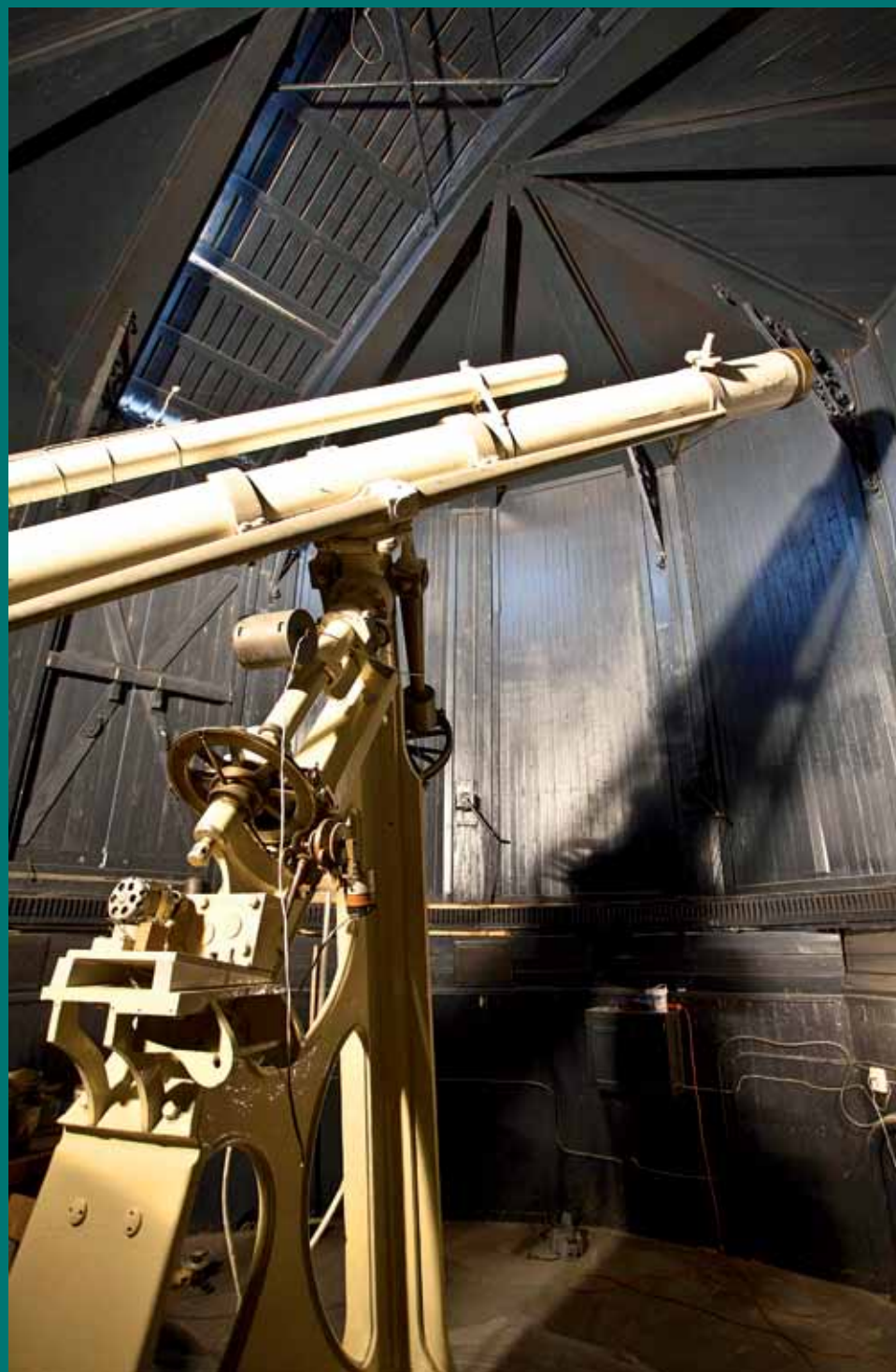

Актовый зал Казанского университета. Фото конца XIX в. и современный вид.

Assembly Hall of Kazan University. Photo of the late 19th c. and modern view.

Астрономические
приборы
в обсерватории
Казанского
университета.

Astronomical
instruments in the
observatory of
Kazan University.

И.М. Симонов за астрономическими
наблюдениями.

I.M. Simonov at astronomical
observations.

Астрономическая обсерватория Казанского университета. Фото второй половины XIX в. и современный вид.

Astronomical Observatory of Kazan University. Photo of the second half of the 19th c. and modern view.

Здание
химической
лаборатории
Казанского
университета.

Building of the
chemical laboratory
of Kazan University.

Анатомический театр Казанского университета. Фото второй половины XIX в. и современный вид.

Dissecting room of Kazan University. Photo of the second half of the 19th c. and modern view.

Корпус библиотеки
Казанского
университета,
построенный в XIX в.
Главная лестница.

Library building of
Kazan University built
in the 19th c. The main
staircase.

В старинном
библиотечном
здании сегодня
находится
Отдел рукописей
и редких книг.

The old library building
houses now
the Department
of Manuscripts
and Rare books.

Библиотека Казанского университета.
Фото конца XIX – начала XX вв. и современный вид.

Library of Kazan University. Photo of the late 19th –
early 20th c. and modern view.

Фасад дома-музея
Н.И. Лобачевского
в г. Козловка
(Республика
Чувашия).

Facade of
N.I. Lobachevsky's
memorial house in
Kozlovka (Chuvash
Republic).

Примерное место
первоначального
расположения
усадьбы
Лобачевского
в деревне Слободка
(ныне – в составе
г. Козловка).

The approximate
location of
the original estate
of N.I. Lobachevsky
in the village of
Slobodka (now a part
of Kozlovka).

ИЗЛАГАТЬ ЯСНО И УВЛЕКАТЕЛЬНО... TO EXPOUND CLEARLY AND CAPTIVATINGLY...

Жизнь в окружении текстов, в их бесконечном осмыслении, созидании и приумножении – удел всякого ученого. И, разумеется, только через знакомство – пусть и самое приблизительное – с миром текстов, в котором обитал и обретал себя гениальный ученый Лобачевский, можно ощутить истинные масштабы его дарования и широту интеллектуальных поисков. Среди материалов, связанных с именем нашего героя и дошедших до наших дней, конечно же, отыщется немало количество научных (или не совсем) книг и журналов, брошюр и газет. А еще – составленные от руки конспекты лекций и обширная корреспонденция, официальные отчеты и подробные описания различных университетских проектов, развернутые рецензии и служебные записки. Их полный перечень либо сколь-нибудь детальная классификация вряд ли возможны и вряд ли необходимы в рамках небольшого обзора. Главное, что надлежит здесь осознать, – это подлинное многообразие (и жанровое, и языковое) корпуса текстов, которые некогда читались, записывались и произносились Лобачевским.

Living surrounded by texts, endlessly understanding, creating and increasing them is the lot of any scientist. And, of course, only by getting familiar – albeit very roughly – with the world of texts, in which brilliant scientist Lobachevsky lived and found himself, you can feel the true extent of his talent and breadth of his intellectual search. Among the materials connected with the name of our hero which have survived to the present day you will find, of course, a considerable amount of scientific (and not) books and magazines, brochures and newspapers. And also hand-written lecture notes and extensive correspondence, official reports and meticulous accounts of various university projects, detailed reviews and memos. Their complete list or detailed classification is hardly possible and hardly necessary as a part of a small review. The main thing that should be understood here is a genuine diversity (both genre and linguistic) of the corpus of texts that were once read, written and pronounced by Lobachevsky.

Александр Федорович Попов (1815–1878), ученик и преемник Н.И. Лобачевского по кафедре чистой математики. В 1866 г. избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук.

Alexander Fyodorovich Popov (1815–1878), N.I. Lobachevsky's disciple and successor at the chair of pure mathematics. In 1866 he was elected a corresponding member of Petersburg Academy of Sciences.

Забота о владении словом было для великого математика неотъемлемой частью его творческого и профессионального служения. Вошедшие в данный раздел иллюстрации призваны дополнить облик «вселенной Лобачевского» еще одним измерением – измерением искренней любви российского университетария XIX века к литературе и словесности как таковой. Именно она позволяет соотнести обустроиваемое и оберегаемое ученым пространство истинного знания с классической идеей *universitas litterarum*. Особое внимание в этой связи хотелось бы уделить материалам, которые свидетельствуют сегодня о замечательной эрудиции и успехах Н.И. Лобачевского в роли лектора и университетского библиотекаря.

Хорошо известно, что педагогическая деятельность Лобачевского началась довольно рано: впервые он выступил с лекциями в 1812 г., когда ему было поручено чтение публичного курса арифметики и геометрии для чиновников. Полнота, отчетливость и необыкновенная ясность изложения, характерные для молодого педагога, сразу же обратили на него особое внимание. Преподавание велось Лобачевским на основе последних достижений науки, а написанные им конспекты и другие методические материалы долгое время служили основой для начинающих преподавателей университета и учителей Казанской гимназии.

Мастерство Лобачевского-лектора позволяло ему четко и однозначно формулировать понятия, избегать монотонности в изложении, обучать образно, используя яркие сравнения и занятные факты. Ученик Лобачевского А.Ф. Попов вспоминал, что в аудитории тот «заботился об изложении со всею ясностью, решал сначала частные задачи по способу синтетическому, а потом доказывал общие предположения по способу аналитическому; он мало заботился о механизме счета, но всего более о точности понятия. Он чертил на доске не скоро, старательно, формулы писал красиво, дабы воображение слушателей воспроизводило с удовольствием предметы преподавания...». Другой современник, посещавший лекции Лобачевского по

The great mathematician's care for language proficiency was an integral part of his creative and professional service. The illustrations included in this section are intended to complement "Lobachevsky's universe" with another dimension, the dimension of genuine love of the 19th century university man for language and literature as such. It is this love that allows relating a space of genuine knowledge organized and protected by the scientist to the classical idea of *universitas litterarum*. Particular attention in this regard should be paid to the materials that testify today to the great erudition and successes of N.I. Lobachevsky as a lecturer and university librarian.

It is well known that Lobachevsky began his pedagogical activity quite early: he first gave lectures in 1812, when he was entrusted with reading a public course of arithmetic and geometry for civil servants. Completeness, intelligibility and extraordinary clarity of exposition, which were typical of the young teacher, immediately drew attention to him. Lobachevsky's teaching was based on the latest achievements of science and notes and other instructional materials written by him for a long time served as the basis for novice University teachers and teachers of Kazan gymnasium.

Mastery of Lobachevsky as a lecturer enabled him to clearly and unambiguously define concepts, avoid monotony in the presentation, teach colorfully using bright comparisons and amusing facts. Lobachevsky's disciple A.F. Popov recalled that in the lecture hall he "took care of the presentation with all clarity, solved particular problems first using the synthetic method and then proved general assumptions using the analytical method; he cared little about the mechanism of counting, but paid much attention to the accuracy of the concept. He slowly and meticulously drew on the board, diligently wrote formulas so that the audience's imagination reproduced taught subjects with pleasure..." Another Lobachevsky's contemporary,

Петр Иванович Котельников

(1809–1879), профессор математики Казанского университета.

П.И. Котельников был одним из немногих современников, оценивших по достоинству передовые математические идеи Лобачевского.

Piotr Ivanovich Kotelnikov

(1809–1879), professor of mathematics of Kazan University. P.I. Kotelnikov was one of few contemporaries who appreciated Lobachevsky's innovative mathematical ideas at their true value.

физике, отмечал: «Он не обладал блестящим даром слова, отличавшимся, тем не менее, точностью и ясностью. Когда он излагал законы физики, то объяснял их до такой степени последовательно и понятно, что для всякого казались эти объяснения вразумительными. Он пытался объяснить законами физики каждое явление, которое, казалось, выходило из ряда обыкновенных». Профессор П.И. Котельников также вспоминал, что Лобачевский «владел удивительной способностью излагать ясно и увлекательно; часто во время лекции, благодаря своим гениальным способностям, он создавал экспромтом совершенно новые способы решения математических вопросов».

Напомним читателю, что уже в 1813 г. Лобачевский был официально назначен преподавателем публичных курсов арифметики, а 23 марта 1814 г. был утвержден «адъюнктом чистой математики» и начал преподавать в университете. Лобачевский ведет в университете курс арифметики, алгебры и тригонометрии, чуть позже, в 1817/18 г., уже в звании профессора (он был утвержден в нем годом ранее за свои «отличные познания») читает «плоскую и сферическую тригонометрию», а затем – дифференциальное и интегральное исчисление. В последующие годы Лобачевскому пришлось брать на себя еще и преподавание механики, физики и астрономии (одновременно заведая физическим кабинетом и астрономической обсерваторией, а с 1820 г. занимая также должность декана физико-математического факультета, на которую его избирали четыре раза подряд).

Универсальность подготовки Н.И. Лобачевского, его энциклопедические знания в различных областях и широта взглядов на процесс преподавания полностью проявляются по мере вовлечения в труды, связанные с развитием библиотеки Казанского университета. Войдя в конце 1819 г. в особую комиссию «для окончательного приведения в порядок библиотеки» (созданную по распоряжению попечителя Казанского учебного округа М.Л. Магницкого), молодой преподаватель довольно быстро сформулировал собственный взгляд на принципы описания книг,

who attended his lectures on physics, said: “He did not have a great gift for words, which was characterized, nonetheless, by its accuracy and clarity. When he expounded the laws of physics, he explained them so consistently and clearly that these explanations seemed intelligible to anyone. He tried to explain every phenomenon that seemed to come out of the ordinary using the laws of physics”. Professor P.I. Kotelnikov also recalled that Lobachevsky “possessed an amazing ability to expound clearly and captivatingly; often during lectures thanks to his brilliant abilities he created offhand completely new ways of solving mathematical problems”.

Let us remind the reader that in 1813 Lobachevsky was officially appointed teacher of public courses of arithmetic and was approved as “an assistant professor of pure mathematics” on March 23, 1814 and began teaching at university. Lobachevsky read a course of arithmetic, algebra and trigonometry at university; a little later, in 1817–1818 he was already in the rank of professor (he had been conferred it a year before for his “excellent knowledge”); he read “plane and spherical trigonometry” and then differential and integral calculus. In the subsequent years Lobachevsky had to take on the teaching of mechanics, physics and astronomy as well (at the same time heading the physics office and the astronomical observatory, and since 1820 holding the post of the dean of the Faculty of Physics and Mathematics, to which he was elected four times in succession).

Universality of Lobachevsky's training, his encyclopedic knowledge in various spheres and his breadth of views on the process of teaching were fully manifested as far as he became involved in activities connected with the development of Kazan University library. As he became a member of the special commission “to finalize arrangement of the library” at the end of 1819 (which was created on the orders of the trustee of Kazan educational district M.L. Magnitsky), the young teacher quite soon formulated his

Вход в библиотеку
Казанского университета

Entrance to the library of
Kazan University

считая необходимым создание единого каталога на все книжные собрания и ведение четкой библиотечной документации. В октябре 1825 г. Лобачевский начинает официально заведовать всеми делами библиотеки, сначала в должности исполняющего обязанности библиотекаря, а затем и библиотекаря (вплоть до весны 1835 г.).

Занимая этот пост, Лобачевский не просто закладывает основы научного комплектования фондов библиотеки, отечественного и международного книгообмена. Именно по инициативе Лобачевского библиотека университета стала открытой для всех горожан. Публичным становится читальный зал книгохранилища, книги начинают фактически выдавать и на дом «по поручительству» кого-либо из сотрудников университета. Позднее эта мера, ввиду своего просветительского значения, распространилась и на прочие музеи и учебные кабинеты университета, которые стали доступными для всех желающих. Интересно, что работая над комплектованием научной библиотеки Казанского университета, Лобачевский создал собственную оригинальную систему классификации книг, в основу которой «было положено разделение потребностей человека на потребности телесные, познавательные, нравственные и на потребности порядка».

own principles of book description considering creating the unified catalogue of all book collections and having comprehensive library documentation a necessity. In October 1825 Lobachevsky became the official head of the library – first as an acting librarian, and then as a librarian (until spring of 1835).

Holding this post, Lobachevsky not only laid the foundations for scientific acquisition of books for the library and domestic and international book exchange. It was at the initiative of Lobachevsky that the University Library became open to all citizens. The reading room became public, books became available for reading at home “for guarantee” of some university employee. Later this measure, due to its educational value, was spread to other museums and classrooms of University, which became available to all comers. It is interesting that while working on stocking the Scientific Library of Kazan University, Lobachevsky created his own original book classification system which was based on “division of all human needs into physical, cognitive, moral needs and needs of order”.

Газета «Казанские известия». Номер 21 за 1811 год, содержащий первое публичное упоминание о научных исследованиях Н.И. Лобачевского.

Newspaper "Kazan News" ("Kazanskii Izvestiia"). Issue 21, 1811, containing the first public reference to N.I. Lobachevsky's scientific research.

Кстати, под руководством и постоянным наблюдением ученого строилось и само здание библиотеки. В 1825 г. в представлении правлению университета Лобачевский писал: «Устройство библиотеки требует обратить внимание на поместительность, на издержки, на доставление удобства библиотекарю служить читателям и, наконец, на красоту наружности. Последнее требование уступает первым, как существенным; но и убранством библиотеки нельзя пренебречь, в намерении все то, что служит для просвещения народного, сверх внутреннего достоинства одеть привлекательною наружностью и тем поддержать любовь в науках и высокое о них мнение». Заложено новое здание библиотеки было 11 августа 1834 г., а завершение строительства пришлось на 1838 год.

Особое место в созидании новой университетской среды, по мысли Лобачевского, должно было принадлежать оригинальной периодике. Именно заботой о появлении в Казанском университете собственного научного журнала была обусловлена смена профиля «Казанского вестника». Начавшая издаваться еще в 1811 г. (под названием «Казанские известия») эта общегородская газета вскоре была передана в ведение университета. К моменту избрания Лобачевского на ректорский пост «Казанский вестник» пользовался репутацией не столько познавательного, сколько нравоучительного издания, общую тональность которого формировали публикации религиозного или богословского толка. Возглавив в 1828 г. издательский комитет «Вестника», Лобачевский сделал все для превращения газеты в нормальный инструмент научно-просветительской работы. Теперь, помимо местной хроники, здесь публиковались – в формате еженедельного приложения – актуальные новости из-за рубежа, печатались переведенные с иностранных языков (Лобачевским же!) научные статьи и обзоры. В «Казанском вестнике» выдающийся математик опубликует (1829–1830) и свой первый труд по неевклидовой геометрии. С 1834 г. (вновь по инициативе Николая Ивановича) «Казанский вестник»

By the way, under the guidance and constant supervision of the scientist the building of the library itself was erected. In 1825, in the presentation to the University board, Lobachevsky wrote: "The organization of the library requires paying attention to room, costs, to giving the librarian enough comfort to serve readers and, finally, to the beauty of the appearance. The last requirement gives way to the first ones as being more essential; but the decoration of the library cannot be neglected; the intention is that everything that serves to educate people, apart from internal dignity, should be dressed up in order to maintain love for sciences and high opinion of them". The foundations of the new library building were laid on August 11, 1834, and the construction was completed in 1838.

A special place in the creation of a new university environment, according to Lobachevsky, belonged to the original periodicals. This concern for the appearance of Kazan University's own scientific journal led to a change of the agenda of "Kazan Herald". It began to be published in 1811 (under the name "Kazan News" ("Kazanskii izvestiia")); and university was soon put in charge of this citywide newspaper. By the time of Lobachevsky's election to the Rector's post, "Kazan Herald" had had a reputation of moralizing rather than educational edition; the general tone of its publications was religious or theological. Heading the publication committee of "Kazan Herald" in 1828, Lobachevsky did all his best to turn this newspaper into a normal tool of scientific and educational work. From that time on, apart from the local chronicle, it contained latest news from abroad, which was published as a weekly supplement, and scientific articles and reviews translated from foreign languages by Lobachevsky himself! The outstanding mathematician published his first work on non-Euclidean geometry (1829–1830) in "Kazan Herald". From 1834 on (again at the initiative of Nikolai Ivanovich) "Kazan Herald"

Журнал «Казанский вестник». 1829 г. В этом журнале было опубликовано сочинение Лобачевского «О началах геометрии».

Journal "Kazan Herald". 1829. Lobachevsky's work "On Foundations of Geometry" was published in this journal.

превращается в полноценный научный журнал – «Ученые записки Императорского Казанского университета», на страницах которого в 1835–1838 гг. печатаются «Новые начала геометрии». Параллельно Лобачевским обдумывается возможность регулярно публиковать научные статьи и на иностранных языках (в частности, французском и немецком) с последующей рассылкой в библиотеки европейских университетов. Такой площадкой должен был стать новый журнал «Метеорологические наблюдения», единственный том которого увидел свет в 1841 году, в качестве приложения выпуск содержал статьи самого Лобачевского и его коллеги Э.А. Кнорра.

Математика, физика, астрономия, метеорология... Во всех этих областях, как хорошо известно, Лобачевский состоялся в качестве первооткрывателя и автора высококлассных научных текстов. Не станем утомлять читателя многочисленными примерами, заметив только, что полный перечень дисциплин, которыми интересовался и о которых писал Лобачевский, еще не завершён никем из его биографов. Кажется, природная любознательность великого земляка обусловила его участие в большинстве сколь-нибудь важных начинаний Казанского университета на ниве науки, образования и просвещения. Так, в январе 1839 г. Лобачевский выступил одним из инициаторов создания Казанского экономического общества, которое ставило главной целью своей деятельности «распространение в России усовершенствованных сельских хозяйств и земледелия». В рамках этого общества Лобачевский неоднократно поднимал вопрос об образовании для низших сословий, сам несколько лет читал «народную физику» для ремесленного класса. В 1842 г. им был представлен проект обучения (при уездных училищах) купеческих детей черчению. А в 1843 г. Николай Иванович предлагает открыть в Казанской губернии школы земледелия, ремесел, навигации, судостроения и шелководства, ратуя при этом за общественное воспитание детей низших сословий, благодаря которому «правительство не только уменьшит число вредных людей, но умножит и число полезных».

was becoming a fully scientific journal – “Scientific Notes of Emperor’s Kazan University”, where the work “New Foundations of Geometry” was published in 1835–1838. At the same time Lobachevsky was considering a possibility of regular publication of scientific papers in foreign languages (in particular, French and German) with their further mailing to the libraries of European universities. The new journal “Meteorological Observations” was supposed to become such a tool; its only volume was published in 1841 – as a supplement it contained articles by Lobachevsky himself and by his colleague E.A. Knorr.

Mathematics, physics, astronomy, meteorology ... It is well-known that in all these areas Lobachevsky was a pioneer and author of first-class scientific texts. We will not bore the reader with numerous examples, noting only that the complete list of subjects that Lobachevsky was interested in and wrote about, has not been completed by any of his biographers yet. It seems that natural curiosity of our great fellow townsman determined his participation in most important undertakings of Kazan University in the field of science, education and enlightenment. In January of 1839 Lobachevsky became one of the initiators of the foundation of Kazan Economic Society whose main purpose was “the dissemination of improved agricultural households and farming”. In the framework of this society Lobachevsky repeatedly raised the issue of education of the lowest sections of society and personally read “people’s physics” for workers. In 1842 he presented a project of teaching merchants’ children drawing at county colleges. In 1843 Nikolai Ivanovich offered to open in Kazan province schools of agronomy, crafts, navigation, shipbuilding and sericulture advocating for the public education of the lowest classes’ children, thanks to which “the government will not only lessen the number of harmful people, but also increase the number of useful ones”.

Первая страница публикации Лобачевского «Применение воображаемой геометрии к некоторым интегралам». 1836 г.

The first page of Lobachevsky's publication "Application of Imaginary Geometry to Certain Integrals". 1836.

Благодаря энергии и организаторским способностям Лобачевского Казанское экономическое общество активно развернуло изучение экономических проблем Поволжья, Урала и Сибири, провело большую работу по организации выставок земледелия, мануфактур и ремесел. Руководя работой общества, Лобачевский усиленно штудировал современную ему экономическую литературу, изучал книжные новинки по сельскохозяйственной технике. Лобачевским же было подготовлено «наставление» по производству метеорологических наблюдений, по наблюдению за растениями, представлены подробно мотивированные расчеты и мнения по вопросу о том, насколько выгодно кормить лошадей вместо сена ржаной соломой. Такого рода исследования снискали ученому вполне заслуженную репутацию одного из ведущих экспертов в сфере сельского хозяйства.

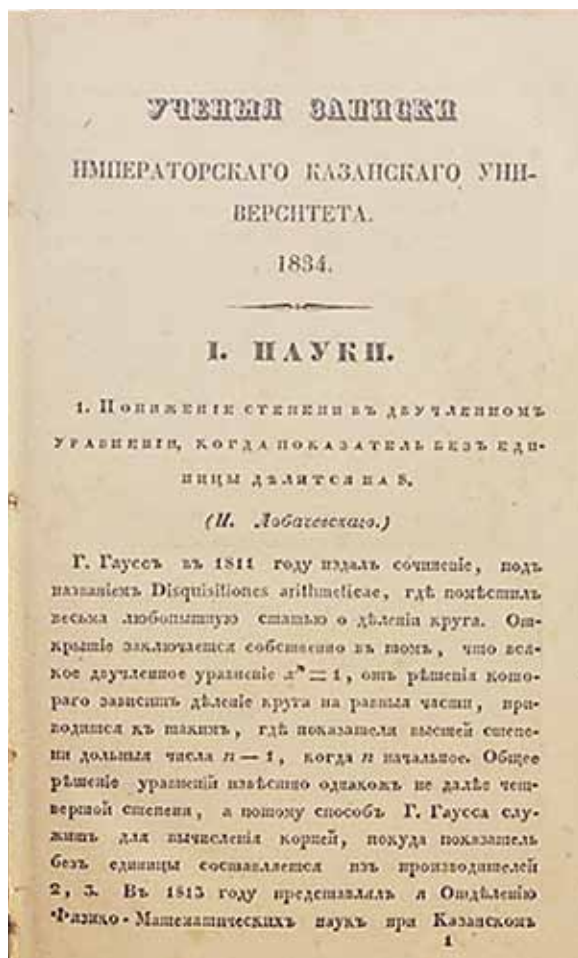
С другой стороны, многие документы свидетельствуют, что Н.И. Лобачевский активно интересовался периодическими изданиями литературного и публицистического плана, такими, к примеру, как «Московский телеграф», «Современник», «Отечественные записки», «Сын Отечества», «Московитянин», «Библиотека для чтения». Он также внимательно следил за новинками художественной литературы и, в частности, высоко ценил поэзию А.С. Пушкина. Именно по предложению Лобачевского в 1828 г. университетской библиотекой были приобретены «произведения новых российских писателей, которые, будучи уже признаны классическими и составляя эпоху в русской литературе, давно уже заслужили бы быть приобретенными». Первыми в списке значились пушкинские «Евгений Онегин», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы», «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник». В апреле следующего, 1829 года, ректор вновь просил приобрести для библиотеки сочинения А.С. Пушкина.

Дочь Николая Ивановича В.Н. Ахлупкова вспоминала, что отец «очень любил басни Лафонтена, заставляя детей своих читать и переводить их. Любил он очень сочинения Дюма и Пушкина, иногда декламируя последнего в семейном

Thanks to Lobachevsky's energy and organizational skills Kazan Economic Society started an active study of the economic problems of the Volga region, the Urals and Siberia; it carried out hard work to organize expositions of agronomy, manufacturing and crafts. Being the leader of the Society, Lobachevsky strenuously studied the contemporary economic literature and new books on agricultural technology. Lobachevsky also prepared "directions" for making meteorological observations of plants; he presented detailed calculations and reasoned opinions on how beneficial it was to feed horses with rye straw instead of hay. Such research brought the scientist a well-deserved reputation as one of the leading experts in the sphere of agriculture.

On the other hand, there are many documents testifying that N.I. Lobachevsky was eagerly interested in periodicals of literary and journalistic nature, such as "The Moscow Telegraph", "Sovremennik" ("The Contemporary"), "Otechestvennye Zapiski" ("The Annals of the Fatherland"), "Syn Otechestva" ("Son of the Fatherland"), "Muscovite", "Library for Reading". He also followed the latest fiction books very closely, and, in particular, highly estimated A.S. Pushkin's poetry. It was on Lobachevsky's proposal that in 1828 the University library bought "works of new Russian writers who, being already labelled classical and forming the epoch in the Russian literature had long ago deserved to be bought". The first on the list was Pushkin's "Eugene Onegin", "Bakhchisaray Fountain", "Gypsies", "Ruslan and Lyudmila", "The Caucasian Captive". In April 1829 the rector again asked to buy A.S. Pushkin's works for the library.

Nikolai Ivanovich's daughter V.N. Akhlopkova later recalled that her father "liked very much Lafontaine's fables making his children read and translate them. He also liked very much works by Dumas and Pushkin and sometimes recited the latter in the family circle". From the reports of his

Первая страница одной из публикаций Лобачевского в «Ученых записках Казанского университета». 1834 г.

The first page of one of Lobachevsky's publications in the "Scientific Notes of Kazan University". 1834.

кругу своем». Из сообщений современников также известно, что в домашнем кругу Лобачевский любил почитать вслух знаменитые гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород». Интересовался он и творчеством Д.В. Вenevитинова, Д.В. Давыдова, А.С. Грибоедова, равно как и новыми произведениями западноевропейских писателей. Известно, что Лобачевский сносно владел древнегреческим и латынью (последнюю он даже преподавал), а некоторые свои сочинения писал на французском и немецком языках. Кроме того, в 1826–1827 гг. Лобачевский занимался переводом с немецкого описания путешествия профессора Ф.И. Эрдмана по берегам р. Камы и Оренбургской губернии.

Находясь на ректорском посту, математик Лобачевский активно продвигал изучение и преподавание в Казанском университете иностранных языков. С 1827 по 1845 гг. в его стенах были открыты кафедры монгольского, китайского, армянского, маньчжурского языков, а также санскрита. Поощряя преподавание восточных языков, Николай Иванович считал необходимым «испросить у правительства, чтобы студенты, окончившие курс учения восточных языков, были принимаемы в иностранную коллегию, притом без экзамена, с одним аттестатом от университета». Неслучайно, что именно при ректоре Лобачевском в 1830-х гг. стал быстро развиваться «восточный разряд», являвшийся фактически факультетом или отделением университета, при котором были организованы и открыты новые языковые кафедры, в ряде случаев – первые в России (как, например, кафедры монгольского и китайского языков). Позднее были организованы кафедры армянского языка и санскрита. Сам «восточный разряд» Казанского университета просуществовал до 1854 г. и был переведен в состав университета Петербургского, сыграв, таким образом, важнейшую роль в формировании восточной политики Российской империи и развитии в ней востоковедения. В 1847 г. Николай Иванович предложил опубликовать «калмыцкую грамматику», составленную ординарным

contemporaries it is also known that Lobachevsky liked reading aloud Gogol's well-known "Evenings on the Farm Near Dikanka" and "Mirgorod". He was also interested in the works of D.V. Venevitinov, D.V. Davydov, A.S. Griboedov as well as new works of West European writers. It is known that Lobachevsky knew Ancient Greek and Latin fairly well (he even taught the latter), and he wrote some of his works in French and German. Moreover, in 1826–1827 Lobachevsky was engaged in the translation of the description of a journey along the Kama and Orenburg province written by Professor F.I. Erdman.

Holding the rector's post, Lobachevsky, being a mathematician, actively promoted studying and teaching foreign languages at Kazan University. From 1827 to 1845 on its premises there were opened chairs of the Mongolian, Chinese, Armenian and Manchurian languages as well as Sanskrit. Encouraging teaching Oriental languages, Nikolai Ivanovich considered it necessary to "petition the government that students who had finished the course of Oriental languages could be employed for Foreign Service only with the certificate issued by University and without any examination". It was not accidental that in the 1830-s, while Lobachevsky was the rector, a prompt impulse was given to the "Oriental direction", which in fact was a faculty or a department of University at which new language chairs were organized and opened, in some cases for the first time in Russia (for example, chairs of the Mongolian and Chinese languages). Later the chairs of Armenian and Sanskrit were set up. "The Oriental direction" of Kazan University existed until 1854 when it was transferred to St. Petersburg University and played a fundamental role in the formation of the Eastern policy of the Russian Empire and the development of oriental studies. In 1847 Nikolai Ivanovich offered to publish "the Kalmyk grammar" compiled by Professor A.V. Popov.

профессором А.В. Поповым. То был первый опыт издания пособий по калмыцкому языку. Свою инициативу Лобачевский подкреплял ссылкой на пользу «в литературе восточной и в управлении государственным».

Именно по инициативе Лобачевского в университете стал отдельно преподаваться такой предмет, как «История общей литературы». В специальной записке Николай Иванович отмечал: *«Всем ученым, занимающимся литературою, известны сочинения Шлегеля, Эйхгорна, Жарри, Манси, Виллемена, Рио и многих других. С удовольствием знакомится всякий с исследованиями сих знаменитых литераторов и невольно увлекается мыслию при общем взгляде на умственные произведения, качества слога, предметы красноречия, на побудительные причины, дух времени, гениальные образцы, которые послужили правилом для подражания. Любопытно узнавать постепенность усовершенствования и следовать за ходом ума, который является здесь подчиненным общему влиянию исторических происшествий, гражданских постановлений и степени образованности. Весьма поучительно из целой огромной массы произведений, чисто эстетических, уметь извлекать те начала, которые их произвели, со всем разнообразием, которых признаки везде отыскиваются, и которые тесно связаны с началами нравственными, народного правления, государственным отношениями, с промышленностью и с успехами вообще во всех науках. Весьма полезно видеть, куда наклоняется изящный вкус писателей и какой должен достигнуть он цели, чтобы, остановившись на время здесь, открыть новое поле для своей деятельности. Итак, много будет доставать хорошо воспитанному юноше, если его лишит познаний, которые поучают, как должно смотреть на успехи всей словесности и видеть, от чего происходит усовершенствование отечественного языка».* Мы видим, что роль литературоведения в интеллектуальном развитии образованного человека, согласно Н.И. Лобачевскому, и впрямь трудно переоценить.

That was the first experience of publishing manuals in the Kalmyk language. Lobachevsky supported his initiative with the reference to the benefit for “eastern literature and state governance”.

It was on Lobachevsky's initiative that such a subject as “The History of General Literature” began to be taught at University. In the special note Nikolai Ivanovich wrote: *“All scholars engaged in literature are familiar with works of Schlegel, Eichhorn, Jarry, Mansy, Villemain, Rio and many others. Anyone familiarizes himself with pleasure with researches of these famous literary men and unwittingly becomes carried away with thinking when they look at intellectual works, qualities of style, subjects of eloquence, motivating reasons, zeitgeist, genial examples which have served as a rule to follow. It is curious to see gradual improvement and follow the mind which is subordinate here to the general influence of historical events, civil statutes and the level of education. It is rather instructive to be able to extract from a wide range of purely esthetic works those beginnings which created them with all diversity and whose signs are found everywhere and which are closely connected with moral principles, people's government, state relations, as well as with industry and achievements in all sciences. It is rather useful to see where the exquisite taste of writers is tilting and what purpose he is to achieve so that stopping here for a while will open a new field for his activity. So, a well brought up youth will be missing a lot if he is deprived of knowledge which teaches how to look at the successes of all literature and see how the perfection of the native language happens”.* We see that the role of literature studies in the intellectual development of an educated person, according to N.I. Lobachevsky, is really difficult to overestimate.

Н.И. Лобачевский в 1855 г.
Фотография с дагерротипа.

N.I. Lobachevsky in 1855.
Photo from daguerreotype.

Глубочайший интерес к изучению и преподаванию словесности, конечно же, прямо соотносился для Лобачевского с общим взглядом на цели и задачи университетского образования. Важную роль для их понимания потомками играет сегодня текст знаменитой речи «О важнейших предметах воспитания» (1828), адресованный молодым ректором университетскому сообществу спустя год после его избрания и опубликованный позднее на страницах «Казанского вестника». Это выступление, кстати, полностью раскрывает и мировоззренческую позицию ученого-универсала, увлеченного просветительскими идеями XVIII века: *«В каком состоянии, воображаю, должен был находиться человек, отчужденный от общества людей, отданный на волю одной природе. Обращаю потом мысли к человеку, который, среди устроенного, образованного гражданства последних веков просвещения, высокими познаниями составляет честь и славу своего Отечества. Какая разность, какое безмерное расстояние разделяет того и другого. Эту разность произвело – воспитание. Оно начинается от колыбели, приобретает сперва одним подражанием; постепенно развертывается ум, память, воображение, вкус к изящному, пробуждается любовь к себе, к ближнему, любовь славы, чувство чести, желание наслаждаться жизнью. Все способности ума, все дарования, все страсти, все это обделывает воспитание, соглашает в одно стройное целое, и человек, как бы снова родившись, является творением в совершенстве».* Сколь актуальным и сколь далеким оказывается такое толкование идеи совершенствования Человека в наши дни...

The deepest interest in studying and teaching literature directly relates for Lobachevsky to the general view of tasks and goals of tertiary education. The famous speech “On the Most Important Subjects of Education” (1828), which was addressed by the young rector to the university community just a year after taking the post and which was published later in “The Kazan Herald”, plays an important role for their today’s understanding. This speech, by the way, fully demonstrates the worldview of the universal scientist who was utterly fascinated by the enlightenment ideas of the 18th century: *“I imagine the state a man alienated from the society and given to the mercy of nature should be. My thoughts then turn to a man who in the established and educated citizenship of the latest centuries of the enlightenment thanks to his deep knowledge constitutes the glory of his motherland. What a difference; what an immeasurable gap lies between one and the other. This difference is created by education. It begins in a cradle, it is first attained by means of imitation only; gradually the mind, memory, imagination, thirst for the exquisite are unfolding; love for your own self, for the nearest, for glory, the feeling of honor, the desire to enjoy life are awakening. All abilities of the mind, all talents, and all passions are products of education; it arranges everything in one harmonic whole, and a man, as though he was born again, becomes the creation in perfection”.* How topical and how distant such an interpretation of the idea of perfection of Man is nowadays...

Показание производства времен

Главных начал глагола находится четыре, как то: 1ое Настоящее время изъявительного 2ое Прошедшее время изъяв. 3^{ие} Супина и 4ое Настоящее неоконч. действ. Напр: amo amavi amatum amare, из коих производят все прочие времена глаголов.

I. От настоящего изъявительного

1ое производят прочие настоящие (praesentia tempora), как то

a) Praesens indicativi passivi, переменя o на or во всех спряжениях

b) Praesens conjunctivi activi, переменя в первом спряжении o на em, как: amo – amem, а в прочих трех o на am, какъ: moneo – moneam, colo – colam, audio – audiam

Но от praesenti conjunctivi activi происходит:

praesens conjunctivi passivi, переменя последнюю букву m на r во всех спряжениях amem – amer; moneam – monear; colam – colar; audiam – audiar.

2ое Произходят imperfecta indicativi, переменя в первом спряжении букву o на

abam как amo – amabam, а в прочих трех спряжениях o на ebam, moneo – monebam, audio – audiebam.

Естьли в слогe bam букву m переменить на r то произойдет imperfecta passiva, как: amabam – amabar; monebam – monebar; colebam – colebar; audiebam – audiebar.

3^{ие} Произходит futurum simplex activi, сделавъ из o, abo в первом и ebo во

втором спряжении: amo – amabo; moneo – monebo; а в 3^{ем} и 4ом спряжениях o переменив на am: colo – colam; audio – audiam.

Естьлиже в первых двух к слогам abo и ebo прибавим букву r а в двух последних спряжениях букву m переменим на r то произойдут futura passiva indic. или futura simplicia passiva, amabo – amabor; moneo – monebor; colam – colar; audiam – audiar.

Конспект учебного
текста по латинскому
языку, выполненный
Н.И. Лобачевским.

Summary of a learning
text in Latin made
by N.I. Lobachevsky

II. От прошедшего изъявительного (a perfecto indicativi)

1ое происходит perfec. conjunctiv. act. переменивъ i на erim во всех спряжениях:

amavi – amaverim monui – monuerim, colui – coluerim, audivi – audiverim

2ое происходит plusquam. perf. indic. act. переменив i на eram во всех спр.: amavi

– amaveram monui – monueram, colui – colueram; audivi – audiveram

3^{ье} происходит plusquamperf. conjun. act. чрез прибавление к perfecto. indic. слога

ssem во всех спряжениях: amavi – amavissem, monui – monuissem; colui – coluissem, audivi – audivissem

4ое происходит futurum exactum act. переменив perf. act. последнюю букву i на ero

во всех спр.: amavi – amavero; monui – monuero; colui – coluero; audivi – audivero

5ое происходит perf. и plusquamperf. inf. act. чрез прибавление к perf. indic. слога sse

во всех спряжениях amavi – amavisse, monui – monuisse; colui – coluisse; audivi – audivisse.

III. От супины (a Supino)

1ое происходит partic. fut. act. т.е. букву m переменив на rus во всех спряжениях или к окончанию второй супины и прибавив rus: amatum – amaturus, monitum – moniturus; cultum – culturus; auditum – auditurus.

А когда к слову particip. fut. прибавить помогающий глагол esse (спереди или сзади), то произойдет futur. infin. во всех спряжениях: amaturus, a, um, um, am, um, ri, ae, a, os, a esse; moniturus esse; culturus esse; auditurus esse.

2ое происходит part. perf. passivi т.е. слог um переменив на us, a, um или окончание 2ой супины u переменив же на us, a, um: amatum или amatu – amaturus, a, um; monitum – monitus, a, um; cultum – cultus, a, um; auditum – auditus, a, um

Из сего же partic. passiv. perf. составляются 6 времен страдательного залога: perfec. et plusquamperf. indic. et conjunc.; futur. exactum et perf. et plusquamperf. infin. pass. прибавляя во всех спряжениях (спереди или после) помогающий глагол sum, eram, sim, essem, fuero,

Начальные основания логики

Вступление

1. Мыслить значит совокуплять в уме различныя части представления в единицу сознания. Чувствовать есть принимать впечатление на тело от действующих на нас предметов.
2. Способность мыслить называется разумом (вообще); чувствовать же – чувственностью.
3. Наука о законах мышления называется логикою (в пространном смысле); о действиях же чувств эстетикою. Здесь будет предложено только о логике.
4. Логика разделяется на общую и частную. Первая преподает законы мышления вообще, последняя же в известном случае.
5. Общая логика бывает либо чистая либо прикладная. Первая есть наука об общих законах мышления, не принимая в разсуждение мыслимой материи; последняя же есть наука о мышлении, свойственном ограниченной человеческой натуре. Общая логика называется также Аналитикою, равно как и прикладная – Диалектикою.
6. Логика есть также природная и искусственная. Первая есть врожденная способность разсуждать; последняя же есть наука разсуждать.
7. Разум мыслит либо то, что можно совокупить в мыслях; либо то, что в самом деле соединено уже; либо то, что необходимо должно быть соединено. Почему три находится и закона мышления человеческого.
8. Закон первой мышления называется началом тождества, и состоит в следующем: различныя части представления, которыя согласуются сами с собою, и могут быть совокуплены в единицу сознания, суть мыслимы, и напротив.
9. Закон второй мышления, или начало достаточнаго основания, выражается так: все, что мы в самом деле мыслим, имеет достаточное основание (причину).
10. Закон третий, называемый началом исключения третьяго между двумя противоречиями, есть следующий: всякому мыслимому предмету из двух противоречивых признаков необходимо должен приличествовать один.
11. Сии законы мышления находятся в нашем разуме по натуре его. Они суть не иное что, как образ и способ, по коему разум производит свои действия, или то необходимое условие, без котораго невозможно никакое мышление.
12. Действий разума находится три: 1) понятие, 2) суждение, и 3) заключение. Почему общая чистая логика или Аналитика и будет содержать в себе три главы: 1) о понятиях, 2) о суждениях и 3) о заклчюениях.

Аналитика

Часть I. Начальное учение

Глава 1 О понятиях

13. Представление (repraesentatio) есть ощущение того, что действует на наши чувства; понятие же есть представление представлений в разуме.
14. Признак (nota) есть всякая часть представления, которая служит основанием новаго представления.
15. В признаках можно разсматривать 1) количество (quantitas), 2ое качество (qualitas), 3^{ие} отношение (relatio) одних к другим, 4ый способ (modalitas, как разум их находит).
16. Признаки по количеству бывают или общие, которые принадлежат многим вещам; или частные, которые относятся к одному предмету.
17. По качеству они суть либо утвердительные, которые показывают, что вещи прилично, либо отрицательные, что вещи противоречит.
18. По отношению признаки называются внутренними, когда они представляются в вещи без всякой ея связи с другою; внешними же, когда их не находят в вещи без всякой ея связи с другою.

Конспект текста
по логике,
составленный
Н.И. Лобачевским.

Text summary on logic
made by
N.I. Lobachevsky

19. По способу признаки разделяются на существенные или непременные, которые не могут быть отделены от вещи, не уничтожив об ней понятия; и случайные, которые без перемены вещи могут в ней и не быть. Признаки первые называются свойствами вещи (attributa), последние же – качествами (relationes или modi).
20. Из сего видно, что и понятия могут быть рассматриваемы также 1ое по количеству 2ое по качеству 3^{ие} по отношению и 4ое по способу.
21. Понятия по количеству, принимая в разсуждение их обширность (extensio), бывают общия, когда они относятся ко всему округу представлений, под ними заключающихся – животное; частныя, когда они разпространяются на некоторыя только части округа – человек; и единичныя, когда они показывают признаки одной известной вещи – Петр.
22. Рассматривая же в понятиях сего рода вмещение (intensio) их можно разделить на простыя, когда в понятии находится один признак, – существо; и сложныя, когда они содержат в себе многие признаки – животное.
23. Качество понятий состоит в степени сознания, соединеннаго с ними. В сем отношении понятия бывают либо явственные, либо неявственные, смотря по тому различаем ли мы одну вещь от другой, или нет. – Неявственных понятий быть не может.
24. Явственное понятие называется ясным (notio clara), когда целое понятие сознаем, из логики показаний его признаков; темное (obscura), когда различаем его в некотором случае, или по признакам случайным – цвет красный, черный и желтый. Оно бывает разбивное (distincta), когда сознаем его признаки; и взбивчивое (confusa), когда признак сравниваем с другим – книга: твоя, моя. Оно разделяется на подробное или полное (complecta), когда можем показать признаки признаков понятия; и недостаточное (incomplecta), когда в признаках не можем различать признаков – голова, руки и ноги в теле человеческого; цветы в радуге. Также понятие можно назвать совершенным (adaequata), когда все в вещи до безконечности объемлем; и несовершенным, когда в исчислении признаков не можем идти в безконечность.
25. Понятие называется данным (conceptus datus), когда мы его получаем от предметов человека: справедливость; составленным (factitius), когда разум сам его делает – квадрат. Мы можем иметь понятия совершенныя только составленныя, а не данныя, которыя могут однако же называться совершенными по сравнению одного человека с другим – ученый и неученый.
26. Из всего сказанного теперь явствует, что разрешать понятия значит показывать признаки признаков их постепенно, и следовательно напротив составлять их, значит к известным признакам понятия придавать новые признаки. – Первое действие разума называется разрешением (analysis), последнее же – составлением (synthesis).
27. В понятиях по отношению можно рассматривать 1ое отношение понятий к законам мышления, что составляет формальную или логическую истинну их; 2ое отношение их к предметам, или истинну материальную (метафизическую), и 3^{ие} отношение понятий между собою. Отношение же вообще есть такое сказуемое, которое прилично вещи в связи только с другою.
28. Понятие логически верное есть то, которое согласуется с законами мышления; ложное же которое с ними не согласуется.
29. Понятие в отношении к предмету истинное есть то, которое согласуется с предметом; ложное же которое ему противоречит.
30. В понятиях по отношению их одного к другому рассматривается либо сравнение их, либо образ и способ соединения их в разуме.
31. В отношении понятий по сравнению одного с другим бывают они либо тождественныя (identiti), либо различныя. Первые имеют одинаковые признаки, последния различные.
32. Два или многия тождественныя понятия, которыя относились бы к разным предметам, быть не могут, по силе второго закона мышления (9). – Сей закон мышления называется началом неразличимых (principium indernibilium).
33. Также понятия в сем смысле бывают либо вышшия, когда они содержат под собой другия; либо низшия, когда они заключаются под вышшими. Высшее понятие называется род – животное; низшее вид – человек, Петр.
34. Высший род есть такой род, который не может быть видом другого рода. Низший вид есть вид, который не имеет под собою никаких видов.
35. Признаки, различающие неразделяемых одного вида, называются разностью неразделяемых (differentia individualis, numerica), – виды одного рода – разностию видов (specifica); низшия роды мыслимаго – разностию родов (generica).
36. Способность разума представлять себе признаки вещей отдельно от них называется отвлечением, понятия же сим образом произведенныя – отвлеченными.

Механика

Вступление

Движение есть перемена места. Движение тела определяется чрез сравнение с другим движением, принимаемым за известное. Для сего последнего обыкновенно берут движение такой машины, которой причины, приводящие ее в движение, непременны; и движение такой машины называется временем. Механика есть та часть математики, которая занимается определением места и времени движущегося тела; итак в механике рассматриваются четыре количества: три координаты, нужных для определения места, и время. Познанием удельной теплоты в телах одолжены физики доктору Блаку. Удельную теплоту тел определял он, смешивая тела при разных температурах и наблюдая температуру смеси. Сему способу следовали: Ирвин, Кравфорт и Вильке. Последний ввел название удельной теплоты, название гораздо приличнее емкости теплоты, которое было до того в употреблении.

Причина, производящая движение, называется силою. Если тело описывает прямую линию, и пробегает равные пространства в равные времена, то сила почитается одинаково[вою]; содержание пробегаемого пространства ко времени называется скоростью, прямая линия есть направление силы. Относительное понятие о величине силы дает содержание скоростей, которое две силы производят, будучи прилагаемы к одному и тому же телу. Содержание скоростей, производимых одною и тою же силою в двух разных телах, есть то что называется содержанием масс. Сие содержание остается то же, хотя бы сила и переменялась. Для изъяснения сего закона, почерпнутого из опыта, равно как и того что силы пропорциональны скоростям, есть два положения:

1ое Силы, приложенные к телу по одному направлению, составляют силу, равную всем прилагаемым вместе, а приложенные в двух противных направлениях составляют силу равную разности суммы сил в одном направлении без суммы сил в другом направлении.

2ое Все тела составлены из частиц, которыя в отношении к силам могут назваться совершенно одинаковыми и которыя при общении телу движения разделяют между собою силу поравну.

Сии два закона служат основанием механики. Как они ни просты, и ни естественны, но почерпнуты из наблюдений в природе, а не проистекают из человеческого разума. В сем то состоит различие чистой механики от смешанной: первая почерпает в природе понятия, вторая заимствует от нея законы.

Движение тела по прямой линии называется равномерным, когда оно двигается с равною скоростью; неравномерное движение происходит из переменяющейся силы. Криволинейное движение толкуется из составления многих сил, которых направление различно. Механич. движение в кривых линиях представляют себе, подобно геометрам, как движение преломленной линии, которой прямые линии бесконечно малы. Из сего представления легко можно понять, что надобно разуметь под скоростью тела, движущагося в кривой линии. Подробнее о сем будет говорено в своем месте.

Текст вводной
лекции по механике.

Text of the intro-
ductory lecture on
mechanics.

СОЧИНЕНІЯ и ПЕРЕВОДЫ.

Р Ъ Ч Ъ

О ВАЖНѢЙШИХЪ ПРЕДМЕТАХЪ ВОСПИ-
танія. (*)

Вошъ уже годъ прошелъ, любезные мои товарищи, какъ по избранію Вашему, несу я на себѣ должность, кою почести, важность и нрудности служатъ доказательствомъ легкой Вашей ко мнѣ довѣренности. Не смѣю жаловаться на то, что Вы захотѣли опозвать меня отъ любимыхъ мною занятій, коимъ долгое время предавался

(*) Произнесенная въ торжественномъ Собраніи Университета Ректоромъ оного, О.Профессоромъ Лобачевскимъ 1828 г., Юля 5-го.

Первая страница опубликованной в 1832 г. речи Лобачевского «О важнейших предметах воспитания» (произнесена в июле 1828 г.).

The first page of Lobachevsky's speech «On the Most Important Subjects of Education» published in 1832 (the speech was made in July 1828).

Об удельной теплоте

Одинаковость температуры происходит от равнаго напряжения теплотвора в телах от взаимнаго притяжения атомов, а следовательно одинаковость температуры зависит вместе как от количества теплотвора так и от силы его сжимающей. В твердых телах надобно предполагать сильнее давление на теплотвор нежели в жидких, и что следовательно менее теплотвора помещено в твердых, когда температура их одинакова. Так, что естли б [какое-то] из твердых тел перемещать в жидкия, равнаго с ними весу, то количество теплотвора, которое в твердых возвышает температуру на известное число градусов, то нашлось бы возвышение температуры в жидких гораздо менее. Действительно так и бывает. Равный вес воды и спермацету, когда вода разогрета до 100°, масло спермацета до 50, будучи смешаны не дают средней температуры 75°, но она выходит 83°. Здесь вода теряет 17°, которое количество теплотвора, перейдя в масло, столько усиливает свое напряжение, что производит увеличивание 33° в температуре. Итак при равном весе к равной температуре тела заключают внутри себя неравные количества теплотвора. То количество теплотвора, которое потребно для возвышения 1° температуры тела, называется удельною теплотою. Хотя не совершенно строго, но довольно близко однако ж, как показывают опыты, можно принимать удельную теплоту тел независимой от температуры, покуда тела не изменяются в их состоянии твердости и других свойствах. Удельная теплота воды, например, остается без чувствительной разности одинаковою во всем промежутке от 0° до 100°; но она изменяется как скоро вода превращается в лед или пар. Согласно с сим положением, естли p означает вес тела, t его температуру, щитая от 0°, c удельную теплоту, то все количество теплотвора, которое производит повышение температуры t от 0°, будет произведение $p \cdot t \cdot c$.

Познанием удельной теплоты в телах одолжены физики доктору Блаку. Удельную теплоту тел определял он, смешивая тела при разных температурах и наблюдая температуру смеси. Сему способу следовали: Ирвин, Кравфорт и Вильке. Последний ввел название удельной теплоты, название гораздо приличнее емкости теплоты, которое было до того в употреблении.

Называя p вес одного, P вес другого; t температуру одного, T температуру другого; c удельную теплоту первого, C то же для другого, количество теплотвора в первом, как сказано выше, будет ptc ; а количество теплотвора в другом PTC . Пусть x означает количество теплотвора, которое изойдет из первого в последнее, пусть M температура смеси, будет

$$ptc - x = pсM$$

$$PTC + x = PCM$$

Отсюда, естли б требовалось определить удельную теплоту второго тела, находим

$$C = \frac{pc(t - M)}{P(M - T)}$$

Лавуазье и Лаплас изобрели особый инструмент для измерения удельной теплоты, названный ими калориметр. Он состоит из трех цилиндрических сосудов АВ, CD, EF, последний сплетен из проволоку. Промежутки между первым и вторым, вторым и третьим наполняются водой, в EF кладется нагретое тело. Первая оболочка АВ служит для содержания температуры 0° во втором сосуде; происходящая вода вытекает в R. Во втором промежутке CD растаянный лед вытекает чрез S, и его то количество служит измерением удельной теплоты.

Кроме того занимались определением удельной теплоты Лесли, Румфор, Майер, Дальтон, Деларош с Бераром. Лесли, Майер и Дальтон наблюдали охлаждение тел и отсюда заключали об удельной теплоте. Румфор и два другие в определении удельной теплоты воздухообразных тел, наблюдали разогревание воды, которое они производили в инструменте, изобретенном Румфором.

Здесь приведены примеры удельной теплоты тел:

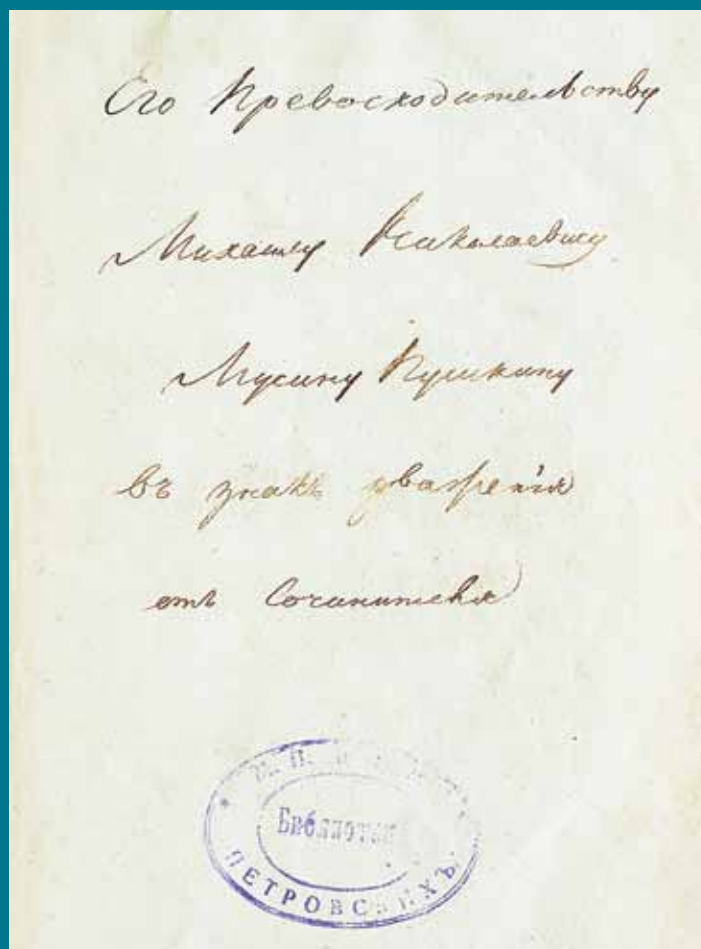
Вода	_____	1,000			
Листовое железо	_____	0,110			
Стекло	_____	0,192			
Ртуть	_____	0,029			
Олово	_____	0,047			
Масло	_____	0,309			
Водород	_____	12,346	} принимая за единицу	3,2936	} принимая за единицу
Угольная кислота	_____	0,828		0,2210	
Оксиген	_____	0,885		0,2361	
Азот	_____	1,000		0,2754	
Водяной пар	_____	3,136		0,8470	
			} удельную теплоту		} удельную теплоту воды
			} атмосфернаго воздуха		

Конспект лекции
Н.И. Лобачевского
по одному
из разделов
физики.

Lecture notes of
N.I. Lobachevsky on
one of the branches
of physics.

Письменный стол
Н.И. Лобачевского.
Реконструкция
в «Уголке
Н.И. Лобачевского»
Музея истории
Казанского
федерального
университета.

N.I. Lobachevsky's
desk.
Reconstruction in
"N.I. Lobachevsky's
corner" of the
Museum of History
of Kazan Federal
University.

Автограф
Н.И. Лобачевского

Autograph
by N.I. Lobachevsky

В читальном зале
Отдела рукописей
и редких книг
библиотеки
Казанского
университета.
Фото начала XX века
и современный вид.

In the reading room
of the Department of
Manuscripts and
Rare Books of the
Library of Kazan
University.
Photo of the early
20th c. and modern
view.

Книгохранилище
Отдела рукописей
и редких книг.
Фрагменты
интерьера.

Book depository of
the Department of
Manuscripts and Rare
books. Fragments of
the interior.

23

Занака и нолы, еме кыро проросоме
 гхе Уралекардхера Мангратии

Мангратии

Ручако притабат и кречабат: Немана, Кумонче,
 Мерзи и Мекфа.

Маниако притабат и кречабат: Немана, Копуца,
 Узур, Мухфа, Мерзи и Мекфа.

Тресакат Немана, Копуца, Узур и Мерзи.

Кречакат Немана, Копуца, Узур, Мерзи и Кумонче
 и Мумонче

Ерчакат и мортат Копуца и Узур.

Мречакат

Сиринска Мерзи I вид,
 Глинска Копуца I вид

Уралекардхера
 Мангратии

Мангратии. Во мангратии поканат се кречабат гхе
 гачабат дубат Манака и Ручако агбур, а кречабат
 кречабат гхе кречабат Копуца, Мухфа и кречабат
 Манака и кречабат, дубат и м. м.

Кречабат гхе мангратии кречабат гхе
 гачабат, кречабат, кречабат и кречабат гхе
 и кречабат гхе кречабат, кречабат и кречабат гхе.

Записка
 Н.И. Лобачевского
 о матрицах и шрифтах,
 необходимых
 для университетской
 типографии.

N.I. Lobachevsky's
 note about matrices
 and fonts necessary for
 the university printing
 house.

СМЕЛЫЕ ИСТИНЫ DARING TRUTHS

Наука развивается нелинейно. Ее истории присущи и медленная эволюция, и довольно быстрая, подчас стремительная ломка «проверенных временем» теорий и схем, когда смелая и «неудобная» гипотеза выводит из равновесия, казалось бы, самые прочные построения ученых прошлого. К числу научных исследований, которые в XIX веке помогли раз и навсегда пересмотреть старинный математический канон, принадлежат труды Н.И. Лобачевского по неевклидовой геометрии. Хотя в контексте развития современной ему математики идеи казанского профессора не были абсолютно новыми (сходные взгляды обнаруживаются у иных ученых XIX и даже XVIII столетий), именно он первым опубликовал (1829–1830), а затем с исключительным упорством отстаивал нетривиальные результаты своих изысканий.

Science develops nonlinearly. Its history is characterized by both slow evolution and rather quick, sometimes swift destruction of “time-tested” theories and schemes when a daring and “inconvenient” hypothesis unbalances, as it would seem, the most durable constructs of the scientists of the past. N.I. Lobachevsky’s works on non-Euclidean geometry belong to that scientific research which in the 19th century helped to once and for all reconsider the ancient mathematical canon. Although in the context of development of mathematics of his time the ideas of the professor of Kazan University were not entirely new (similar views can be found in other scientific works of the 19th and even 18th centuries), it was he who first published (1829–1830) and then defended with an exceptional persistence the nontrivial results of his research.

На протяжении столетий европейцы по-разному представляли себе облик древнего мудреца Евклида, что не мешало, однако, сохранять незабываемым его авторитету в науке.

Throughout the centuries Europeans imagined differently the appearance of ancient sage Euclid, which, however, did not shake his authority in science

Ключевым моментом в подходе Лобачевского к осмыслению пространства был отказ от знаменитой аксиомы параллельности, или пятого постулата Евклида (IV–III вв. до н.э.) – древнегреческого математика, задавшего (наряду с Аристотелем) общие рамки для научного исследования пространственных отношений. Стройность геометрических теорий в сочинении Евклида «Начала» приводила в восторг не одно поколение интеллектуалов и обусловила принятие евклидовой геометрии в качестве важнейшей базовой части математики как исследовательской и учебной дисциплины. Это не значило, конечно, что привычная система может оставаться свободной от новых вопросов – в том числе и на уровне исходных посылок. Пятый постулат Евклида традиционно казался многим той мишенью, поразив которую математическая мысль обретет еще более незабываемое основание и самые совершенные контуры. Это объясняется тем, что даже сама его формулировка гораздо длиннее и сложнее, чем у остальных аксиом Евклида, и по виду напоминает теорему. По существу же эта аксиома, в отличие от других аксиом Евклида, существенно затрагивает бесконечность (напомним, что для Евклида прямая – это то, что в современной терминологии называется отрезком), поэтому не представляется «очевидной».

The key point in Lobachevsky's approach to understanding the space was the rejection of the famous axiom of parallelism, or Euclid's fifth postulate (4th–3rd centuries B.C.) – an Ancient Greek mathematician who waged (along with Aristotle) the general framework for the scientific study of spatial relationships. The harmony of geometric theories in Euclid's book "Elements" enthralled several generations of intellectuals and led to the adoption of Euclidean geometry as an essential part of mathematics as a research and educational discipline. This did not mean, of course, that the familiar system could remain free of new issues – including ones at the level of assumptions. Euclid's fifth postulate traditionally seemed to many that target hitting which the mathematical thought would gain both a firmer basis and the most perfect outline. This is due to the fact that even its very wording is much longer and harder than that of the rest of Euclid's axioms, and resembles a theorem. In essence, this axiom, unlike other Euclid's axioms, deals, to a large extent, with infinity (we would remind you that for Euclid a straight line was what in modern terminology is called a segment), so it is not "obvious".

От древности до XIX столетия мир увидел немало число рукописных, а затем и печатных версий знаменитого сочинения Евклида «Начала».

From ancient times to the 19th century the world witnessed a large number of first handwritten and then printed versions of Euclid's famous work "Elements"

Однако и по прошествии многих столетий проблема оставалась нерешенной. Лобачевскому удалось настроить «оптику прицела» иначе, нежели абсолютному большинству его коллег.

В оригинальном тексте «Начал» Евклида пятый постулат гласит, что на плоскости «если прямая, падающая на две прямые, образует внутренние и по одну сторону углы, меньшие двух прямых, то, продолженные неограниченно, эти две прямые встретятся с той стороны, где углы меньше двух прямых». Более хрестоматийно выглядит эквивалентная евклидовой формулировка пятого постулата, предложенная позднеантичным философом Проклом (V в.н.э.): *на плоскости через точку, не лежащую на данной прямой, нельзя провести более одной прямой, параллельной данной*. В популярном учебнике геометрии (1795), принадлежащем перу шотландского математика Джона Плейфэра (1748–1819), можно встретить и еще один известный вариант: *две пересекающиеся прямые не могут быть параллельны одной и той же прямой*.

Аксиоматический характер любого из процитированных утверждений определяется невозможностью перевести его (утверждение) в разряд теорем, то есть, попросту говоря, доказать его, основываясь на остальных аксиомах, фигурирующих в «Началах» Евклида.

However, after many centuries, the problem remained unsolved. Lobachevsky was able to set up "sight optics" differently than the vast majority of his colleagues.

According to "Elements" by Euclid, the fifth postulate says that on the plane, "if a line segment intersects two straight lines forming two interior angles on the same side that sum to less than two right angles, then the two lines, if extended indefinitely, meet on that side on which the angles sum to less than two right angles". Another wording of the fifth postulate, which is equivalent to Euclidean formulation and which was proposed by late ancient philosopher Proclus (5th century A.D.), looks more familiar: *in a plane, given a line and a point not on it, at most one line parallel to the given line can be drawn through the point*. In the popular geometry textbook (1795) written by Scottish mathematician John Playfair (1748–1819) another well-known option can be found: *two intersecting straight lines cannot be parallel to the same straight line*.

The axiomatic nature of any of the cited statements is determined by the impossibility to transfer it (statement) to the category of theorems, that is, to put it simply, to prove it basing on other axioms appearing in Euclid's "Elements".

И.Г. Ламберт

J.H. Lambert

Титульная страница сочинения Дж. Саккери «Евклид, избавленный от всех пятен».

Title page of G. Saccheri's work "Euclides ab omni naevo vindicatus".

Многочисленные попытки превратить «евклидову аксиому параллельности» в теорему оборачивались лишь использованием в цепочке доказательств какого-либо «очевидного» положения, которое – что не замечал автор! – было эквивалентно (равнозначно) исходному постулату, или же иными логическими неувязками. И это при том, что доказывать пятый постулат брались известнейшие и талантливейшие ученые своего времени. В эпохи Античности и Средневековья мы найдем среди них, к примеру, Посидония (II–I вв. до н.э.), Клавдия Птолемея (II в. н.э.), упомянутого выше неоплатоника Прокла, Аль-Аббаса аль-Джаухари и Сабита ибн Курра (оба – IX в.), великого Омара Хайяма (1048–1131) (который, в отличие от остальных, сознательно заменял пятый постулат на эквивалентное утверждение), Насир ад-Дина ат-Туси (1201–1274), Леви бен Гершома (1288–1344) и т. д. В период раннего Нового времени по их стопам шли немецкий ученый-иезуит Христофор Клавий (1537–1612), гениальный английский математик-самоучка Джон Валлис (1616–1703), французы Алексис Клеро (1713–1765) и Адриен-Мари Лежандр (1752–1833), русский академик Семен Емельянович Гурьев (1766–1813), а также многие-многие другие пытливые умы.

Особенно интересными в свете последующих исследований Лобачевского представляются сегодня идеи итальянца Джироламо Саккери (1667–1733) и немца Иоганна Генриха Ламберта (1728–1777). Ученый-иезуит Саккери, важнейший труд которого ("Euclides ab omni naevo vindicatus", т. е. «Евклид, избавленный от всех пятен») увидел свет в 1733 г., работая с пятым постулатом, использовал метод доказательства от противного. Он намеревался вывести из утверждения, противоположного евклидовой аксиоме параллельности, максимальное число следствий, установив затем «ложность» которых можно было бы в итоге счесть доказанным изначально отрицавшийся постулат. Неудачный с точки зрения искомого результата *opus magnum* Саккери, тем не менее, подводил читателей к мысли о возможности создания неевклидовой геометрии. И если для самого Саккери

Numerous attempts to turn "Euclidean parallel postulate" into a theorem resulted only in using some "obvious" statement in the chain of evidence which – what the author did not notice! – was equivalent to the initial postulate, or other logical inconsistencies. And this is despite the fact the most famous and most talented scientists of that time were trying to prove the fifth postulate. In the era of Antiquity and Middle Ages we find among them, for example, Posidonius (2nd – 1st centuries B.C.), Claudius Ptolemy (2nd century A.D.), above mentioned Neo-Platonist Proclus, al-Abbās al-Jawharī and Thābit ibn Curra (both – 9th century), great Omar Khayyam (1048–1131) (who, unlike the others, consciously replaced the fifth postulate with an equivalent statement), Nasir ad-Din at-Tusi (1201–1274), Levi ben Gershom (1288–1344), and others. In early modern history German Jesuit scholar Christopher Clavius, (1537–1612), brilliant English self-taught mathematician John Wallis (1616–1703), French Alexis Clairaut (1713–1765) and Adrien-Marie Legendre (1752–1833), Russian Academician Semyon Emelyanovich Guryev (1766–1813), as well as many other inquiring minds, followed their footsteps.

The ideas of Italian scholar Girolamo Saccheri (1667–1733) and German scientist Johann Heinrich Lambert (1728–1777) seem today particularly interesting in the light of subsequent Lobachevsky's research. Jesuit scholar Saccheri, whose most important work ("Euclides ab omni naevo vindicatus", i.e. "Euclid Rid of All the Spots") was released in 1733, working with the fifth postulate used the method of proof by contradiction (*reductio ad absurdum*). He was going to deduce the maximum number of corollaries from the statement opposite to Euclid's parallel postulate, prove later their "falsity" and, thus, consider proved the originally denied postulate. Unsuccessful in terms of the desired result Saccheri's *opus magnum*, however, made readers think about the possibility of the creation of non-Euclidean geometry.

Титульные страницы публикаций Н.И. Лобачевского «Воображаемая геометрия» (1835) и «Применение воображаемой геометрии к некоторым интегралам» (1836).

Title pages of N.I. Lobachevsky's publications «Imaginary Geometry» (1835) and «Application of Imaginary Geometry to Certain Integrals» (1836).

такая иллюзорная геометрия еще не являлась самоценной, то значимость этого допущения в контексте последующего развития математики безусловна.

Что касается Ламберта, он, работая над теорией параллельных линий (соответствующий текст был издан лишь посмертно в 1786 г.), понял тщетность любых попыток доказать пятый постулат Евклида: «Доказательства евклидова постулата, – писал немецкий мыслитель, – могут быть доведены столь далеко, что остается, по-видимому, ничтожная мелочь. Но при тщательном анализе оказывается, что в этой кажущейся мелочи и заключается вся суть вопроса; обыкновенно она содержит либо доказываемое предложение, либо равносильный ему постулат». Ламберт также четче других современников акцентировал мысль о возможности построения особой геометрии: «Я из этого почти должен был бы сделать вывод – заключение, что третья гипотеза [гипотеза острого угла Саккери, равносильная аксиоме Лобачевского. – Ред.] имеет место на какой-то мнимой сфере».

Впрочем, подобно суждениям Саккери, идеи Ламберта оставались незамеченными и невостребованными большинством современников.

К концу XVIII – началу XIX в. поиски доказательства «проклятой» аксиомы еще казались целесообразными и привлекали все новых и новых старателей. Одним из них в 1810-х годах был и Николай Лобачевский. Судя по его наиболее ранним педагогическим текстам (1817), он тоже пытался доказать пятый постулат, однако на момент завершения рукописи собственного учебника геометрии (1823), вероятно, уже разочаровался в этой затее. Во второй половине 1820-х годов разрыв Лобачевского со сложившейся традицией станет очевидным: рассуждения русского математика увенчаются четким выводом о невозможности доказать аксиому параллельности и о продуктивности работы над новой геометрией, более гибкой и потому более совершенной, нежели геометрия Евклида. Результаты этой работы сегодня известны по текстам «О началах геометрии»

And if such an illusory geometry was not yet self-sufficient for Saccheri, the significance of this assumption in the context of further development of mathematics is unconditional.

As for J.H. Lambert, while working on the theory of parallel lines (the respective text was published only posthumously in 1786), he realized the futility of any attempt to prove Euclid's fifth postulate: "Proving Euclid's postulate, – as the German philosopher wrote, – can be brought so far that there will remain, apparently, an insignificant detail. However, a careful analysis reveals that this seemingly insignificant detail contains the crux of the matter; it usually contains either a suggestion under proof or a postulate equivalent to it". Lambert also emphasized the idea of the possibility of developing a special geometry more clearly than his other contemporaries, "Out of this I would almost have had to make a conclusion that the third hypothesis [the hypothesis of acute angle of Saccheri, which is equivalent to Lobachevsky's axiom – Ed.] is true on some imaginary sphere".

However, like Saccheri's ideas, Lambert's views remained unnoticed and unused by most of his contemporaries.

At the end of the 18th – early 19th centuries the search for proving the "cursed" axiom still seemed reasonable and attracted more and more prospectors. Nikolai Lobachevsky in the 1810s was one of them. Judging by his earliest pedagogical texts (1817), he was also trying to prove the fifth postulate, but at the time of the completion of the manuscript of his own geometry textbook (1823) he was probably disappointed at this venture. In the second half of the 1820s Lobachevsky's breakup with the prevalent tradition would become obvious: the Russian mathematician's reasoning would be crowned with a clear conclusion about the impossibility to prove the parallel postulate and the productivity of the new geometry, more flexible and, therefore,

Титульная страница публикации Н.И. Лобачевского на немецком языке "Geometrische Untersuchungen zur Theorie der Parallellinien". 1840 г.

Title page of N.I. Lobachevsky's publication in German "Geometrische Untersuchungen zur Theorie der Parallellinien". 1840.

(опубликован в 1829–1830), «Воображаемая геометрия» (1835), «Применение воображаемой геометрии к некоторым интегралам» (1836), «Новые начала геометрии с полной теорией параллельных» (1835–1838), "Géométrie imaginaire" (1837), "Geometrische Untersuchungen zur Theorie der Parallellinien" (1840), «Пангеометрия» (1855; французская версия "Pangéométrie" увидела свет в 1856 г.).

Стоит чуть задержаться на вопросе о точной дате обнаружения Лобачевским своих замечательных результатов. В литературе зачастую фигурирует конкретный «день рождения» – 11 (23) февраля 1826 г. – геометрии Лобачевского, связываемый с его докладом («Краткое изложение принципов геометрии со строгим доказательством теоремы о параллельных») на заседании Отделения физико-математических наук философского факультета Казанского университета. В действительности – и на это обстоятельство не раз обращали внимание исследователи биографии Николая Ивановича – такая «точная» датировка выглядит крайне сомнительной в свете имеющихся в распоряжении историков документов. Согласно наиболее важному из них – протоколу заседания Отделения физико-математических наук от 11 февраля 1826 г., в этот день «слушано было представление г. орд. проф. Лобачевского от 6 февраля сего года с приложением ... сочинения на французском языке ... о котором он желает знать мнение членов отделения». Таким образом, никакого полноценного доклада перед коллегами Лобачевский в обозначенный день, скорее всего, не делал. Документ также содержит сведения о том, что профессорам И.М. Симонову, А.Я. Купферу и адъюнкту Н.Д. Брашману было поручено ознакомиться с рукописью «Краткого изложения...» на французском языке, однако даже спустя год и месяц (этот факт устанавливается на основании другого источника) отзывов указанных специалистов на текст Лобачевского не поступило. За отсутствием самой рукописи «Краткого изложения...» (а следовательно, и возможности оценить ее содержание) единственным точно датировемым фактом апробации

more perfect than Euclidean geometry. The results of this work are now known by the texts "On the Foundations of Geometry" (published in 1829–1830), "Imaginary Geometry" (1835), "Application of Imaginary Geometry to Certain Integrals" (1836), "New Foundations of Geometry with Full Theory of Parallels" (1835–1838), "Géométrie imaginaire" (1837), "Geometrische Untersuchungen zur Theorie der Parallellinien" (1840), "Pangeometry" (1855; the French version "Pangéométrie" was published in 1856).

We should look more closely at the exact date of the promulgation by Lobachevsky of his remarkable results. The literature often features the specific "birthday" – February 11(23), 1826 – of Lobachevsky's geometry associated with his report ("Brief Exposition of the Principles of Geometry with Vigorous Proof of the Theorem of Parallels") at a meeting of Physics and Mathematics Department of the Faculty of Philosophy of Kazan University. In fact – and this fact has repeatedly drawn attention of researchers into the biography of Nikolai Ivanovich – such "precise" dating looks extremely dubious in the light of the available historical documents. According to the most important of them – the minutes of the meeting of the Department of Physics and Mathematics dated February 11, 1826, – on this day "an application with a supplement in French by ordinary professor Lobachevsky was heard ... which he wishes to know the views of the members of the department about". Thus, it seems likely that Lobachevsky did not give any full report to his colleagues on that day. The document also contains information that professors I.M. Simonov, A.Y. Kupfer and assistant professor N.D. Brashman were instructed to read the manuscript of "Brief Exposition ..." in French, but even a year and a month later (this is determined on the basis of another source) no reviews of these experts of Lobachevsky's text were received. Because modern historians have no manuscript of "Brief Exposition ..." (and hence no opportunity to assess its content) the only precisely dated fact of the testing of the new ideas

Ф.Г. Миндинг
F.G. Minding

Э. Бельтрами
E. Beltrami

Ф.Г. Миндинг (1806–1885) – немецкий математик, с 1843 г. работавший в Российской империи (Дерптский университет). Занимаясь проблемой поверхностей отрицательной кривизны, во второй половине 1830-х и в 1840-х гг. опубликовал несколько работ, в которых вплотную приблизился к теории Лобачевского. Однако до появления трудов итальянца Э. Бельтрами (1835–1900) значение публикаций Миндинга в деле обоснования геометрии Лобачевского оставалось незамеченным.

F.G. Minding (1806–1885) was a German mathematician who had been working in the Russian Empire (University of Tartu) since 1843. Working on the problem of surfaces of negative curvature, in the second half of the 1830s and in the 1840s he published a range of scientific papers where he came close to Lobachevsky's theory. However, before the works of Italian E. Beltrami (1835–1900) appeared the importance of Minding's publications for substantiating Lobachevsky geometry had been unnoticed.

новых идей остается публикация «О началах геометрии» (1829–1830). В Петербургскую академию наук этот текст был направлен в августе 1832 г.

В рамках новой (или «воображаемой», как именывал ее сам Лобачевский) геометрии должны были выполняться все евклидовы аксиомы кроме аксиомы о параллельных прямых, которая заменялась противоположным постулатом (через точку, не лежащую на данной прямой, можно провести не одну, но, по крайней мере, две прямые, параллельные данной). Старой евклидовой системе в рамках новой геометрии досталась роль предельного случая: пятый постулат Евклида вступал в силу в так называемых малых областях, т. е. по мере приближения кривизны рассматриваемого пространства к нулю. «Воображаемая Геометрия, – читаем в одноименном тексте (1835), – обнимает употребительную Геометрию как частный случай, к которому переходим, принимая линии бесконечно малыми: так что в этом отношении употребительная Геометрия может быть названа Геометрия дифференциальная».

При всей своей «умозрительности» и «нетрадиционности» воображаемая геометрия Лобачевского оказалась гораздо ближе к физической реальности и лучше воспроизводила суть пространственных отношений в масштабах Вселенной. Нужно отметить, что за подобным пересмотром традиционного подхода к ранжированию пространства скрывалось и весьма оригинальное видение Лобачевским сущности основных геометрических понятий. Они, согласно его представлениям, должны были быть куда как менее абстрактными и «темными», формируясь в непосредственной связи с чувственно воспринимаемыми материальными объектами. Математические истины здесь – не столько основанное на априорных идеях упрощение действительности, сколько реальный «слепок» видимого мира, воплощение его чарующей сложности. Очень может быть, что, усомнившись в правоте Евклида, Лобачевский равным образом посягал на авторитет Платона и Канта.

is the publication “On the Foundations of Geometry” (1829–1830). That text was sent to St. Petersburg Academy of Sciences in August 1832.

Within the framework of the new (or “imaginary”, as Lobachevsky himself referred to it) geometry all the Euclidean axioms except for the parallel postulate, which was replaced by the opposite postulate (through a point not lying on the given line it is possible to draw not one but at least two lines parallel to the given one), had to hold true. The old system of Euclidean geometry in the framework of the new one got the role of an extreme case: Euclid's fifth postulate came into force in the so-called small fields, i.e. as far as the curvature of the given space vanishes. “Imaginary geometry, – as we can read in the text of the same name (1835) – embraces commonly used geometry as a special case, which we consider taking the lines infinitely small: so in this regard commonly used geometry can be called differential geometry”.

For all its “speculative” nature and “non-traditional” character imaginary geometry of Lobachevsky happened to be much closer to the physical reality and reproduced the essence of spatial relationships on the scale of the universe better. It should be noted that such a review of the traditional approach to ranking the space hid Lobachevsky's highly original vision of the essence of basic geometric concepts. According to his ideas, they were supposed to be far less abstract and “dark” being formed in the direct connection with the sensorily perceived material objects. Mathematical truths here are a real “cast” of the visible world, the embodiment of its fascinating complexity, rather than the simplification of reality based on a priori ideas. It may well be that questioning the correctness of Euclid, Lobachevsky likewise encroached on the authority of Plato and Kant.

К.Ф. Гаусс**C.F. Gauss****Я. Бояи****J. Bolyai**

Собственную версию геометрии Лобачевский позднее назовет «пангеометрией», т. е. геометрией всеобщей, хотя даже завершая одноименный труд (незадолго до смерти), он не считал, что смог разобраться со строением реального пространства в целом. По мысли русского ученого, нагляднее всего справедливость новой геометрии можно было бы продемонстрировать на макроуровне, в «звездных масштабах»: отсюда – попытки Лобачевского установить истинность своей геометрии астрономическими наблюдениями. На деле, впрочем, обнаруженные отклонения от геометрии Евклида не превышали погрешности использованных приборов. Наглядные и убедительные доказательства правоты Лобачевского будут явлены несколько позднее, благодаря работам Ф.Г. Миндинга, Б. Римана, Э. Бельтрами, У.К. Клиффорда, Ф. Клейна, А. Пуанкаре и других ученых. Дальнейшее развитие естествознания выявило определяющее значение результатов изысканий Лобачевского не только для геометрии, но и в целом для самого широкого круга физико-математических дисциплин. Как известно, геометрия Лобачевского найдет применение в математическом анализе для вычисления интегралов, будет использоваться в теории автоморфных функций, специальной теории относительности и т.д.

Еще раз подчеркнем тот факт, что применительно к первой трети XIX в. стремление казанского профессора вывести геометрию за рамки, некогда предложенные Евклидом, – явление не уникальное. Параллельно (в данном случае, действительно, не пересекаясь) с Лобачевским, над собственными версиями неевклидовой геометрии работали другие математики – великий Карл Фридрих Гаусс (1777–1855) и Фердинанд Карл Швейкарт (1780–1857), Франц Адольф Тауринус (1794–1874) и Янош Бояи (1802–1860). Переписке двух первых фигурантов этого списка мы обязаны самым ранним (1818) утверждением о существовании неевклидовой геометрии, последнему – публикацией (практически одновременно с текстом Лобачевского «О началах геометрии») 26-страничного «Приложения, со-

Lobachevsky later called his own version of geometry “pangeometry” – i.e. general geometry, even though completing the work of the same name (shortly before his death) he did not think he had managed to sort out the structure of the real space as a whole. In the Russian scientist’s opinion, most obviously the validity of the new geometry could be demonstrated at the macro level and the “star scale”: hence it led to Lobachevsky’s attempts to establish the validity of his geometry through astronomical observations. In practice, however, established deviations from Euclidean geometry did not exceed the error of the instruments used. Visual and convincing evidence of Lobachevsky’s correctness would be revealed a bit later – thanks to the works of F.G. Minding, B. Riemann, E. Beltrami, W.K. Clifford, F. Klein, H. Poincaré and other scientists. Further development of natural sciences revealed decisive importance of the results of Lobachevsky’s surveys not only for geometry, but also for a wide range of physical and mathematical disciplines. It is known that Lobachevsky’s geometry will be used in mathematical analysis to compute integrals, in the theory of automorphic functions, in the special theory of relativity, etc.

Let’s emphasize once again the fact that in the first third of the 19th century the aspiration of the Kazan Professor to bring geometry beyond the limits once proposed by Euclid was not a unique phenomenon. Simultaneously (in this case, they did not really meet) with Lobachevsky, other mathematicians worked on their own versions of the non-Euclidean geometry – great Carl Friedrich Gauss (1777–1855) and Ferdinand Carl Schweickart (1780–1857), Franz Adolf Taurinus (1794–1874), Janos Bolyai (1802–1860). It is due to the correspondence of the first two scientists on this list that we have the earliest (1818) statement of the existence of non-Euclidean geometry; the latter (Bolyai) published (almost simultaneously with Lobachevsky’s “On the Foundations of Geometry”) 26-page “Appendix Explaining the Absolutely True

держашего науку о пространстве, абсолютно истинную, не зависящую от истинности или ложности XI аксиомы Евклида...» (1832), которое дополняло первый том учебника, подготовленного отцом Яноша (и многолетним корреспондентом К.Ф. Гаусса) – Фаркашем Бояи.

В названном издании (кстати, подписанном в печать еще в октябре 1829 г.) молодым венгерским ученым излагались основы «абсолютной геометрии», составившей, по мнению историков науки, самую достойную конкуренцию «воображаемой геометрии» Лобачевского, хотя о существовании друг друга ни Бояи-младший, ни Лобачевский не знали. Еще в середине 1831 г. с отдельным оттиском «Приложения» был ознакомлен все тот же Гаусс, вскоре признавшийся Фаркашу Бояи, что результаты, изложенные его сыном, практически полностью совпадают с выводами, к которым сам Гаусс пришел лет этак 30–35 назад (т. е. около 1800 г.). В середине 1840-х гг. все тот же Гаусс, комментируя один из текстов Лобачевского, сообщал Г.Х. Шумахеру о том, что разделяет взгляды, подобные взглядам русского математика, с 1792 г. Таким образом, доверяя признаниям Гаусса (а с учетом его самокритичности это, пожалуй, стоит сделать), «рождение» неевклидовой геометрии можно отнести и к последнему десятилетию XVIII века.

Сказанное ничуть не влияет на восприятие Н.И. Лобачевского в качестве наиболее последовательного и упорного защитника новой теории, который активнее прочих ее создателей публиковал результаты своих исследований, в том числе на иностранных языках, мужественно сносил жесткую критику маститых (и не очень) отечественных коллег по математическому цеху. Ясно, что неевклидова геометрия была открыта не только Лобачевским, однако «коперниканский переворот» в представлениях о пространстве свершился именно неустанными трудами русского математика. Некоторых аспектов восприятия этих трудов во второй половине XIX – начале XXI в. мы коснемся в заключительной части нашего альбома.

Science of Space..” (1832), which complemented the first volume of the textbook prepared by Janos Bolyai’s father (and C.F. Gauss’s correspondent of many years), Farkas Bolyai.

In this publication (by the way, passed for printing in October, 1829), the young Hungarian scientist outlined the foundations of “absolute geometry” which was, according to historians of science, the most worthy competition to “imaginary geometry” of Lobachevsky, although neither Bolyai-Jr. nor Lobachevsky knew about each other’s existence. In the middle of 1831 – the beginning of 1832 Gauss familiarized himself with a special reprint of “Appendix” and later confessed to Farkas Bolyai that the results explicated by Farkas’s son almost completely coincided with the conclusions to which he had come 30–35 years or so before, (i.e. about 1800). In the mid-1840s Gauss, commenting on one of Lobachevsky’s texts, reported to H.C. Schumacher that he had been sharing the views similar to those of the Russian mathematician since 1792. Thus, trusting Gauss’s confessions (and in view of his self-criticism it is perhaps worth doing), the “birth” of non-Euclidean geometry can be attributed to the last decade of the 18th century.

The above-mentioned in no way affects the perception of N.I. Lobachevsky as the most consistent and persistent defender of the new theory, who much more actively than its other creators published the results of his research, including some works in foreign languages, courageously put up with harsh criticism of his venerable (and not so) colleagues of the mathematical guild. It is obvious that non-Euclidean geometry was discovered not only by Lobachevsky, but the “Copernican revolution” in the perception of space happened thanks to the tireless efforts of the Russian mathematician. We will touch upon some aspects of the perception of these works in the second half of the 19th – early 21st centuries in the final part of our book.

О НАЧАЛАХЪ ГЕОМЕТРИИ (*).

(Г. Лобачевскаго.)

Кажется, трудность понятій увеличивается по мѣрѣ ихъ приближенія къ начальнымъ истинамъ въ природѣ; также какъ она возрастаетъ въ другомъ направленіи, къ той границѣ, куда стремишься умъ за новыми познаніями. Вошь почему трудности въ Геометріи должны принадлежать, во первыхъ, самому предмету. Далѣе, средству, къ которому надобно прибѣгнутьъ, чтобы достигнуть здѣсь послѣдней спроексии, едва ли могутъ освѣчать цѣли и прояснить сего ученія. Тѣ, которые хотѣли удовлетворить симъ требованіямъ, заключили себя въ такой тѣсной кругъ, что все усилія ихъ не могли бытъ вознаграждены успѣхомъ. Наконецъ скажемъ и то, что со времени Ньютона и Декарта, вся Математика, сдѣлавшись Аналитикой, пошла сплошь беспрерывными шагами впередъ, что оставила далеко за

(*) Извлечено самимъ Сочинителемъ изъ Разсужденія, подъ названіемъ: *Exposition succincte des principes de la Géométrie etc.*, читаннаго имъ въ засѣданіи Отдѣленія Физик-Математическихкихъ наукъ, 12 Февраля 1826 г.

Первая страница
знаменитой публикации
Н.И. Лобачевского
«О началах геометрии»
(1829–1830)

The first page of
N.I. Lobachevsky's famous
publication
"On the Foundations of
Geometry". 1829–1830.

ПАНГЕОМЕТРІЯ.

Заслуж. Профессора Н. И. Лобачевского.

Понятія, на которыхъ основываютъ начала геометріи недостаточны чтобъ отсюда вывести доказательство теоремы: сумма трехъ угловъ прямолинейнаго треугольника равна двумъ прямымъ; теорема, въ справедливости которой никто до сихъ поръ не сомнѣвался, потому что не встрѣчаютъ ни какого противорѣчія въ заключеніяхъ, которыя отсюда выводятся и потому что измѣреніе угловъ, въ прямолинейныхъ треугольникахъ согласуется въ предѣлахъ ошибокъ самыхъ точныхъ измѣреній съ этою теоремою. Недостаточность начальныхъ понятій для доказательства приведенной теоремы принудила геометровъ допускать прямо или косвенно вспомоgetельныя положенія которыя какъ ни просты кажутся, тѣмъ не менѣе произвольны и слѣдовательно допустить бытъ не могутъ. Такъ напр. принимаютъ: что кругъ съ безконечно великимъ радиусомъ переходитъ въ прямую линію, а сфера съ безконечно великимъ радиусомъ въ плоскость: что углы прямолинейнаго треугольника зависятъ только отъ содержанія боковъ, но не отъ самихъ боковъ, или законенъ, какъ это обыкновенно принимаютъ въ началахъ геометріи, что изъ данной точки въ плоскости не можно провести болѣе, одной прямой параллельной съ данною прямою въ той же плоскости, тогда какъ всѣ другія прямыя, проведенныя изъ той же точки и въ той же плоскости, должны необходимо по достаточномъ продолженіи пересѣкать данную прямую. Подъ линією параллельной другой, разумѣютъ прямую линію, которая сколько бы не продолжалась въ обѣ стороны, никогда не встрѣчается ту, съ которой она параллельна. Это опредѣленіе само по

Кремж. I, 1855 г.

Первая страница
последней
прижизненной
публикации
Н.И. Лобачевского.
1855 г.

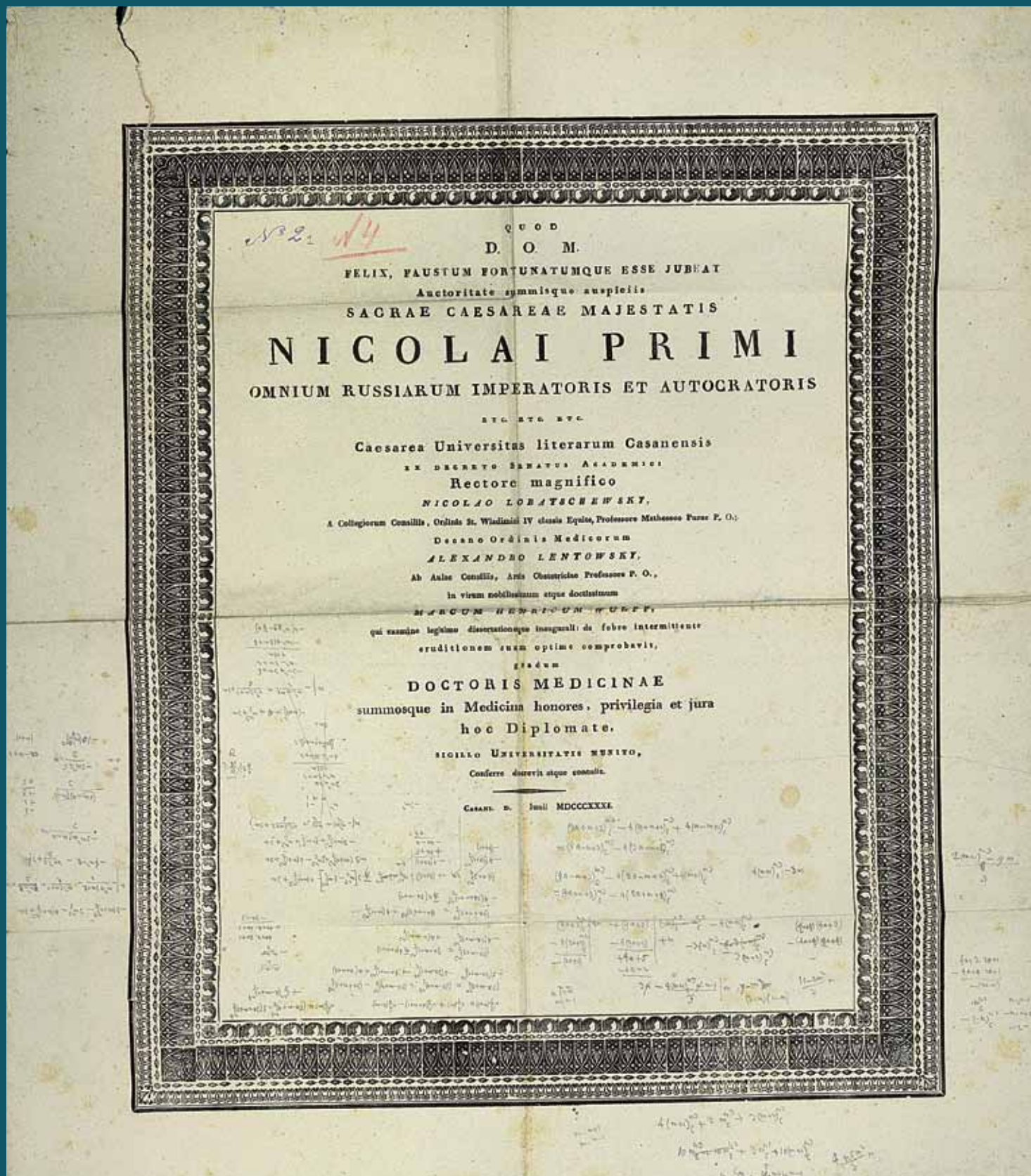
The first page of
N.I. Lobachevsky's
last lifetime publi-
cation. 1855.

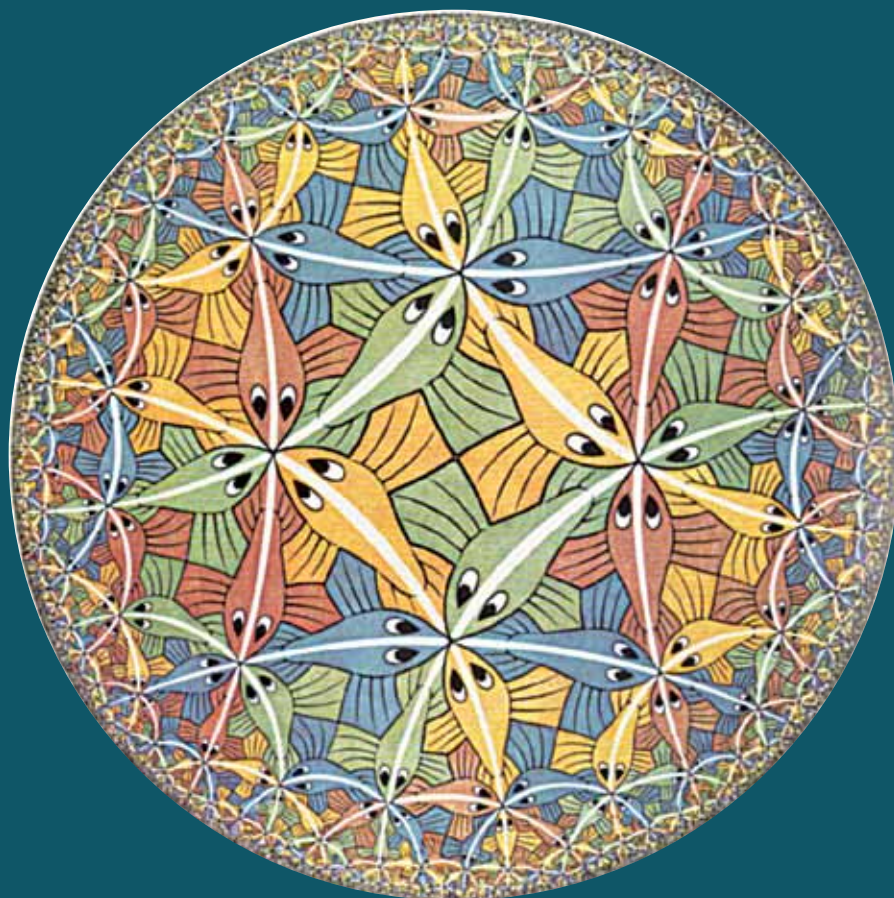
Вероятно, увлекшись вычислениями, использовать в качестве писчего материала любой попавшийся под руку документ могли и математики XIX века.

На репродукции – испещренный расчетами диплом о присуждении степени доктора медицины Императорского Казанского университета М.Г. Вульфу (1797–1848), известному подвижнику здравоохранения, занимавшему в 1831–1848 гг. должность медицинского инспектора по частным заводам Уральского горного правления.

It is likely that being carried away by calculations mathematicians of the 19th century could also use any document which happened to be around as writing material.

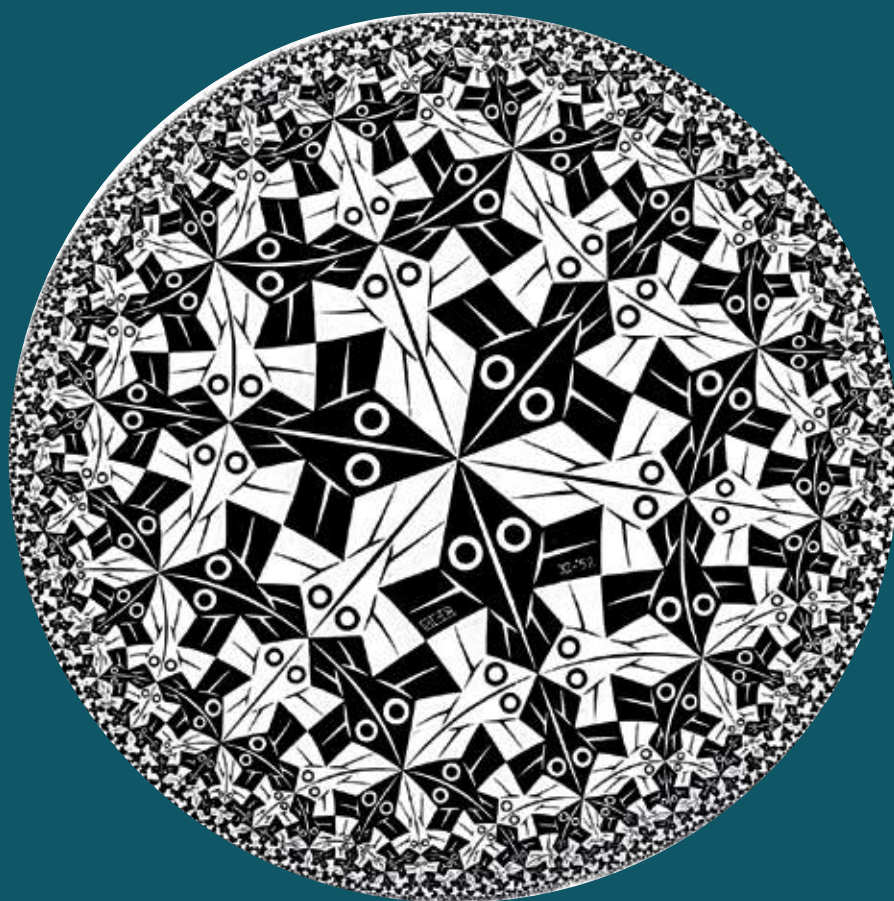
In the picture you can see covered with calculations diploma in medicine conferred to M.G. Wulf (1797 – 1848) by Imperial Kazan University. Being a famous devotee of healthcare, from 1831 to 1848 he held the office of medical inspector of private plants of Ural Bureau of Mines.

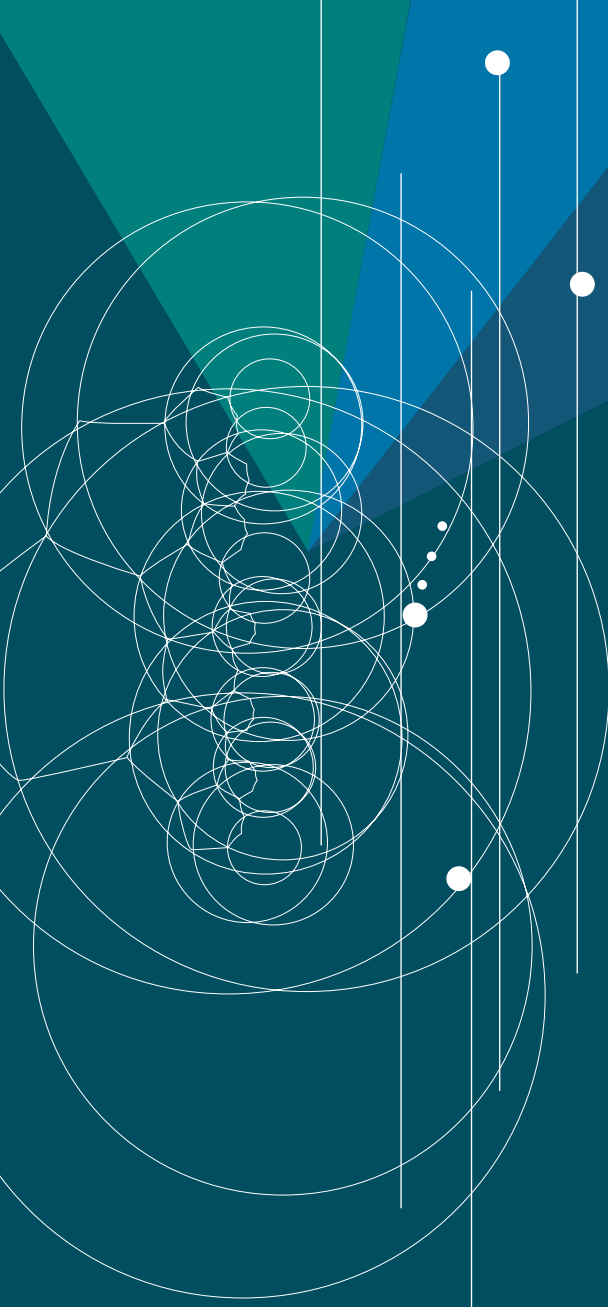

Замощения плоскости
Лобачевского
в модели Пуанкаре.
Художник М.К. Эшер.
Конец 1950-х гг.

Filling out Lobachevsky's plane
in the Poincare model.
M.C. Escher, late 1950s.

ОБРЕТАЯ БЕССМЕРТНОЕ ИМЯ GAINING AN IMMORTAL NAME

Трудно представить себе самоощущение мыслителя, изменившего научное мировоззрение. Хотя вряд ли наш герой, Николай Лобачевский, даже возвещая подлинно новое видение пространства, грезил о мировой славе и почестях. Все первые публикации его научных работ, результаты которых ныне общепризнаны, сопровождались насмешками, а подчас и откровенной травлей. Однако, несмотря ни на что, ученый не позволял себе прекратить начатые поиски, не опускал рук, столкнувшись с непониманием современников, продолжал отважно публиковать свои «дерзкие и странные» умозаключения. Бесконечная вера в торжество разума, упорство вкупе с талантом соединились в ту силу, которая и сделала его великим. Как сказал академик А.Д. Александров, «помыслить немислимое и утвердиться в том, что оно все-таки мыслимо, – это явление гения».

It is difficult to imagine self-sentiment of a thinker who has changed the scientific world view. However, it is unlikely that our hero, Nikolai Lobachevsky, even announcing a truly new vision of space, was dreaming about world fame and honors. All the first publications of his scientific works whose results are now universally recognized were accompanied by mockery and sometimes by open hounding. Nonetheless, despite everything, the scientist didn't stop the researches; he didn't lose heart facing his contemporaries' misunderstanding; he bravely continued to publish his "daring and strange" conclusions. Endless trust in the triumph of mind and perseverance together with talent got united in that strength which made him great. As academician A.D. Alexandrov once said, "To think unthinkably and assert that it is finally thinkable is the phenomenon of a genius".

Медаль Гаусса – награда, присужденная Н.И. Лобачевскому Гёттингенским королевским научным обществом.

The *Gauss Medal* awarded to N.I. Lobachevsky by the Royal Scientific Society of Göttingen.

Оригинальные научные идеи Н.И. Лобачевского не были поняты и приняты современниками. Труд «О началах геометрии», представленный в 1832 г. советом Казанского университета в Академию наук, получил отрицательную оценку академика М.В. Остроградского, признанного авторитета математики того времени. Большинство отечественных коллег тогда не поддержало Лобачевского. Одни попросту выказывали непонимание его идей, другие «резонно» удивлялись чрезмерной сложности теоретических выкладок, третьи откровенно насмеялись... Наиболее показателен здесь уничижительный отзыв, подписанный псевдонимом «С.С.» и опубликованный в 41-м выпуске журнала «Сын Отечества» (1834): *«Для чего же писать, да ещё и печатать, такие нелепые фантазии? <...> Как можно подумать, чтобы г. Лобачевский, ординарный профессор математики, написал с какой-нибудь серьёзной целью книгу, которая немного бы принесла чести и последнему приходскому учителю?»*.

Неприятие нового подхода соотечественниками не обескуражило великого математика. Лобачевский продолжал писать и публиковаться. В 1837 г. его статья «Воображаемая геометрия» на французском языке появилась в авторитетном «Crelles Journal» – детище знаменитого математика и архитектора, члена Берлинской академии наук Августа Леопольда Крелле. В 1840 г. увидела свет – уже на немецком – книга Лобачевского «Геометрические исследования по теории параллельных». С этим сочинением ознакомился Карл Фридрих Гаусс, который и сам десятки лет занимался неевклидовой геометрией, однако все еще не решался обнародовать результаты своих исследований. О тексте Лобачевского «король математиков» Гаусс высказывался в письме астроному Г.Х. Шумахеру в 1846 г.: *«Вы знаете, что уже 54 года (с 1792 г.) я разделяю те же взгляды (с некоторым развитием их, о котором не хочу здесь упоминать); таким образом, я не нашёл для себя в сочинении Лобачевского ничего фактически нового. Но в развитии предмета автор следовал не по тому пути, по которому шёл я сам; оно выполнено Лобачевским мастерски,*

N.I. Lobachevsky's original scientific ideas were not understood and accepted by his contemporaries. The work "On the Foundations of Geometry", presented in 1832 by the Council of Kazan University to the Academy of Sciences, received a negative review of academician M.V. Ostrogradskiy who was a recognized mathematics authority of that time. The majority of Lobachevsky's colleagues from Russia did not support him at that time. Some of them simply expressed their misunderstanding of his ideas, others were "reasonably" surprised at the excessive complexity of theoretical calculations, the third ones openly mocked him... The following pejorative review is mostly revealing; it was signed "S.S." and published in issue 41 of the journal "Syn Otechestva" (1834): "What for should one write, let alone publish such ridiculous fantasies? <...> How is it possible to think that mister Lobachevsky, an ordinary professor of mathematics, wrote a book with any serious purpose, which would hardly bring any honor even to the worst parochial teacher?".

The rejection of the new approach by the contemporaries didn't dishearten the great mathematician. Lobachevsky continued to write and publish. In 1837 his article "Imaginary Geometry" in French was published by authoritative "Crelle's Journal", which was the "brainchild" of another great mathematician and architect, a member of the Berlin Academy of Sciences Augustus Leopold Crelle. In 1840 another book by Lobachevsky, "Geometrical Investigations on the Theory of Parallel Lines", was published, this time in German. Carl Friedrich Gauss, who had been researching into non-Euclidean geometry for decades but still hesitated to publicize the results of his research, familiarized himself with that book. This is what "the king of mathematicians" Gauss wrote in his letter to astronomer H.C. Schumacher in 1846 about Lobachevsky's text: *"You know that for 54 years (since 1792) I have been sharing the same views (with some development of them which I don't want to mention here); so, I practically haven't found anything new for myself in Lobachevsky's work. But the author chose another way to progress in his research;*

в истинно геометрическом духе. Я считаю себя обязанным обратить Ваше внимание на это сочинение, которое, наверное, доставит Вам совершенно исключительное наслаждение». Ранее Гаусс рекомендовал избрать Н.И. Лобачевского иностранным членом-корреспондентом Гёттингенского королевского математического общества. Избрание состоялось в 1842 г. и стало единственным прижизненным подтверждением научных заслуг великого русского математика со стороны коллег. В 1856 г. Н.И. Лобачевскому были присланы две медали Гаусса – серебряная и бронзовая, изготовленные в честь немецкого ученого после его смерти (1855). Дожить до их вручения Лобачевскому не было суждено.

Медаль «Памяти Н.И. Лобачевского», учрежденная Казанским физико-математическим обществом в 1895 г.

Medal «In memory of N.I. Lobachevsky» instituted by Kazan Physics and Mathematics Society in 1895.

Даже будучи кавалером нескольких императорских орденов, Н.И. Лобачевский уходил из жизни непризнанным и, по большому счету, одиноким. Лишь спустя десять–пятнадцать лет ситуация с восприятием его математических трудов начнет меняться. Мир увидит целый ряд сочинений, созвучных «геометрии Лобачевского». Большую роль в ее признании сыграли исследования Фердинанда Миндинга, Эудженио Бельтрами, Феликса Клейна, Анри Пуанкаре. Постепенное осознание математическим сообществом того факта, что геометрия Лобачевского столь же непротиворечива, сколь и евклидова, придало импульс другим новаторским идеям в математике и физике – римановой геометрии, «Эрлангенской программе» Ф. Клейна, общей теории аксиоматических систем и т.д.

Память о ректоре Лобачевском, разумеется, поддерживалась профессурой и студенчеством, а также многочисленными выпускниками Казанского университета. Еще в 1868 г. профессором М.А. Ковальским было инициировано издание Полного собрания сочинений Н.И. Лобачевского по геометрии, которое, впрочем, увидело свет только в 1883–1886 гг. Первое же масштабное торжество в честь гениального ученого состоялось в 1893 г., в связи со столетием со дня рождения (тогда официальной датой рождения Лобачевского считалось 22 октября 1793 г.). Казанская общественность весьма

it is masterfully completed by Lobachevsky, in truly geometrical spirit. I feel obliged to draw your attention to this work which hopefully will give you truly exceptional pleasure». Prior to this, Gauss had recommended electing N.I. Lobachevsky a foreign corresponding member of Göttingen Royal Scientific Society. The election took place in 1842 and was the only confirmation of the scientific merits of the great mathematician by his colleagues which happened in his lifetime. In 1856 N.I. Lobachevsky was awarded two Gauss medals, silver and bronze ones, which were made to commemorate the German scientist after his death (1855). Lobachevsky was not destined to live up to their presentation.

Even being a holder of several imperial orders, N.I. Lobachevsky died unrecognized and, by and large, lonely. Only after ten or fifteen years or so the situation with the perception of his mathematical works would begin to change. The world would see a variety of works consonant with “Lobachevsky geometry”. The research of Ferdinand Minding, Eugenio Beltrami, Felix Klein, and Henri Poincaré played a major role in its recognition. The gradual realization by the mathematical community of the fact that the geometry of Lobachevsky is as consistent as Euclidean, gave impetus to other innovative ideas in mathematics and physics – Riemannian geometry, “Erlangen Program” by F. Klein, the general theory of axiomatic systems etc.

The memory of Lobachevsky as the rector, of course, was cherished by professors and students, as well as by numerous graduates of Kazan University. In 1868 Professor M.A. Kovalsky initiated the publication of the Complete Works on geometry by N.I. Lobachevsky, which, however, was published only in 1883–1886. The first large-scale celebration in honor of the brilliant scientist was held only in 1893 in connection with the centenary of his birth (at that time the official date of Lobachevsky’s birth was thought to be October 22, 1793). The public of

Титульные страницы первого и второго томов «Полного собрания сочинений по геометрии» Н.И. Лобачевского.

Title pages of the first and second volumes of "Complete Works on Geometry" by N.I. Lobachevsky.

ответственно готовилась отметить этот юбилей. На заседании городской думы было решено переименовать одну из улиц в улицу Лобачевского, устроить перед университетом сквер в честь Лобачевского, установив здесь его бюст, а также поместить мемориальную доску на дом, в котором он жил и скончался. Физико-математическое общество при Казанском университете выступило с просьбой создать особый Комитет для подписки на капитал имени Лобачевского. К октябрю 1893 г. число почетных членов Комитета достигло 112 человек, 55 из них были учеными из Западной Европы и Америки. На собранные Комитетом средства было отреставрировано надгробие на могиле ученого, установлен памятник (1896) напротив Казанского университета (скульптор – М. Диллон). За счет процентов, вырученных от этого капитала, стала выплачиваться и премия имени Н.И. Лобачевского, которой награждали ученых, достигших выдающихся результатов в области геометрии (после Великой Отечественной войны эта премия стала присуждаться Академией наук СССР).

По случаю юбилея 1893 г. Казанский университет получил многочисленные письма и телеграммы с приветствиями от Российской академии наук, Берлинской академии наук, Императорской Академии наук в Вене, крупнейших учебных заведений Европы (Варшавского, Лейденского, Марбургского, Гронингенского, Гёттингенского, Цюрихского, Королевского Фридриха-Вильгельма в Берлине университетов), Королевских научных обществ Гёттингена, Неаполя, Математических обществ Праги, Киева, Санкт-Петербурга, Москвы, Гельсингфорса и др.). Личные поздравления прислали такие известные ученые, как А. Пуанкаре (Париж), Ф. Клейн (Гёттинген), Р. Липшиц (Бонн), Г. Шапира (Гейдельберг), а также преподаватели иных зарубежных университетов. Во всех обращениях говорилось об искреннем восхищении трудами Лобачевского и его вкладом в мировую научную мысль, высказывались пожелания, чтобы «чудные семена науки», брошенные великим ученым, упали на благодатную почву, возделанную им как в Казанском университете,

Kazan were preparing to celebrate that anniversary quite responsibly. At a meeting of the City Council it was decided to rename one of streets after Lobachevsky, to lay out a public garden in honor of Lobachevsky and to install his bust there and to put a commemorative plaque on the house where he had lived and died. Physical and Mathematical Society at Kazan University made an appeal to create a special committee to subscribe to the capital in honor of Lobachevsky. By October 1893 the number of honorary members of that committee had reached 112 people, 55 of them were scientists from Western Europe and America. The funds raised by the Committee were spent on renovating the tombstone on the scientist's grave, and a monument (1896) in front of Kazan University (by sculptor M. Dillon) was erected. The interest gained from this capital was used to pay "N.I. Lobachevsky's Prize", which was awarded to scientists who achieved outstanding results in the field of geometry (After the Second World War this prize was awarded by the Academy of Sciences of the USSR).

On the occasion of the anniversary of 1893 Kazan University received numerous letters and telegrams with greetings from the Russian Academy of Sciences, the Berlin Academy of Sciences, the Imperial Academy of Sciences in Vienna, the largest educational institutions in Europe (Warsaw, Leiden, Marburg, Groningen, Göttingen, Zurich universities as well as Royal Friedrich-Wilhelm University in Berlin), the Royal Scientific Societies of Göttingen and Naples, the Mathematical Societies of Prague, Kiev, St. Petersburg, Moscow, Helsinki, etc.). Personal greetings were sent by such famous scholars as H. Poincaré (Paris), F. Klein (Göttingen), R. Lipschitz (Bonn), G. Shapira (Heidelberg), as well as by teachers of other foreign universities. All the addresses expressed sincere admiration for Lobachevsky's works and his contribution to the worldwide scientific thought and stated the wish that "the marvelous seeds of science" sowed by the great scholar would fall on fertile ground

так и во всей России. От российского научного сообщества откликнулись профессора Д.И. Менделеев, В.М. Бехтерев, Н.Г. Столетов, И.Е. Забелин, П.Л. Чебышев, А.А. Марков и др. Поступили также письма от «почитателей» Лобачевского из числа бывших студентов Казанского университета, от преподавателей и учеников гимназий и училищ, ряда иных сообществ (например, «От сибиряков из Москвы»).

Выступая на юбилейном торжестве, казанские математики А.В. Васильев и Ф.М. Суворов, профессор философии А.И. Смирнов начали важное дело разъяснения неспециалистам и массовой аудитории смысла и роли научных трудов Лобачевского. После этого в местной периодике появилось множество статей популярного характера. Столетие со дня рождения теперь уже признанного великого математика почтили на своих заседаниях Академия наук, математические общества Санкт-Петербурга и Харькова, Юрьевский университет.

Интерес к Лобачевскому постепенно нарастал. В последнее десятилетие XIX века это был интерес не только к содержанию и перспективам научных трудов Николая Ивановича, но и к его биографии в целом. Многим теперь не давало покоя, что на надгробном памятнике мировой знаменитости не значится даже дата рождения. Да и точное место рождения вызывало споры: Нижний Новгород ли это, или Макарьев, или совсем иное место на карте Макарьевского уезда Нижегородской губернии? Точные метрические данные о рождении и другие документы братьев Лобачевских погибли в Казани при пожаре 1842 г.

Жизненный путь и наследие Н.И. Лобачевского в разные годы изучали Э.П. Янишевский (1868), Н.И. Булич (1887), И.П. Загоскин (1899), Л.К. Лахтин (1894), Е.Ф. Литвинова (1894), А.В. Васильев (1927; фактически, эта работа стала доступна читателю только в 1992 г.). Но наиболее важные открытия, касающиеся раннего периода биографии Николая Ивановича, были сделаны чуть позже исследователями из Нижнего Новгорода / Горького. Здесь помнили, что первые

Lobachevsky “tilled” at Kazan University as well as throughout all Russia. Professors D.I. Mendeleev, V.M. Bekhterev, N.G. Stoletov, I.E. Zabelin, P.L. Chebyshev, A.A. Markov and others responded on behalf of the Russian scientific community. There were also letters from “admirers” of Lobachevsky among former students of Kazan University, teachers and students from high schools and colleges, as well as a number of other communities (for example, “From the Siberians of Moscow”).

Kazan mathematicians A.V. Vasiliev and F.M. Suvorov, philosophy professor A.I. Smirnov, speaking at the anniversary celebrations, began important work of clarifying the meaning and role of the scientific works of Lobachevsky to non-specialists and mass audience. After that in the local newspapers there appeared many articles of popular character. The centenary of the birth of the recognized mathematician was honored at meetings of the Academy of Sciences, Mathematical Societies of St. Petersburg and Kharkov, the University of Tartu.

Interest in Lobachevsky was gradually growing. In the last decade of the 19th century there was interest not only in the contents and prospects of scientific works of Nikolai Ivanovich, but also in his biography as a whole. Many were then haunted by the fact that the tombstone of the world celebrity did not even have the birth date. The exact place of his birth was also controversial: was it Nizhny Novgorod, or Makaryev, or quite a different place in Makaryevsky county of Nizhny Novgorod province? The authentic birth certificate and other documents of the Lobachevsky brothers were destroyed by fire in Kazan in 1842.

Life and legacy of N.I. Lobachevsky were studied in different years by E.P. Janiszewski (1868), N.I. Bulich (1887), I.P. Zagoskin (1899), L.K. Lakhtin (1894), E.F. Litvinova (1894) A.V. Vasiliev (1927; in fact, this work became available to the readers only in 1992). However, the most important discoveries concerning the early period of the biography of Nikolai Ivanovich were made a bit later by researchers from Nizhny Novgorod / Gorky. Here it was

годы жизни Лобачевский провел в городе «на устье Оки». Выпускник Казанского университета, первый председатель Нижегородской учёной архивной комиссии А.С. Гациский внёс в 1875 г. в алфавитный список знаменитых нижегородцев, биографии которых следовало написать, под номером 196: «Лобачевский, профессор». Серьезные же изыскания сведений о родственниках и детстве великого земляка велись в Нижнем с 1893 г., когда местная городская дума постановила назвать его именем улицу. Определенные усилия прилагались и Нижегородским кружком любителей физики и астрономии. Отыскать точную информацию о рождении Николая Лобачевского сразу не удалось, были найдены лишь записи о пребывании на исповедях в Тихоновской (Сретенской) церкви Нижнего Новгорода в 1790–1795 гг. «Ивана Максимова сына Лобачевского и жены его Прасковьи Александровой». Эта находка и дала повод утверждать, что родиной Н.И. Лобачевского был все-таки Нижний. Однако вопрос о дате его рождения оставался в силе...

В 1929 г. сотрудником Нижегородского краевого архивного бюро И.И. Вишневым была обнаружена в метрической книге Алексеевской церкви запись о рождении 20 ноября 1792 г. у некоего регистратора Наместнического правления Ивана Максимова сына Николая, крещенного 25 ноября при восприемстве секретаря Нижегородской межевой конторы Петра Егорова Лошкина. Именно к Алексеевскому приходу должен был относиться участок земли, принадлежавший Прасковье Александровне Лобачевской. Сомнения вызывали отсутствие фамилии Лобачевского (в записи о рождении старшего брата Александра, 20 августа 1791 г., фамилия отца была указана), более ранняя дата рождения – 20 ноября 1792 г. и то обстоятельство,

remembered that Lobachevsky had spent his first years of life in the city “at the mouth of the Oka River”. In 1875 a graduate of Kazan University, the first chairman of Nizhny Novgorod Scientific Archival Commission, A.S. Gatsisky introduced “Lobachevsky, Professor” under number 196 into the alphabetical list of famous residents of Nizhny Novgorod whose biographies were to be written. Serious research into the relatives and childhood of the great fellow townsman was repeatedly carried out in Nizhny from 1893, when the local City Council decided to rename one of the streets after him. Some efforts were made by Nizhny Novgorod circle of amateur physicists and astronomers. Attempts to find the exact information about the birth of Nikolai Lobachevsky right away appeared to be in vain. Only records about the confessions at Tikhonovskaya (Sretenskaya) Church in Nizhny Novgorod in 1790–1795 of “Ivan Maximov, Lobachevsky’s son and his wife Praskovya Alexandrova” were found. This discovery gave cause to believe that the birthplace of N.I. Lobachevsky was undoubtedly Nizhny Novgorod. However, the question of his birth date remained open...

In 1929 I.I. Vishnevsky, an employee of Nizhny Novgorod regional archival bureau, found a birth record dated November 20, 1792 in the register of Alexeevskaya Church which stated that some provincial registrar Ivan Maximov’s son, Nikolai, was baptized on 25 November in the presence of the Secretary of Nizhny Novgorod Land Survey office Pyotr Egorov Loshkin. That was Alexeevskiy parish that the land owned by Praskovya Alexandrovna Lobachevskaya belonged to. What caused doubts was the absence of Lobachevsky name (in the birth record of his elder brother Alexander on August 20, 1791, the father’s name was specified), an earlier birth date – November 20, 1792, and the fact

Профессор ГГУ, действительный член Академии наук СССР **Александр Александрович Андронов.**

GSU professor, academician of the Academy of Sciences of the USSR **Alexander Alexandrovich Andronov.**

Профессор ГГУ, член-корреспондент Академии наук СССР **Сергей Иванович Архангельский.**

GSU professor, corresponding member of the Academy of Sciences of the USSR **Sergei Ivanovich Arkhangelsky.**

что И.М. Лобачевский еще нигде не фигурировал в качестве служащего Наместнического правления. Долгое время сведения, раздобытые Вишневым, не могли ни доказать, ни опровергнуть.

В 1943 г. академик АН СССР, доктор физико-математических наук, профессор Горьковского университета А.А. Андронов задумал окончательно устранить неясности, относившиеся к нижегородскому периоду биографии Лобачевского. Тогда, в связи с новым «юбилеем» Николая Ивановича, Андронova просил о помощи профессор Московского университета В.Ф. Каган, работавший – по заданию Академии наук СССР – над книгой «Лобачевский». Трудности военного времени помешали Андронову заняться проверкой приведенных Каганом фактов, которые основывались на находке Вишневого. В итоге, на базе Казанского университета было отпраздновано 150-летие Н.И. Лобачевского (с организацией научной сессии, в которой приняли участие В.Ф. Каган, П.А. Широков, П.С. Александров, А.Н. Колмогоров и др., а также биографической выставки). Тематические выставки и научные доклады были запланированы в МГУ и ЛГУ, соответствующие сборники статей увидели свет в Москве и Саратове.

Лишь в сентябре 1947 г. по инициативе А.А. Андронova Горьковское отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний предложило местному областному архиву организовать просмотр документов за 1785–1805 гг., относившихся к Нижнему Новгороду и Макарьеву, с целью уточнения даты и места рождения Н.И. Лобачевского. Была сформирована рабочая группа из ряда сотрудников архива (палеограф Н.И. Привалова, начальник Архивного отдела УМВД по Горьковской области М.П. Третьякова, Г.М. Вострякова, А.Н. Коновалова, Я.М. Каган), архитектора Н.В. Ушакова, историка И.А. Кирьянова. Руководителем группы выступил Андронов. В качестве консультантов из числа ученых ГГУ привлекались член-корреспондент АН СССР, доктор исторических наук С.И. Архангельский

that I.M. Lobachevsky had never been mentioned as an employee of the province administration. The information found by Vishnevsky could be neither proved nor disproved for a long time.

In 1943, an academician of the USSR Academy of Sciences, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, professor of Gorky University A.A. Andronov decided to completely eliminate any ambiguity concerning the Nizhny Novgorod period of Lobachevsky's life. Then, due to a new "anniversary" of Nikolai Ivanovich, Andronov was asked for help by professor of Moscow University V.F. Kagan, who was then working on the book "Lobachevsky" on the instructions of the Academy of Sciences of the USSR. The difficulties of wartime prevented Andronov from double-checking the facts given by Kagan which were based on the findings of Vishnevsky. Eventually, at Kazan University the 150th anniversary of N.I. Lobachevsky was celebrated, which included the organization of a scientific session which was attended by V.F. Kagan, P.A. Shirokov, P.S. Alexandrov, A.N. Kolmogorov etc. as well as a biographical exhibition. Thematic exhibitions and research reports were planned to be held at Moscow State University and Leningrad State University; respective collected articles were published in Moscow and Saratov.

Only in September 1947 on the initiative of A.A. Andronov Gorky Branch of the All-Union Society for Dissemination of Political and Scientific Knowledge proposed the regional archives to review 1785–1805 documents concerning Nizhny Novgorod and Makariev in order to specify the date and birth place of N.I. Lobachevsky. A working group was formed by a number of employees of the archives (paleographer N.I. Privalova, the Head of the Archives of the Internal Affairs Department of Gorky region M.P. Tretyakova, G.M. Vostryakova, A.N. Konovalova, Ya.M. Kagan), architect N.V. Ushakov, historian I.A. Kiryanov. A.A. Andronov became the leader of the group. A corresponding member of the USSR Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, S.I. Arkhangelsky and Doctor of Physical and

Историк-архивист
Надежда Ивановна Привалова

Historian and archivist
Nadezhda Ivanovna Privalova

и доктор физико-математических наук А.Г. Майер. А.А. Андронов надеялся также заинтересовать загадками биографии Лобачевского известного литературоведа и журналиста И.Л. Андроникова (под впечатлением от его исследования о М.Ю. Лермонтове «Загадка Н.Ф.И.»). В своем письме к Андроникову академик высказал сожаление, что биографии ученых, в отличие от биографий писателей, незаслуженно обделены вниманием исследователей, тогда как некоторые из них могут быть «столь же поучительны». Сведений о реакции Андроникова на это письмо нет.

За финансированием начатой работы Горьковское отделение Общества по распространению политических и научных знаний обратилось в облисполком, который в ноябре 1947 г. выделил 10 тыс. рублей по линии облоно. Отдельную сумму (около 42 тыс. рублей) согласился ассигновать в первом квартале 1948 г. исполком горсовета. Облфинотдел от финансирования работ на 1948 г. отказался, сославшись на «общесоюзное значение» результатов, в получении которых должна быть заинтересована прежде всего Академия наук. В декабре 1947 г. Андронов направляет письмо Президенту АН СССР С.И. Вавилову с просьбой выделить на продолжение архивных изысканий 100 тыс. рублей и обоснованием значимости результатов работы для ученых и общественности. Он также заручается поддержкой директора Института истории естествознания АН СССР Н.А. Фигуровского, обещавшего переговорить с «академическими финансистами».

Большую часть работы по выявлению и расшифровке документов XVIII – начала XIX в. взяла на себя историк-архивист, выпускница Московского университета Надежда Ивановна Привалова. Именно тандем Андропова и Приваловой довел исследования до логического финала, представил надежные и неоспоримые свидетельства о нижегородском периоде жизни Лобачевского. Привалова продолжала начатое предприятие и после смерти Андропова (1952), опубликовала его рукописи, оставила

Mathematical Sciences A.G. Maier were invited as scientific consultants from Gorky State University. A.A. Andronov hoped to make I.L. Andronikov, a famous specialist in literature and journalist, interested in mysteries of Lobachevsky's biography (Andronov was inspired by his research into M.Y. Lermontov "The Riddle of N.F.I."). In his letter to Andronikov the academician expressed regret that the biographies of scientists, unlike biographies of writers, were undeservedly neglected by researchers, though some of them can be "equally instructive". There is no recorded reply by Andronikov to this letter.

To receive funds to do the research work, Gorky Branch of the Society for Dissemination of Political and Scientific Knowledge appealed to the Regional Executive Committee which in November 1947 allocated 10 thousand rubles under the aegis of the Regional Department of Education. The Executive Committee of the City Council agreed to allocate a separate amount (about 42 thousand rubles) in the first quarter of 1948. The Regional Finance Department refused to finance the work in 1948 referring to the "national importance" of the results which should be of paramount importance, first and foremost, for the Academy of Sciences. In December 1947 Andronov sent a letter to the President of the USSR Academy of Sciences S.I. Vavilov asking to allocate 100 thousand rubles to continue archival research and justifying the significance of the results of this work for scientists and the public. He also enlisted the support of the director of the Institute of History of Natural Sciences of the USSR Academy of Sciences N.A. Figurovsky, who promised to speak with the "financiers" from the Academy of Sciences.

Most of the work on the identification and deciphering of 18th – early 19th century documents was performed by Nadezhda Ivanovna Privalova, a historian-archivist, graduate of Moscow University. It was this tandem of Andronov and Privalova that contributed to bringing the research to its logical end, providing reliable and conclusive evidence of the life of Lobachevsky in Nizhny Novgorod. Privalova continued this work after Andronov's

воспоминания о его работе над материалами к биографии Н.И. Лобачевского, методике и последовательности поисков, об удивительном научном оптимизме горьковского академика.

Собственно архивные изыскания развернулись в двух направлениях: уточнение места и даты рождения Лобачевского, а также идентификация дома, в котором он провел детские годы. По воспоминаниям Н.И. Приваловой, «задача была не из легких, так как документы, относящиеся к концу XVIII и началу XIX века, сохранились не полностью, а сохранившиеся требовали большой и кропотливой работы». Все участники рабочей группы отнеслись к делу с большим энтузиазмом. Андронов умел предельно четко ставить задачи, формулировать гипотезы и анализировать выводы. На ошибки сотрудников он указывал деликатно, сам «копался» в старинных документах, воодушевляя сомневающихся непоколебимой уверенностью в успехе поисков. И.А. Кирьянов с благодарностью вспоминал период своей работы в «группе Андропова», преподавшего историкам и архивистам хороший урок по методике научного исследования: «Академик А.А. Андронов наглядно показал, на каких основаниях должна строиться работа исследовательских групп в научном поиске, как следует строить взаимоотношения в этой группе руководителю, добиваться активной работы всех и каждого. Научил он и правильно реагировать на неудачи и подчас неизбежные издержки научного поиска».

Для уточнения некоторых сведений требовались командировки в архивы Москвы и Ленинграда. Руководитель группы обеспечивал эти поездки, добиваясь соответствующих разрешений и формируя рабочие задания: «Александр Александрович, командирова научные сотрудники в центральные архивы, пишет для них подробнейшие “наказы” – с чего начать, к кому обратиться, что в первую очередь выяснить, что скопировать, сфотографировать и т. д.». Одним из результатов исследований, помимо новых биографических сведений, Андронову виделось увековечение в городе памяти

death (1952); she published his manuscripts and left her memoirs of his work on materials for the biography of N.I. Lobachevsky, his methodology and sequence of searches, as well as amazing scientific optimism of the academician from Gorky.

Archival research itself unfolded in two directions: specifying the place and date of birth of Lobachevsky and the identification of the house where he had spent his childhood. According to the memoirs of N.I. Privalova “the task was not easy as the documents relating to the late 18th and early 19th century did not remain in full, and those which did, demanded long and hard work”. All the members of the working group were very enthusiastic about this research. Andronov could set goals, formulate hypotheses, and analyze the findings very clearly. He delicately pointed out the fellow-workers’ errors, “rummaged” in ancient documents himself firing doubters with unshakable confidence in the success of the search. I.A. Kiryanov gratefully recalled the period of his work in the “group of Andronov,” which taught historians and archivists a good lesson on methodology of scientific research: “Academician A.A. Andronov clearly demonstrated the grounds the work of research groups should be built on in the scientific search and showed how the group supervisor should build relationships in this group, making everyone work actively. He also taught us how to react to failures and inevitable by-products of scientific research”.

Trips to the archives of Moscow and Leningrad were necessary to specify some information. The group leader arranged those trips striving for necessary permission and setting work tasks, “Alexander Alexandrovich when sending researchers to the central archives, wrote detailed “instructions” for them – where to start, whom to turn to, the first thing to find out, what the copy and so on”. As one of the results of the research, in addition to new biographical information, Andronov hoped to immortalize the memory of Lobachevsky in the city

о Лобачевском – открытие монумента или установка мемориальной доски на родном доме (если тот сохранился) либо на месте его нахождения. В письме к Председателю Совета министров РСФСР М.И. Родионову (январь 1948 г.) академик назвал отсутствие памятника Лобачевскому в Горьком «недопустимым пренебрежением к памяти одного из самых крупных русских ученых».

Кроме того, именно во второй половине 1940-х гг. академик Андронов сформулировал мысль о возможности присвоения имени Н.И. Лобачевского Горьковскому университету. Об этом он писал в декабре 1947 г. члену-корреспонденту АН СССР, президенту Московского математического общества П.С. Александрову. В черновике письма содержатся такие строки: «...имя Лобачевского, его трагическая судьба и мировая слава, может быть, приведет некоторых юношей и девушек из числа заполняющих аудитории нашего университета в то “мечтательное о себе самомнение”, которым отличался молодой Лобачевский, и тем толкнет их к творческой деятельности в области математики». Александров в своем ответе Андронову обещал провести через правление общества вопрос финансирования исследований и высказался за то, «чтобы Горьковский университет был украшен именем Лобачевского». По его мнению, это также могло бы способствовать тому, что Горьковском университете «вырастут и новые математики».

К тому времени Горьковский университет представлял собой крупный научный и образовательный центр, достойно прошедший тяжелые военные годы, закрепивший устойчивые связи с исследовательскими и производственными предприятиями страны, активно развивавший новые направления в науке. Многие ученые университета за самоотверженный труд во время войны были награждены орденами и медалями. С 1944 г. в ГГУ действовал Научно-исследовательский институт химии, в 1945 г. здесь был открыт первый в стране радиофизический факультет, в 1946 г. образована (при поддержке

by opening a monument or setting a commemorative plaque on his native house (if it survived) or on its location. In a letter to the Chairman of the RSFSR Council of Ministers M.I. Rodionov (January 1948) the academician called the lack of a monument to Lobachevsky in Gorky “unacceptable disregard for the memory of one of the greatest Russian scientists”.

Moreover, it was during the second half of the 1940s when academician Andronov formulated the idea of the possibility of naming Gorky State University after N.I. Lobachevsky. In December 1947 he wrote about that to a Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences, Chairman of the Mathematical Society P.S. Alexandrov. In a draft letter there are such lines: “... Lobachevsky’s name, his tragic fate and his world fame may throw some young men and women from those who fill lecture halls of our university into “that dreamy self-opinion” that characterized young Lobachevsky and will push them to the creative activity in the field of mathematics”. Alexandrov in his reply to Andronov promised to raise the issue of funding the research at the board of the Mathematical Society and supported the idea of “illuminating Gorky University with the name of Lobachevsky”. In his opinion it could also help to ensure that at Gorky University “new mathematicians will grow”.

By that time Gorky University had already become a major scientific and educational center which had survived the difficult war years with dignity and forged strong links with research and manufacturing enterprises in the country and which was actively developing new directions in science. Many university scientists were awarded orders and medals for their hard work during the war. Since 1944 the Research Institute of Chemistry had been working at Gorky State University; in 1945 there was opened the country’s first Faculty of Radio Physics; in 1946

Института кристаллографии АН СССР) кафедра кристаллографии и воссоздан историко-филологический факультет. Такое мощное заведение могло по праву претендовать на закрепление в своем названии имени гениального земляка и организатора университетской науки.

9 мая 1948 г. А.А. Андронов опубликовал в газете «Горьковская коммуна» ставшую знаменитой статью под названием «Где и когда родился Н.И. Лобачевский». В ней он обобщил результаты предпринятых изысканий. Исследованная И.И. Вишневым метрика была признана достоверным свидетельством по ранней биографии Лобачевского: группе Андронova удалось доказать, что упомянутый в документе Иван Максимов – это Иван Максимович Лобачевский (который и впрямь занимал некоторое время должность регистратора при Наместническом правлении), что указанный в метрике день (20 ноября 1792 г.) является истинной датой рождения Николая Лобачевского. Возраст, отсчитываемый от нее, совпадал с возрастом Лобачевского, фигурировавшим в иных источниках, например в письме его матери с просьбой принять братьев Лобачевских в Казанскую гимназию.

На повестке дня оставался вопрос о доме, где Николай Лобачевский провел свои детские годы до переезда в Казань. Хотя Андронов и представлял примерное его местонахождение, окончательно эта загадка была разрешена уже после смерти академика усилиями Н.И. Приваловой. Она убедительно доказала, что дом матери Лобачевского находился на пересечении улиц Алексеевской и Вознесенской (ныне – Октябрьской).

В феврале 1948 г. А.А. Андронов направил секретарю обкома ВКП(б) С.Я. Кирееву свои соображения об увековечении памяти великого математика. Основная их часть касалась Горьковского университета: университету должно быть присвоено имя Лобачевского, перед университетским зданием необходимо установить памятник либо иной мемориальный знак. Андронов также предлагал ежегодно за лучшую

(with the support of the Institute of Crystallography of the USSR Academy of Sciences) Chair of Crystallography was founded and Faculty of History and Philology was re-opened. Such a powerful institution could rightfully claim to have the name of the genius fellow townsman and organizer of university science in its title.

On May 9, 1948 in the newspaper “Gorkovskaya Kommuna” (“Gorky Commune”) A.A. Andronov published a famous article entitled “Where and When N.I. Lobachevsky Was Born». In it he summarized the results of the undertaken research. The birth certificate analyzed by I.I. Vishnevsky was recognized a reliable source of the early biography of Lobachevsky: Andronov’s group managed to prove that Ivan Maximov mentioned in this document was Ivan Maximovich Lobachevsky (who really held the position of a registrar at the provincial administration for some time), and that the date indicated in the birth certificate (November 20, 1792) was the true birth date of Nikolai Lobachevsky. His age if one counted it from the date indicated in the birth certificate coincided with Lobachevsky’s age as it appeared in other sources, for example, in his mother’s letter where she was asking to take the Lobachevsky brothers to Kazan gymnasium.

On the agenda there was only one issue left which concerned the house where Nikolai Lobachevsky had spent his childhood before moving to Kazan. Although Andronov had some idea about its whereabouts, this mystery was finally solved by N.I. Privalova after the academician’s death. She proved convincingly that Lobachevsky’s mother’s house was at the intersection of Alexeevskaya street and Voznesenskaya street (now Oktyabrskaya street).

In February 1948 A.A. Andronov sent the secretary of the Gorky Regional Committee of the Communist Party S.Ya. Kireev his ideas about immortalizing the memory of the great mathematician. Most of them concerned Gorky University: University should be named after Lobachevsky, in front of the university building

научную работу вручать премию Н.И. Лобачевского, именные стипендии (одну аспирантскую и две студенческие), проводить чтения имени Н.И. Лобачевского и, наконец, переименовать одну из центральных площадей города – Чернопрудскую – в площадь Лобачевского.

Идея о присвоении ГГУ имени Лобачевского в 1948 г. получила поддержку министра СССР С.В. Кафтанова, секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецова, секретаря Горьковского обкома партии С.Я. Киреева. Однако вскоре дело затормозилось. Андронов обращался с просьбой ускорить процесс к чиновникам Министерства высшего образования А.Т. Григорьяну и А.М. Самарину, не питая, впрочем, особых иллюзий относительно «быстроты» бюрократической машины. В письме к С.И. Богодину (12 ноября 1951 г.) академик предполагал, что до 1956 г. (столетие смерти Н.И. Лобачевского) «вряд ли следует рассчитывать на что-либо фундаментальное, требующее значительных ассигнований». Так и случилось... Тяжело больной, прикованный к постели Андронов переживал о судьбе начатых изысканий и с сожалением говорил секретарю Н.А. Агитовой: «Лобачевский у нас так и не закончен...». Сегодня портрет Лобачевского помещен на мемориальном столе А.А. Андропова в Музее истории ННГУ, как напоминание об одной из важнейших инициатив известного советского ученого.

К столетию со дня кончины Н.И. Лобачевского увидели свет сразу несколько научно-биографических исследований о нем (Э.Б. Кольмана, Б.В. Федоренко, Н.В. Ефимова, Б.Л. Лаптева, Б.М. Вахтина, Н.В. Маркова и др.). Но «главным героем» нового юбилея стал Горьковский университет. Идея А.А. Андропова о присвоении ГГУ имени великого земляка к тому времени была подхвачена ректором университета (1955–1961) В.И. Широковым. В январе 1956 г. Ученый совет университета постановил просить Горьковский обком КПСС и Исполком областного совета депутатов о соответствующих ходатайствах перед «центром».

it was necessary to erect a monument or another memorial sign. Andronov also offered to introduce an annual award for the best scientific paper, N.I. Lobachevsky's prize, and personalized scholarships (one for a postgraduate student and two for undergraduates), to carry out "Readings Named after N.I. Lobachevsky" and, finally, to rename one of the central squares of the city Chernoprudskaya Square Lobachevsky Square.

The idea of naming Gorky State University after Lobachevsky in 1948 was supported by the USSR Minister S.V. Kaftanov, secretary of the Central Committee of the Communist Party A.A. Kuznetsov, secretary of the Gorky Regional Party Committee S.Ya. Kireev. However, the matter slowed down soon. Andronov asked the officials of the Ministry of Higher Education A.T. Grigoryan and A.M. Samarin to expedite the process without having, however, any illusions about the "speed" of the bureaucratic machine. In his letter to S.I. Bogodin (November 12, 1951), the academician assumed that until 1956 (a century after Lobachevsky's death) "we can hardly count on anything fundamental requiring significant funding". And so it happened... Being seriously ill and bedridden, Andronov was worrying about the fate of the initiated venture and regretfully told Secretary N.A. Agitova "We have not finished with Lobachevsky..." Today the portrait of Lobachevsky is placed on the memorial table of A.A. Andronov in the History Museum of Nizhny Novgorod University as a reminder of one of the most important initiatives of the famous Soviet scientist.

By the centenary of N.I. Lobachevsky's death several scientific and biographical studies about him had been published (by E.B. Kolman, B.V. Fedorenko, N.V. Efimov, B.L. Laptev, B.M. Vakhtin, N.V. Markov etc.). However, Gorky University became the "main character" of the new anniversary. A.A. Andronov's idea to name Gorky State University after the great fellow townsman was taken up by university rector (1955–1961) V.I. Shirokov. In January 1956, the Academic Council of University decided to request Gorky Regional Committee of the Communist Party and

Ректор ГГУ в 1955–1961 гг.
Владимир Иванович Широков.

GSU Rector (1955–1961)
Vladimir Ivanovich Shirokov

Не были забыты и предложения Андропова по установке памятника, организации премии, именных стипендий, ежегодных научных чтений в честь Лобачевского.

24 февраля 1956 г., в годовщину смерти Николая Ивановича, состоялось торжественное заседание Ученого совета, на котором прозвучали доклады профессоров С.И. Архангельского и Я.Л. Шапиро, а также доцента Б.Н. Гершмана. На этот раз заседавшие были уверены в положительном решении волновавшего их вопроса: днем ранее, в перерыве между сессиями знаменитого XX съезда КПСС, состоялась личная встреча ректора ГГУ В.И. Широкова с председателем Совета министров РСФСР Н.А. Булганиным (уроженцем Нижнего Новгорода – Горького). В ходе встречи ректору были обещаны выделение земли и денежных средств для строительства новых корпусов ГГУ на Арзамасском шоссе (ныне – проспекте Гагарина), а также долгожданное присвоение университету имени Н.И. Лобачевского. В.И. Широков оставил воспоминания об участии в XX съезде, встрече с председателем Совмина, с удивлением узнавшим о новых фактах биографии прославленного отечественного математика. В родной город ректор возвращался с хорошими новостями. 20 марта 1956 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Горьковскому госуниверситету было присвоено имя Н.И. Лобачевского.

Настойчивость университетских ученых была вознаграждена лишь отчасти, ведь памятника Лобачевскому на его родине так и не появилось. Зато появилась улица Лобачевского, затерянная в глубине Московского района города. Удивлявшийся такому несоответствию В.И. Широков уже в декабре 1985 г. призывал местные власти переименовать в честь Лобачевского улицу Октябрьскую в центре города. Исполком горсовета сухо отвечал: дублирование в городе названий улиц недопустимо, а установка памятного знака выдающемуся математику на углу улиц Октябрьской и Дзержинского «планируется». Тем не менее активная работа по изучению биографии Лобачевского сотрудниками

the Executive Committee of the Regional Council of Deputies to send relevant petitions to the “center”. Andronov’s proposals to erect a monument, to give awards and personalized scholarships, and to hold annual scientific readings in honor of Lobachevsky were not forgotten, either.

On February 24, 1956, the anniversary of the death of Nikolai Ivanovich, a ceremonial meeting of the Academic Council was held where Professors S.I. Arkhangelsky and Ya.L. Shapiro and assistant professor B.N. Gershman made their reports. This time the audience was confident of the positive solution to the issue which preoccupied them: on the previous day, during a break between the sessions of the famous Twentieth Party Congress, rector of Gorky University V.I. Shirokov had held a personal meeting with chairman of the Council of Ministers of the RSFSR N.A. Bulganin (a native of Nizhny Novgorod – Gorky). During the meeting, the rector was promised the allocation of land and funds for the construction of new university buildings in Arzamas Highway (now Gagarin Avenue), and the long-awaited decision to name university after N.I. Lobachevsky was confirmed. V.I. Shirokov left memoirs of participating in the Twentieth Party Congress and the meeting with the chairman of the Council of Ministers who was quite surprised to learn new biographical data of the famous Russian mathematician. The rector returned to the home city with good news. On March 20, 1956 Gorky State University was named after N.I. Lobachevsky by the decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR.

Perseverance of university scientists was rewarded only partially, because still there was no monument to Lobachevsky in his native city. However, there appeared Lobachevsky Street, lost in the depths of Moskovsky district of the city. Surprised at this mismatch, V.I. Shirokov in December 1985 called on the local authorities to rename Oktyabrskaya Street in the city center in honor of Lobachevsky. The Executive Committee of the City Council replied dryly: the duplication of street names in the city was unacceptable, while placing a memorial sign to the outstanding mathematician at the corner of

Ректор ГГУ в 1969–1988 гг.

Андрей Григорьевич Угодчиков

GSU Rector (1969–1988)

Andrew Grigorievich Ugodchikov

Горьковского (с 1990 – Нижегородского) университета в 1980-х и 1990-х гг. не прекращалась. В это время появились новые исследования, касавшиеся девичьей фамилии его матери, родственников семьи Лобачевских – Аверкиевых, С.С. Шебаршина, который мог быть настоящим отцом Николая Лобачевского, обучения Лобачевского в нижегородском Главном народном училище, его связей с Нижним Новгородом в бытность ректором Казанского университета и попечителем Казанского учебного округа и т.д. Эти темы разрабатывали историки Н.Ф. Филатов и Т.И. Ковалева, математик Д.А. Гудков. С 1992 г. исследовать данную проблематику продолжает ученик Д.А. Гудкова математик Г.М. Полотовский. Особое внимание к наследию Лобачевского проявлял ректор ГГУ (1969–1988) А.Г. Угодчиков. По воспоминаниям преподавателей, он регулярно устраивал перед руководством и учеными университета «читки» и обсуждения материалов о Лобачевском для новых книг.

В 1992 г. российскими учеными праздновалось – на этот раз вполне своевременно – 200-летие со дня рождения Н.И. Лобачевского. Новый юбилей был отмечен публикацией известной книги Д.А. Гудкова «Н.И. Лобачевский. Загадки биографии», работ Н.Ф. Филатова и Т.И. Ковалевой, Г.М. Полотовского, В.А. Бажанова, В.В. Вишневого, В.П. Володарова, Б.В. Гнеденко, Г.Е. Изотова, С.Б. Кадомцева, А.Д. Александрова, А.П. Нордена. На базе Казанского университета состоялась научная конференция «Лобачевский и современная геометрия» с участием иностранных ученых. Юбилейные заседания прошли и в Московском университете. Нижегородский же университет вновь поднимал вопрос об установке в городе памятника и памятного знака Лобачевскому, представив к тому исчерпывающие обоснования и заручившись поддержкой Президиума АН СССР. Университет выступал также инициатором реставрации дома №8 по ул. Ульянова, где у своего родственника Аверкиева проживала чета Лобачевских. В университете состоялись юбилейное заседание Ученого совета, научная конференция,

Oktyabrskaya and Dzerzhinsky Streets “is being planned”. However, active work on the study of Lobachevsky’s biography by the staff of Gorky (from 1990 on Nizhny Novgorod) University in the 1980s and 1990s continued. At that time there appeared new research concerning the maiden name of his mother, relatives of the Lobachevsky family – the Averkievs, S.S. Shebarshin, who could be Nikolai Lobachevsky’s actual father, training of Nikolai Lobachevsky at Nizhny Novgorod Main Public School, his ties with Nizhny Novgorod when he was the rector of Kazan University and the trustee of Kazan school district, etc. These subjects were developed by historians N.F. Filatov and T.I. Kovaleva, mathematician D.A. Gudkov. Since 1992 D.A. Gudkov’s disciple, mathematician G.M. Polotovskiy, has been doing research into this matter. A.G. Ugodchikov, the rector of Gorky University (1969–1988), was particularly interested in Lobachevsky’s legacy. According to university teachers’ memories, he regularly organized “readings” and discussions of materials on Lobachevsky to be used in new books in front of the university management and scientists.

In 1992, Russian scientists celebrated – and then it was timely – the 200th anniversary of the birth of N.I. Lobachevsky. The new anniversary was marked by the publication of the famous book by D.A. Gudkov “Mysteries of Lobachevsky’s Biography”, and works by N.F. Filatov, T.I. Kovaleva, G.M. Polotovskiy, V.A. Bazhanov, V.V. Vishnevskiy, V.P. Volodarov, B.V. Gnedenko, G.E. Izotov, S.B. Kadomtsev, A.D. Alexandrov, A.P. Norden. Kazan University hosted a scientific conference “Lobachevsky and Modern Geometry” with the participation of foreign scientists. Commemorative meetings were held at Moscow State University. Nizhny Novgorod University again raised the issue of installation of Lobachevsky’s monument and commemorative plaque in the city, having presented comprehensive grounds and enjoying the support of the Presidium of the USSR Academy of Sciences. The university acted as the initiator of the restoration of the house in Ulyanov Street 8 where the Lobachevsky couple had lived with their relative Averkiev. The university held a commemorative meeting of the

Профессор ННГУ **Дмитрий Андреевич Гудков** (1918–1992) – автор книги «Н.И. Лобачевский. Загадки биографии» (1992).

UNN Professor **Dmitriy Andreevich Gudkov** (1918–1992), author of the book “N.I. Lobachevsky. Mysteries of the Biography” (1992)

концерт. Музеем боевой и трудовой славы ННГУ была организована выставка с привлечением материалов Архива Республики Татарстан и замечательного Музея истории Казанского университета.

Именно Музей истории Казанского университета, открытый в 1979 г., был и остается главным хранителем подлинных вещей и документов, принадлежавших Н.И. Лобачевскому. На протяжении десятилетий сотрудниками Музея ведется кропотливая работа по изучению биографии великого математика. Именно их силами в 1994 г. была развернута экспозиция в дом-музее Н.И. Лобачевского в г. Козловка (Республика Чувашия) – бывшей деревне Слободке.

Единственным памятником Н.И. Лобачевскому на сегодня является монумент, установленный напротив Казанского университета. Существуют, впрочем, и четыре бюста – в Казанском и Нижегородском университетах, на «Аллее ученых» в МГУ и в Институте электронной физики НАН Украины в Ужгороде. Имя Н.И. Лобачевского в наши дни носят Научная библиотека КФУ, Академический лицей при КФУ, Институт математики и механики при КФУ, а также одна из малых планет и кратер на обратной стороне Луны. В честь Лобачевского назван и один из корпусов нового технопарка в особой экономической зоне «Иннополис» неподалеку от Казани.

Что касается улиц и площадей Нижнего, они до сих пор не украшены мемориалами в честь выдающегося земляка. В 2005–2008 гг. ННГУ и Нижегородское математическое общество предприняли новые усилия по установке памятника. В частности, было получено разрешение городских властей на установку памятника на том месте, где стоял дом, в котором Лобачевский провел первые 9 лет своей жизни. Был организован и конкурс на лучший проект памятника. Однако по ряду причин (среди которых экономический кризис 2008 года) эта деятельность была приостановлена. И, как прежде, главным инициатором увековечения памяти Лобачевского выступает Нижегородский

Academic Council, a scientific conference, and a concert. The Museum of military and labor glory of Nizhny Novgorod University organized an exhibition with the assistance of the Archives of the Republic of Tatarstan which offered to display some of its materials and the remarkable Museum of History of Kazan University.

It is the Museum of the History of Kazan University (opened in 1979) that was and still is the main guardian of the authentic objects and documents which belonged to N.I. Lobachevsky. For decades the employees of the museum have been meticulously working on the biography of the great mathematician. It is due to the efforts of the museum's staff that in 1994 the exposition was organized in the House-Museum of N.I. Lobachevsky in the town Kozlovka (the Chuvash Republic), in the former village of Slobodka.

The only monument to N.I. Lobachevsky today is a monument installed in front of Kazan University; there are, however, four busts – at Kazan and Nizhny Novgorod universities, on the “Alley of Scientists” at Moscow State University and at the Institute of Electron Physics of the National Academy of Sciences of Ukraine, in Uzhgorod. The Scientific Library, the Academic Lyceum and the Institute of Mathematics and Mechanics at Kazan Federal University as well as one of minor planets and a crater on the far side of the Moon are named today after N.I. Lobachevsky. One of the buildings of a new science and technology park in the special economic area “Innopolis” not far from Kazan is also named after Lobachevsky.

As for the streets and squares of Nizhny Novgorod, they still have not been decorated with memorials in honor of the prominent fellow townsman. In 2005–2008 Nizhny Novgorod University and Nizhny Novgorod Mathematical Society made new efforts to install the monument. In particular, they received city authorities' permission to install a monument on the spot where there had been the house in which Lobachevsky had spent the first nine years of his life. A competition to design the monument was also organized. However, for a number of reasons (including the economic crisis of 2008), this activity

Памятная медаль к 220-летию Н.И. Лобачевского, учрежденная Нижегородским госуниверситетом в 2012 г.

«Commemorative Medal» to the 220th anniversary of N.I. Lobachevsky, instituted by Nizhny Novgorod State University in 2012.

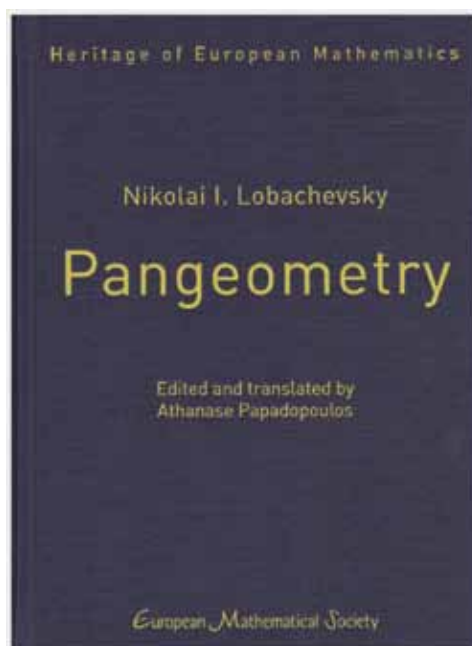

Двуязычная книга «Н.И. Лобачевский. Избранные сочинения», опубликованная издательством ННГУ в 2007 г.

Bilingual book “N.I. Lobachevsky. Selected Works” published by the UNN publishing house in 2007

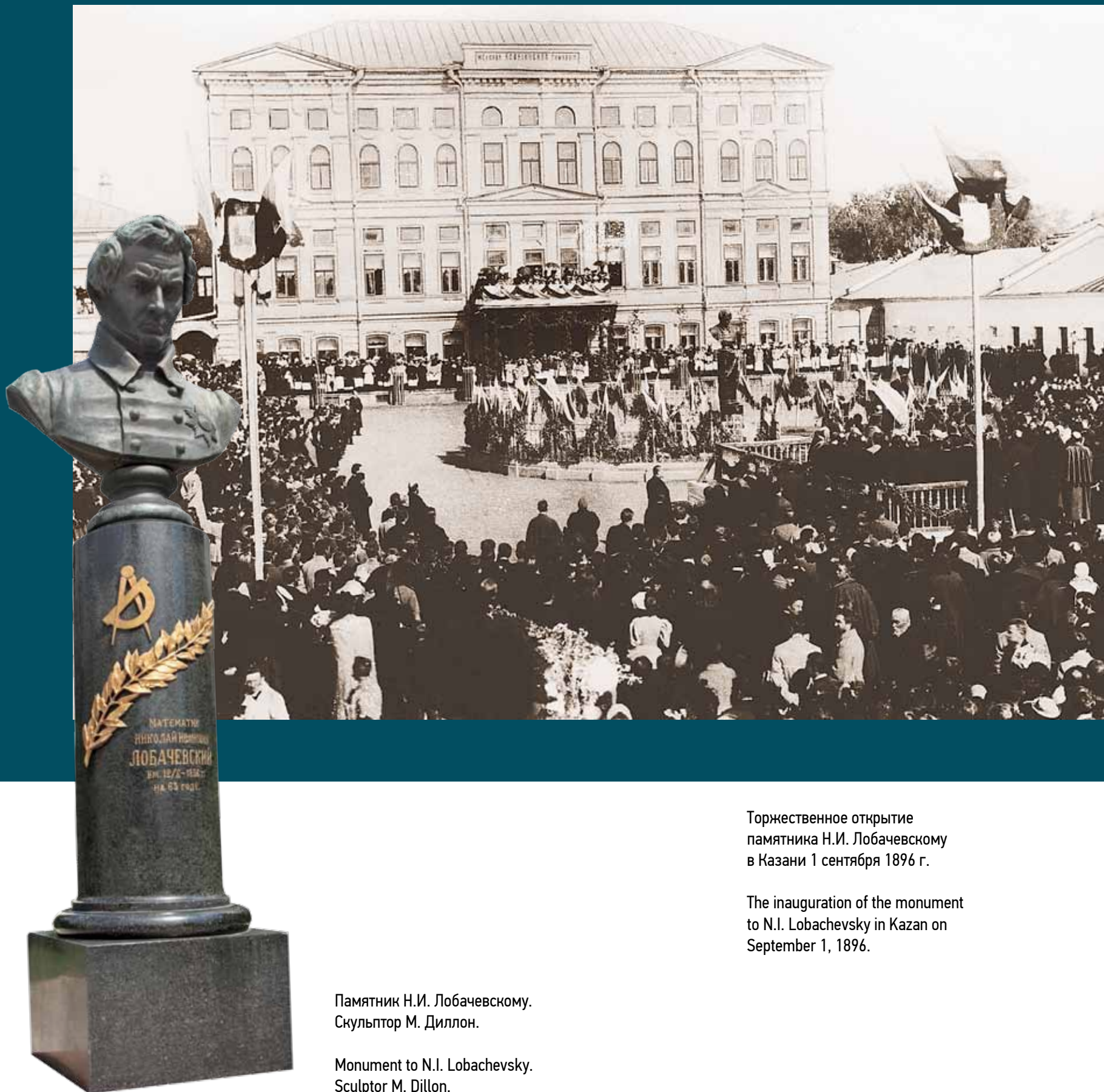
университет, реализовавший в последние годы целый ряд примечательных мемориальных проектов. Так, в 2007 г. издательством ННГУ опубликована двуязычная (на русском и греческом) книга «Н.И. Лобачевский. Избранные сочинения» (составителем и редактором стала профессор И.С. Емельянова). В 2012 г., в ознаменование 220-летия со дня рождения Лобачевского, приказом ректора была утверждена памятная медаль. Само имя Лобачевского прочно закрепилось за Нижегородским университетом, что проявляется даже в молодежной лексике. «Поступила в Лобачевский», «учился в Лобачевском» (или более ласково – «в Лобаче...») – подобные слова произносятся с гордостью студентами и их родителями, ведь речь идет об одном из престижнейших вузов родной страны.

was suspended. As before, Nizhny Novgorod University, which has implemented a number of notable memorial projects in the recent years, acts as the main initiator of immortalization of the memory of Lobachevsky. For example, in 2007 the university publishing house published the bilingual (in Greek and Russian) book entitled “N. Lobachevsky. Selected Works” (professor I.S. Emelyanova was the compiler and editor of this book). In 2012 “Commemorative Medal” was approved by the order of the rector to commemorate the 220th anniversary of Lobachevsky’s birth. The name “Lobachevsky” is firmly associated with Nizhny Novgorod University, which is manifested even in the vocabulary of the youth. “Got into Lobachevsky”, “Studied at Lobachevsky” (or more affectionately – “at Lobach...”): students and their parents are proud to say these words, because they are talking about one of the most prestigious universities of the country.

В 2010 г. Европейское математическое общество (European Mathematical Society) опубликовало книгу «Nikolai I. Lobachevsky. Pangeometry» под редакцией А. Пападопулоса (Athanase Papadopoulos), современного математика греческого происхождения, работающего во Франции. Книга содержит перевод «Пангеометрии» на английский, факсимильные воспроизведения французского издания 1856 г. и русского оригинала 1855 г., а также статью по биографии Лобачевского и современные математические комментарии к «Пангеометрии».

In 2010 the European Mathematical Society published the book “Nikolai I. Lobachevsky. Pangeometry” edited by Athanase Papadopoulos, a contemporary mathematician of Greek origin working in France. The book contains a translation of “Pangeometry” into English, facsimile reproductions of the French edition of 1856 and the Russian original of 1855, as well as an article on Lobachevsky’s biography and modern mathematical commentary on “Pangeometry”.

Памятник Н.И. Лобачевскому.
Скульптор М. Диллон.

Monument to N.I. Lobachevsky.
Sculptor M. Dillon.

Торжественное открытие
памятника Н.И. Лобачевскому
в Казани 1 сентября 1896 г.

The inauguration of the monument
to N.I. Lobachevsky in Kazan on
September 1, 1896.

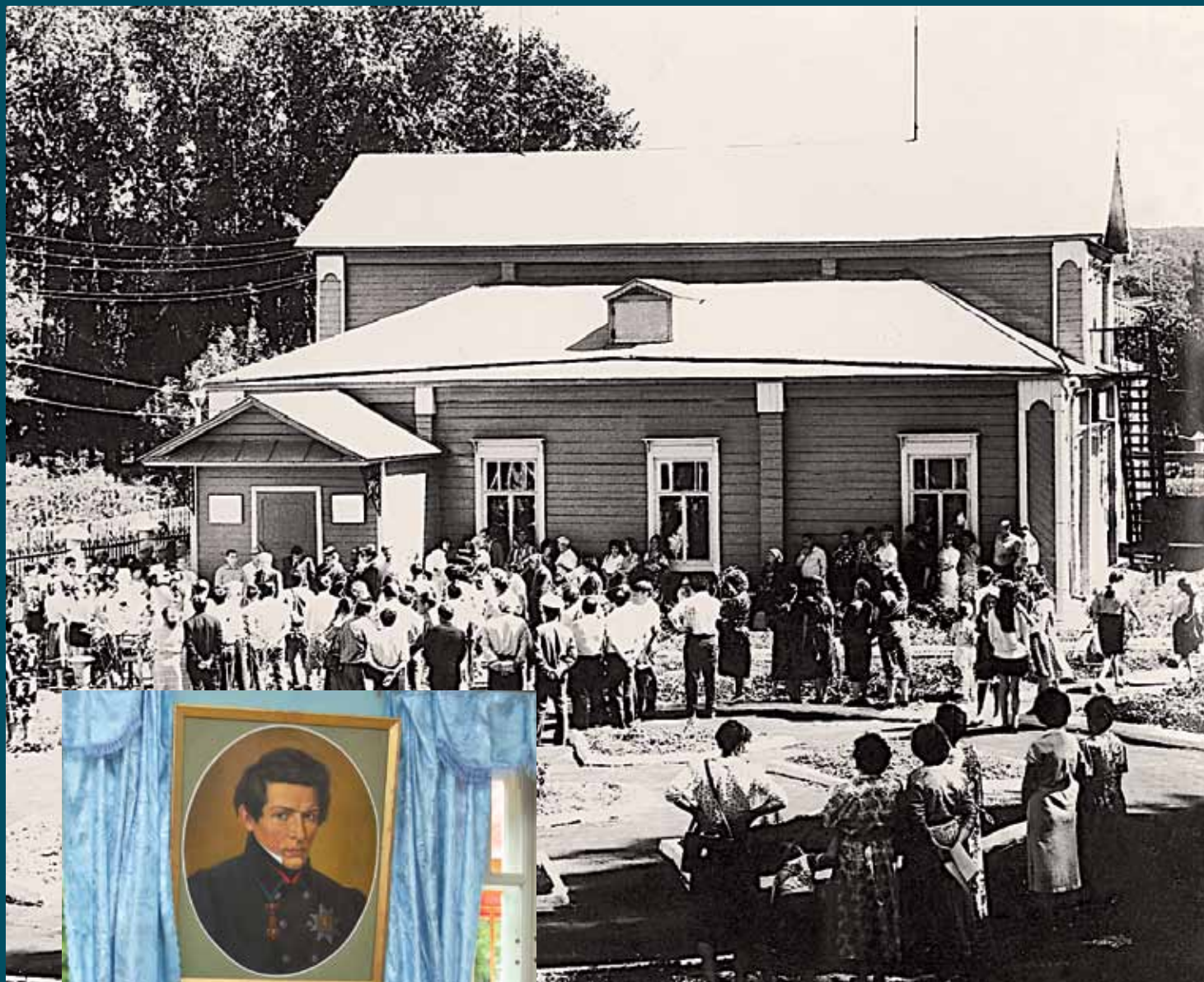

«Уголок Лобачевского» в Музее истории
Казанского университета.

«Lobachevsky Corner» in the Museum of History of
Kazan University.

Торжественное
открытие
дома-музея
Н.И. Лобачевского
в г. Козловка.
Фото 1994 г.

The inauguration of
N.I. Lobachevsky's
memorial house in
Kozlovka.
Photo of 1994.

Фрагмент экспозиции в Доме-музее Н.И. Лобачевского
в Козловке.

Fragment of the exposition in N.I. Lobachevsky's memorial
house in Kozlovka

КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. И. УЛЬЯНОВА-ЛЕНИНА
И
ОТДЕЛЕНИЕ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ
НАУК АН СССР.

150 ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО

ПРОГРАММА

ПРОГРАММА

1. Доклад **Б. Л. Лаптев**. Жизнь и деятельность,
Н. И. Лобачевского.

2. Член-корреспондент АН СССР **Т. П. Кравец**
Русская наука времен Лобачевского.

25 ноября 1943 г., в 6 час. веч.

1. Член-корреспондент АН СССР **П. С. Алек-
сандров**. Лобачевский и русская наука.

2. Академик **А. Н. Колмогоров**. Лобачевский,
его значение и влияние на мировую науку.

26 ноября 1943 года, в 11 час. утра.

1. Профессор **В. Ф. Каган**. Возникновение неэвклидовой геометрии.

2. Профессор **П. А. Широков**. Развитие идеи
Лобачевского в XIX и XX столетиях.

26 ноября 1943 г., в 6 час. веч.

Материалы
к празднованию
150-летия со дня
рождения
Н.И. Лобачевского.
1943 г.

Materials for the
celebration of the 150th
anniversary
of N.I. Lobachevsky's
birth. 1943.

25 декабря

ДИРЕКТОРУ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Н. А. ФИГУРОВСКОМУ.

Глубокоуважаемый Николай Александрович.

Я посылаю Вам копию докладной записки (оставленной мной для О.И. Вавилова) о необходимости ассигновать по бюджету Академии Наук СССР 1948 года 100.000 руб. для установления точного места и времени рождения Н.И. Лобачевского. Как Вы может быть помните, я говорил о Вами об этом деле в Доме Ученых и Вы обещали это дело поддержать. Я думаю, что прочитав эту докладную записку, Вы еще больше почувствуете необходимость выделения этого дела. Я надеюсь, что если испрашиваемые деньги будут выделены по линии Института Истории Естествознания, то Вы не будете возражать. Само собой разумеется, что соответствующий отчет может быть напечатан в трудах Института.

Прошу Вас мне ответить.

Мой адрес: Горький, Ул. Минина д. 5 кв. 55. А. А. Андронову.

А. Андронов

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

г. Москва, ул. Фрунзе, д. № 11

„21“ января 1948 г.

№ _____

Академику АНДРОНОВУ А.А.

г. Горький, Госуниверситет

Глубокоуважаемый Александр Александрович,

Ваше письмо о специальных ассигнованиях на установление места рождения Лобачевского я обсуждал с Плановым отделом Академии Наук СССР.

К сожалению пока я не могу сообщить Вам о результатах решения академических финансистов. Институт истории естествознания подтверждает согласие провести эти деньги по своей смете и финансировать работу.

Думаю, что в ближайшее время Вы получите официальное уведомление о решении Президиума по этому вопросу.

Надеюсь, что Ваши усилия не останутся безрезультатными.

Шлю Вам свой привет и лучшие пожелания

ЗАМ. ДИРЕКТОРА
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ
АН СССР

Н.А. Фигуровский

/проф. Н. А. ФИГУРОВСКИЙ/

Обращение А.А. Андропова к Н.А. Фигуровскому с просьбой о выделении денежных средств «для установления точного места и времени рождения Н.И. Лобачевского». 1947 г.

A.A. Andronov's appeal to N.A. Figurovsky with a request for funds «to establish the exact time and place of birth of N.I. Lobachevsky.» 1947.

Ответ Н.А. Фигуровского А.А. Андронову. 1948 г.

N.A. Figurovsky's reply to A.A. Andronov. 1948.

Р. С. С. С. Р.
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ГОРЬКОВСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ
Канавинский район, дом Горсовета. Телефон № 4-25-80.

164 №

31 - Октябрь 1947 г.

ЧЛЕНУ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР
товарищу АНДРОНОВУ А.А.
ЮШИН: Особня Сектор Обкома ЗКП/Б/

В соответствии с Вашим письмом Секретаря Обкома
ЗКП/Б/ тов. МИРЯВ поручил мне разобраться о возможности фи-
нансирования мероприятия по отысканию в Горьковских и Ка-
занских архивах точного места и время рождения Величайшего
русского математика Н.И.ЛОБАЧЕВСКОГО.

Настоящим сообщаем, что мероприятия подобного рода Вами
безусловно имеют огромную для города Горького ценность и
Исполком Городского Совета считает необходимыми и обязатель-
ными работу по отысканию в Горьковских и Казанских архивах
точного места и время рождения Величайшего русского матема-
тика Н.И.ЛОБАЧЕВСКОГО провести. Но так как мы в текущем году
не имеем на этот счет ассигнования, решили средства в объеме
41.750 рублей предусмотреть в бюджете 1948 года и выделить их
в первом же квартале 1948 года.

Председатель Исполкома
Горсовета /А.Шульгин/

Президенту Академии Наук СССР
Академику С.И.ВАВИЛОВУ.

По предложению академика А.А.АНДРОНОВА Архивный
Стдел УМВД по Горьковской Области составил смету на
производство архивных изысканий по вопросу о месте и
обстоятельствах рождения и ранних лет жизни Николая
Ивановича ЛОБАЧЕВСКОГО.

Общая сумма потребная на 1948 г. составляет
100.000 рублей, которые и просим перевести в Горьков-
скую Областную контору Госбанка на счет суммы по пору-
чению Архивного Стдела УМВД ГО № 153/234.

В конце года помимо копий найденных документов
будет составлен для Академии Наук СССР краткий отчет
о проделанной работе.

Начальник Архивного Стдела
УМВД ГО

/ГРЕГЬИНС ВА/

Материалы о финансировании
архивных изысканий «группы
Андропова». 1947 г.

Materials on the financing of
archive research by "Andronov's
Group". 1947.

Москва, Б.-Калужская 13 кв.126

31 декабря 1947.

Глубокоуважаемый Александр Александрович!

Спешу ответить несколько слов на Ваше письмо, дошедшее сегодня до меня /обо всех связанных с этим перипетиях Вам расскажет Ваш секретарь/

Я готов всячески поддерживать Вашу точку зрения на необходимость ассигнования, со стороны Акадмии, средств на дополнительные исследования связанные с рождением и первыми годами жизни Н.И.Лобачевского; сейчас же после Нового Года я напишу об этом С.И.Вавилову; я даже хочу, чтобы этот вопрос шел не только от меня, как президента общества, но и от Математического Общества, как такового и потому проведу его через ближайшее заседание Правления Общества. Те дополнительные данные, которые Вы мне сообщаете, кажутся мне интересными и значительно более убедительными, чем те уж черезчур немногочисленные основания, которые для подтверждения своей точки зрения изложил В.Ф.Каган в своей книге. Тем более необходимо доведение до конца всех необходимых изысканий, связанных с этим вопросом.

Что касается Вашего второго вопроса, то, в виду того, что Каванский университет уже несет на себе великое имя В.И.Ленина, мне кажется – в свете приводимых Вами соображений – естественным присвоение Горьковскому университету имени Н.И.Лобачевского. А математика у Вас не такая уж плохая, есть у Вас А.Т.Майер, например, да и Вас самого мы, математики, причисляем /в значительном проценте Вашей работы/ к математикам. А остальное – дело наживное, вырастут и еще новые нижегородские математики.

Во всяком случае, мое личное мнение за то, чтобы Горьковский университет был украшен именем Н.И.Лобачевского.

Ну вот и все пока. Шлю Вам самый искренний привет и поздравление к Новому Году, и желаю Вам в Новом году побольше здоровья и поменьше работы.

Ваш П.Александров.

Ответ Президента Московского
математического общества
П.С. Александрова А.А. Андронову.
1947 г.

The reply of the President of Moscow
Mathematical Society P.S. Alexandrov
to A.A. Andronov. 1947.

Архивные записки из "губернских ревизий"
Нижегородской Алексеевской церкви о "битиях и исповедях".^{х)}

В графе "Военные и их домашние".

I. за 1792 год
Нижегородской Межевой канторы землемер поручик

Сергей Степанов Шебаршин вдов 45
Дворовые: Кириак, жена его Анна

В соседстве Казенной Палаты регистратора Ивана
Максимова жена его Прасковья Александрова 30

/Вся запись зачеркнута/

II. за 1793 год
Нижегородской Межевой канторы землемер поручик

Сергей Степанов Шебаршин вдов 45
Служитель Кириак Иванов 35
Жена его Анна Степанова 35

В соседстве Казенной Палаты регистратора Ивана
Максимова жена Прасковья Александрова 30

III. за 1794 год
Нижегородской Межевой канторы землемер Сергей

Степанов Шебаршин 50
Дворовый его Андрей Григорьев холост 16
В соседстве Казенной Палаты регистратора Ивана

Максимова жена его Прасковья Александрова 31

х) Горьковский Областной Государственный архив
ф. Нижегородская Алексеевская церковь.
Исповедные расписки 1782-1803 г.г., ф. № 1а,
л. л. 34 об., 42 об., 46 об.

Жена его Настасья Алексеева 38

Дети их: Агрипина 6

Александр 5

Елена 3

Племянник его регистратор

Иван Максимов Лобачевский 35

Жена его Прасковья Александрова ... 29

Дворовые их люди:

Анна Никитина 30

и т.д.

IX сего 1796 года.

Аверкиев
Казенной Палаты Губернской
казначей надворной советник
Георгий Алексеевич Аверкиев 44

Жена его Настасья Алексеевна 39

Дети их: Агрипина 7

Александр 6

Елена 4

Дворовые их люди

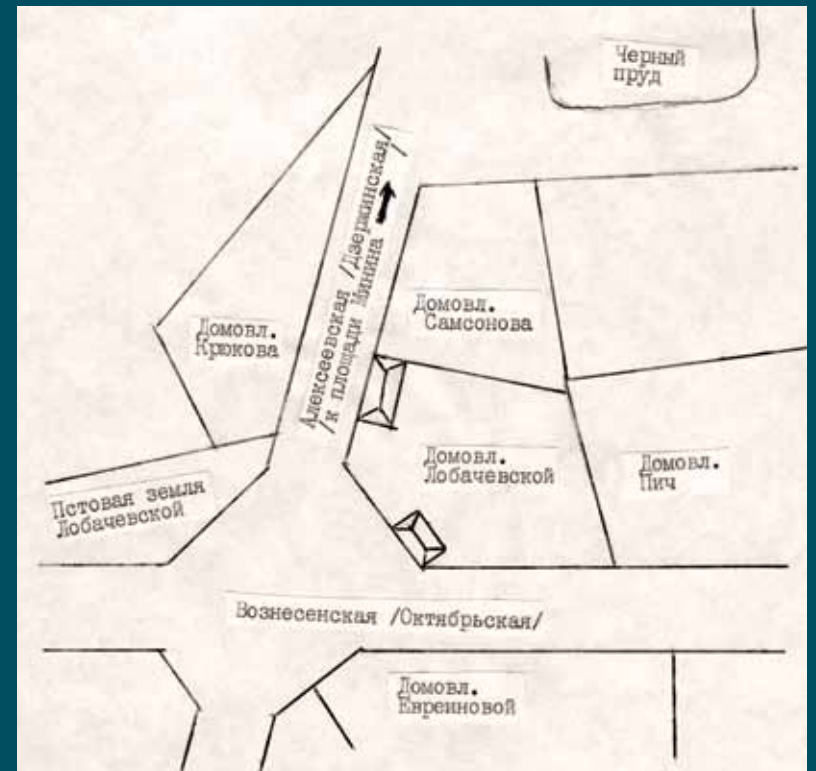
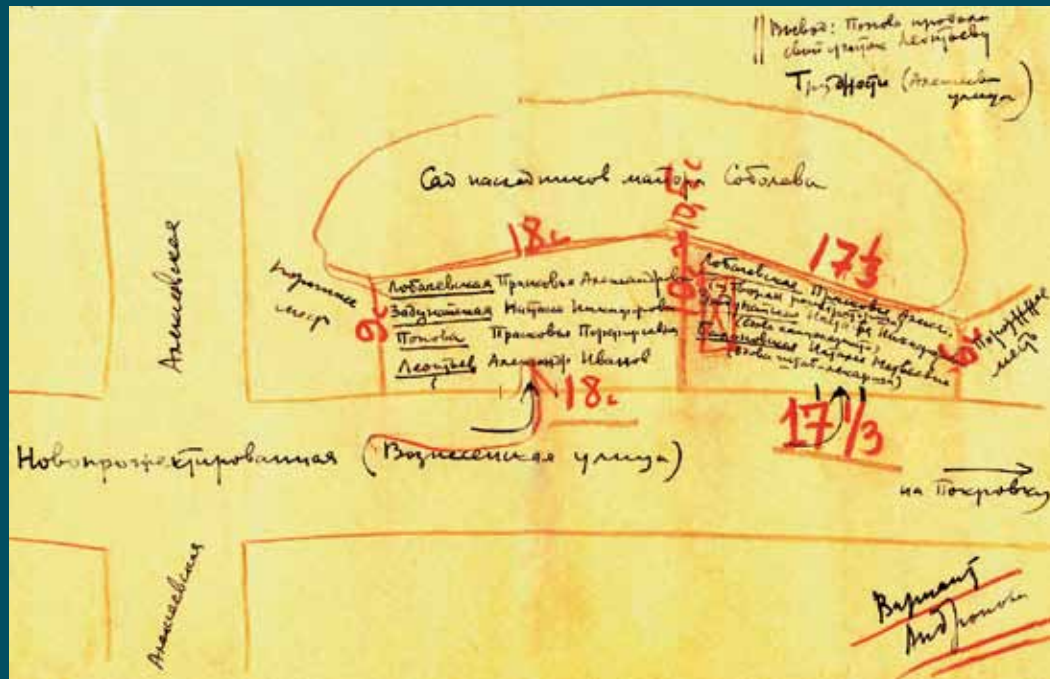
X сего 1797 года

Та же запись, что и в 1796 г.,
годом все старше.

Примечание: с 1796 года фамилия Ивана Максимовича Лобачевского не встречается.

Материалы архивных
поисков «группы Андро-
нова».

Materials of archive
research of «Andronov's
Group».

Расположение дома, в котором родился и жил в детстве Н.И. Лобачевский. Составлено Н.И. Приваловой по плану Н. Новгорода 1799 года и архивным документам.

Две схемы с указанием места расположения дома, где родился и провел детские годы Н.И. Лобачевский. Составлены А.А. Андроновым (1) и Н.И. Приваловой (2).

Two schemes with the indication of the location of the house where N.I. Lobachevsky was born and spent his childhood. Compiled by A.A. Andronov (1) and N.I. Privalova (2).

Где и когда родился Н. И. Лобачевский

Место и дата рождения гениального русского математика и одного из наиболее выдающихся деятелей русского университетского образования Николая Ивановича Лобачевского вплоть до самого последнего времени не могли считаться твердо установленными.

Несомненно, что это позорное для историков русской и мировой науки незнание основных фактов биографии Н. И. Лобачевского, в частности, до сих пор не позволившее поставить памятник или мемориальную доску вблизи его места рождения, связано прежде всего с тем равнодушным отношением к науке и к ее деятелям, которое было характерным для царской России. Но с Н. И. Лобачевским было связано и другое обстоятельство. Математические работы Н. И. Лобачевского, прежде всего основной труд его жизни, — создание неевклидовой геометрии — получили настоящее признание лишь после его смерти, а современники Н. И. Лобачевского не понимали, с фигурой какого масштаба они имеют дело. Когда же, в конце 19 века всем стало ясно, что Н. И. Лобачевский является одним из величайших мировых ученых и когда возник, как в России, так и за границей, острый интерес к его биографии и, в частности, к месту и дате его рождения, время было упущено. Современники и свидетели умерли, многие документы были утрачены, и ответ на элементарный вопрос, где и когда родился Н. И. Лобачевский, был дан после ряда попыток, постепенно расширявших наши знания, лишь в 1948 году.

В настоящей статье будет коротко рассказана история этих попыток и приведены окончательные выводы.

В кратком вступительном очерке жизни и деятельности Н. И. Лобачевского, опубликованном его учеником, профессором Казанского университета А. Ф. Полювым в 1857 году — через год после смерти Н. И. Лобачевского, указывается, что Н. И. Лобачевский родился в Нижнем-Новгороде в 1793 году. Но в первой, сравнительно подробной биографии Н. И. Лобачевского, изданной Э. И. Яншиным в 1868 году, говорится, что Н. И. Лобачевский родился в Макарьевском уезде Нижегородской губернии в 1793 году. В официальной биографии Н. И. Лобачевского, приложенной к первому тому полного собрания его сочинений, изданному Казанским университетом в 1883 году, указывается, что Н. И. Лобачевский родился 22 октября 1793 года в Нижегородской губернии, но не указывается само место рождения.

Так возникли две версии в вопросе места рождения Н. И. Лобачевского: о Нижнем-Новгороде и о Макарьевском уезде Нижегородской губернии.

Когда, а следовательно и в какой год столетием юбилей «о дня рождения Н. И. Лобачевского» стал вопросом — в России и за границей — о составлении его научной биографии, основанной на бесспорных документах, и прежде всего возникли серьезные затруднения, так как таких документов не оказалось. В Казани, где Н. И. Лобачевский провел большую часть своей жизни и где он умер, не удалось найти его метрику (как и метрика его братьев), так как большая часть архивов Казанской дивизии и Казанского университета была уничтожена пожаром 1842 года.

В Нижнем Новгороде розыски документов о Н. И. Лобачевском в 1893 году были предприняты Нижегородским кружком любителей физики, астрономии и математики. Кружку не удалось найти в Нижнем-Новгороде записки о рождении Н. И. Лобачевского, но в исповедальной книге Тихоновской (Средней) церкви Нижегородского уезда были найдены записки о присутствии на исповеди в 1790, 1791, 1792, 1793, 1794, 1795 гг. Межевой конторы регистратора Ивана

Действительный член Академии наук СССР,
профессор А. А. АНДРОНОВ

Максимов сына Лобачевского и жены его Прасковьи Александровны. В том же 1893 году, дочь Н. И. Лобачевского В. П. Ахшикова сообщила, что по семейным рассказам, Н. И. Лобачевский родился в Нижнем-Новгороде. К октябрю 1893 года факт рождения Н. И. Лобачевского в Нижнем-Новгороде стал казаться настолько вероятным, что ректор Казанского университета в своей речи на праздновании столетнего юбилея со дня рождения Н. И. Лобачевского прямо указал на Нижний-Новгород, как на место рождения Н. И. Лобачевского. Но поскольку метрика не была отыскана, для возможности места рождения Н. И. Лобачевского, о которых мы говорим, утвердились в науку и стали фигурировать в большинстве биографий Н. И. Лобачевского, опубликованных как в России, так и за границей. В частности, эти два места рождения фигурируют и в наиболее обстоятельной (из изданных до революции) биографии, составленной проф. Казанского университета А. В. Васильевым (А. В. Васильев. Н. И. Лобачевский. Русский биографический словарь, СПб., 1914 г.).

Положительно весть действительно имело место, в 1929 году, когда работник Нижегородского Архивного управления Н. И. Вишневецкий (ныне умерший) обнаружил в одном из архивных документов начала XIX века сведения об участии земца, принадлежавшем Прасковье Александровне Лобачевской и родственником в Алексеевском приходе гор. Нижегородского. Эта находка надела Вишневецкого на мысль детально просмотреть метрическую книгу Алексеевской церкви, относящуюся к концу XVIII века. В этой книге Вишневецкий обнаружил записки о рождении, которые по его мнению не могли быть ничем иным, как записками о рождении Николая Ивановича Лобачевского, его старшего брата Александра и младшего Алексея. Записки, относящиеся к Николаю, гласит: «... за 1792 год... в ноябре № 5 рожд. 20 крест. 25 Нижегородского Наместнического Правления и регистратора Ивана Максимов сына Николая, впоследствии был Нижегородской Межевой конторы секретарь Петр Григорьев Лопкино». Записки, относящиеся к Александру, гласит: «... за 1791 год... в августе № 7 рожд. 20 крест. 25 Губернского регистратора Ивана Максимов сына Николая, впоследствии был Нижегородским секретарем Петр Григорьев Лопкино».

Сама по себе метрическая запись о Николае оставляет серьезные сомнения и том, что она относится к Николаю Ивановичу Лобачевскому. Действительно — от этой записки нет ссылки «Лобачевский»; дата рождения, в ней, указанная (20/XI 1792), отличается от даты рождения (22/X 1793), которая указана (иногда без числа и месяца) во всех ранее известных источниках (включая и официальную биографию) и которая выбита на могильном памятнике Н. И. Лобачевского, находящемся в Казани на Куртиском кладбище. Поэтому название к этой метрической записке отнеслись весьма осторожно. Возникла мысль, не относится ли эта запись к сыну регистратора Максимова, не известному ничему общему с Николаем Ивановичем Лобачевским. Первым, кто тщательно изучил материалы, найденные Вишневецким, и кто опубликовал метрическую запись о Николае, как документ, точно устанавливающий место и время рождения Н. И. Лобачевского, — прежде, с некоторыми оговорками о необходимости дальнейших исследований — был профессор Московского университета, ма-

тематик В. Ф. Каган, посвятивший ряд лет своей жизни изучению трудов Н. И. Лобачевского и собиравший материал для замечательной монографии «Лобачевский», изданной им в 1944 году. Точка зрения В. Ф. Кагана на метрику Николая, найденную Вишневецким, вызвала возражения. Например, член-корреспондент Академии наук СССР Н. С. Александров в решении на книгу В. Ф. Кагана (Вестник Академии наук СССР, 1945 г., стр. 148) высказал определенные сомнения в достаточной обоснованности его вывода, указав в частности, что «... из того, что 20 ноября 1792 года у регистратора Ивана Максимова в Нижнем-Новгороде родился сын Николай, еще не следует, что у землемера Ивана Максимовича Лобачевского 22 октября 1793 года сын Николай не родился где-то в Макарьевском уезде Нижегородской губернии».

С другой стороны, Ленинградский литературовед профессор А. Б. Модзалевский, работавший последние годы в казанских архивах над выделением документов, относящихся к жизни и деятельности Н. И. Лобачевского, стал в этом вопросе на точку зрения В. Ф. Кагана, включая — и даже без оговорки метрику Николая, о которой идет речь, в качестве метрики Н. И. Лобачевского и сборник документов о Н. И. Лобачевском, который в настоящее время издается Академией наук СССР. (А. Б. Модзалевский. Н. И. Лобачевский. Материалы для биографии, М. А., 1948).

Чтобы выяснить с определенностью в этом вопросе, Горьковское отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний обратилось в конце 1947 года в Архивный отдел УМВД по Горьковской области с просьбой организовать просмотр нижегородских архивных материалов, относящихся к 1785—1805 годам, с целью выявить документы, относящиеся к Н. И. Лобачевскому и его родителям. Инициатива общества была поддержана областными и городскими советскими и партийными организациями, были выделены соответствующие средства, работники архива с энтузиазмом занялись за работу, и сейчас мы имеем ряд новых, ранее неизвестных документов, относящихся к Н. И. Лобачевскому и его родителям. Эти новые документы, совместно с тщательным анализом уже известных документов и выводов, полученных работниками Архивного Отдела дают окончательный ответ на вопрос, стоящий в заголовке этой статьи.

Прежде всего, путем сверки документов удалось установить, что отец гениального математика Иван Максимович Лобачевский хронически писался в периодичных книгах просто Иваном Максимовым.

Например, в исповедальной записке Тихоновской (Средней) церкви за 1801 г. в графе «Приказание и их домашнее» записано: «... регистратор Иван Максимов жена его Прасковья Александровна дворянка их дева Устиныя Бирьякова». Чтобы доказать, что эта запись относится к Ивану Максимовичу и Прасковье Александровне Лобачевским, достаточно сравнить эту запись с записью в исповедальной книге Алексеевской церкви за 1800 год, где говорится о присутствии на исповеди регистратора Прасковьи Александровны Лобачевской с детьми Александром, Николаем и Алексеем и деицей Устиной Бирьяковой. Дева Устиныя

Бирьякова устранила всякие сомнения, что в записи 1801 года Иван Максимов является Иваном Максимовичем Лобачевским. Однако при этой сверке документов открылось одно новое обстоятельство. Во всех документах, как найденных ранее, так и найденных в 1947 году, Иван Максимович Лобачевский значится «регистратором Межевой конторы», «регистратором Казанской Палаты», «коллежским регистратором», но нигде, кроме как в метрике Николая, не говорится, что он работает регистратором Нижегородского Наместнического Правления. Это обстоятельство поставило остро вопрос, работал ли в 1792 году Н. И. Лобачевский в Наместническом Правлении и вновь сообщало известность или о мифическом Иване Максимове, не связанном с Н. И. Лобачевским.

И вот несколько недель тому назад работникам архива удалось расчислить и этот последний темный пункт: удалось найти документ, из которого видно, что регистратор Н. И. Лобачевский в 1791 году поступил на службу в Нижегородское Наместническое Правление «вместо уволенного за болезнью уволенного землемера Василия Петрова». Таким образом, возражения, связанные с отсутствием фамилии «Лобачевский» в метрике Николая, должны считаться несостоятельными.

Возражения, связанные с датой рождения (20/X 1792), указанной в метрике Николая, также являются несостоятельными. Во-первых, несомненно, что никаких переплывных документов о рождении Н. И. Лобачевского в 1793 году не было в распоряжении его биографов. В частности, несомненно, что даже составитель официальной биографии Н. И. Лобачевского, указывающий 22/X—1793 год, как дату рождения, не имел в своем распоряжении метрику Н. И. Лобачевского, так как он по сути в этой биографии указывает место его рождения. Во-вторых, анализ исповедальных записей Алексеевской церкви за 1799, 1800, 1801, 1802 годы, где Александр, Николай и Алексей фигурируют вместе со своей матерью Прасковьей Александровной Лобачевской позволяет установить, что указываемые в этих записях дата всех трех братьев находится в точной согласии с метриками, найденными Вишневецким, причем возраст Николая, указываемый в этих записях, прямо противоречит дате рождения (22/X 1793). В-третьих, нужно отметить, что в точном согласии с этими метриками находится и сохранившаяся запись о заседании Совета Казанской гимназии 5-го ноября 1802 года, на котором рассматривалось прошение Н. А. Лобачевской о принятии в гимназию трех ее сыновей: Александра 11 лет, Николая 9 лет, и Алексея 7 лет.

Таким образом, не на основании одной метрики, о которой выше шла речь, а на основании всей совокупности, как ранее известных, так и вновь найденных документов и тщательного их анализа необходимо прийти к выводу, что величайший русский математик Николай Иванович Лобачевский родился в Нижнем-Новгороде (теперь гор. Горький) 20 ноября 1792 года (по старому стилю) и был крещен 25 ноября в Алексеевской церкви (теперь эта церковь снесена) на Богоявленской площади (теперь площадь Мишина и Пешарского).

В настоящее время работниками Архивного Отдела УМВД Горьковской области найдены и другие документы, которые позволяют точно установить место, (в границах бывшего Алексеевского прихода Нижегородского уезда) где стоял дом, принадлежавший землемеру С. С. Шебардину. В этом доме по ряду документальных данных родился Н. И. Лобачевский и провел первые годы своей жизни.

Статья А.А. Андронова
«Где и когда родился
Н.И. Лобачевский»
в газете «Горьковская
коммуна». 9 мая 1948 г.

A.A. Andronov's article
«Where and When
N.I. Lobachevsky Was
Born» in the newspaper
«Gorkovskaya Kommuna».
May 9, 1948.

9 декабря 1948

Москва - улица Каванова 11.
 Министерство Высшего Образования СССР.
 Управление делами
 Апосту Тиграновичу Григорьяну.

Глубокоуважаемый Апост Тигранович!

Обращаясь к Вам со следующей просьбой. Как Вы знаете, горьковские ученые поставили вопрос о присвоении Горьковскому Государственному Университету имени Н.П.Лобачевского. Принципиальное согласие на это дело получено и от А.А.Кузнецова (Ц.К.ВКП/б/) и от С.Я.Киреева (Горьковский Обком ВКП/б/) и от С.В.Кафтанова (Мин.Высш.Образования). Недавно был у нас профессор К.Ф.Жигач, который также обещал поддержать это дело. Однако вчера я получил сведения, что это дело задержалось, т.е. Казань хочет присвоить имя Н.П.Лобачевского Математическому Институту Казанского Университета. Хотя я, откровенно говоря, не могу понять почему имя Н.П.Лобачевского нельзя присвоить одновременно и Горьковскому Государственному Университету и Математическому Институту Казанского Университета и все же очень беспокоюсь по поводу этой задержки. Я написал в связи с этим письмо А.М.Самарину, но до сих пор не получил на него ответа. Я очень прошу Вас точно узнать ситуацию с этим делом и порекомендовать доктору М.А.Айзерману, который вручит Вам настоящее письмо, короткую записку для молл. М.А.Айзерману судет эту записку срочно доставить мне. Если действительно это дело задержалось, я Вам буду очень благодарен, если Вы мне в этой записке посоветуете, как мне следует поступить, что бы протолкнуть это дело. Очень прошу не задерживать ответ.

Депутат Верховного Совета РСФСР
 подпись /А.А.АНДРОНОВ/

р.з. Мне М.Т.Трехова передала Вашу диссертацию «Вариационные принципы механики». Я никогда не занимался вариационными принципами, но мне кажется что Вы сумели найти везде ранее неизвестные материалы по истории механики (в частности по вопросам, связанным с вариационными принципами) и доказать, которые изменяют некоторые установленные точки зрения. Пока эту диссертацию я просмотрел лишь начерно. Место, которое у меня вызвало возражение

это место, где Вы говорите о выводе $2^{го}$ закона Термодинамики из принципа Д'Аламбера и критически излагаете точку зрения профессора В.А.Михальсона. Мне кажется, что этого вопроса лучше вообще не касаться (он имеет лишь косвенное отношение к предмету диссертации), а если касаться, то следует более подробно наложить положение вещей и современную точку зрения на этот вопрос.

На вклейке – обращение А.А. Андропова к секретарю Горьковского обкома ВКП(б) С.Я. Кирееву. 1948.

In the inset: A.A Andronov's appeal to the Secretary of the Gorky Regional Committee of the Communist Party S.Ya. Kireev. 1948.

Гор. ГОРЬКИЙ.

АКАДЕМИКУ АНДРОНОВУ А.А.

Глубокоуважаемый Александр Александрович!

Получил Ваше письмо и сразу же решил написать Вам ответ.

Сергей Васильевич Кафтанов, а также Кузьма Фомич Жигач полностью поддерживают Вашу просьбу о присвоении Горьковскому Государственному университету имени Н.П.Лобачевского. Александр Михайлович Самарин также получил Ваше последнее письмо и поручил тов.Жигачу подготовить соответствующее письмо в ЦК ВКП/б/. Тов.Жигач сообщил мне, что в течение 2-3 дней он подготовит весь материал для ЦК ВКП /б/. Было бы не плохо, если бы Вы позволили еще по телефону по этому вопросу А.М. Самарину/ его телефон К-4-20-85/. Во всяком случае я буду следить за этим делом, только очень прошу обязательно позвонить А.М.Самарину.

Что касается Вашего замечания по поводу моей работы, то я с этим полностью согласен. Между прочим, у меня самого были колебания в части включения в работу раздела, связанного со вторым законом термодинамики.

С искренним уважением к Вам *А. Григорьян*
 / А.Григорьян/

И.ХВ-1/81.

Переписка А.А. Андропова и А.Т. Григорьяна по вопросу увековечения памяти великого математика.

The correspondence between A.A. Andronov and A.T. Grigoryan on perpetuating the memory of the great mathematician.

Протокол № 11 ²

заседания Совета Горьковского государственного университета, состоявшегося 16 января 1956 года.

Присутствовали:

председатель Совета, ректор В.И. Широков, проректоры проф. А.А. Соболев и доц. Н.В. Кузнецов, ученый секретарь проф. В.Т. Илларионов; члены Совета доктор наук и профессора: Д.С. Аверкиев, С.И. Архангельский, Е.М. Воронцов, М.Т. Грехова, И.М. Коренман, А.А. Коршунов, А.Н. Мельниченко, А.В. Миртов, А.Г. Сигалов, Я.Л. Шапиро; кандидаты наук и доценты: А.А. Белоусов, В.И. Гапонов, В.А. Гусева, В.Я. Дудоров, А.А. Еремин, Н.А. Железцов, А.Н. Марков, Н.Н. Миронов, В.И. Туранский, В.П. Шадеев, В.И. Фокин, А.К. Шевелев, А.Ф. Шереметьев, М.Я. Широков, В.А. Щербakov.

Ректор университета В.И. Широков, в кратком докладе, поставил перед членами Совета вопрос о присвоении Горьковскому государственному университету имени великого русского математика, создателя неевклидовой геометрии, мыслителя-математика, гражданина и патриота отечества, Николая Ивановича ЛОБАЧЕВСКОГО.

В обсуждении вопроса приняли участие профессор А.Н. Мельниченко, А.Г. Сигалов, И.М. Коренман, Я.Л. Шапиро, А.В. Миртов, Г.А. Разуваев, Е.М. Воронцов и доценты В.П. Шадеев и А.Н. Марков.

Все выступавшие горячо поддержали предложение, внесенное ректором. Кроме того, внесены предложения:

1/ издать отдельной брошюрой статьи о Н.И. Лобачевском от преподавателя историко-филологического факультета Н.И. Фрицваловой, сотрудницы акад. А.А. Андропова, по его архивным запискам в связи с биографией Н.И. Лобачевского/предложение внесено проф. В.П. Шадеевым/;

2/ организовать при университете ежегодные Чтения в честь Н.И. Лобачевского/предложение внесено проф. М.Т. Греховым/.

-2-

Г.А. Разуваевым/;

3/ в связи с предстоящим столетием со дня смерти Н.И. Лобачевского установить связь с Каванским университетом в целях привлечения представителей последнего к участию в юбилейном заседании Совета Горьковского университета/предложение внесено проф. И.М. Коренман/;

4/ юбилейной комиссии /председатель доц. А.Н. Марков/ учесть высказанные пожелания.

Ректор университета В.И. Широков провозгласил поименный опрос членов Совета в связи с принятием постановления по обсуждаемому вопросу и Совет университета принял постановление в следующей редакции:

Постановление ученого совета Горьковского государственного университета о присвоении Горьковскому государственному университету имени Николая Ивановича Лобачевского.

24 февраля 1956 года исполняется 100 лет со дня смерти великого русского ученого Н.И. Лобачевского.

Николай Иванович Лобачевский - великий русский математик, создатель неевклидовой геометрии, мыслитель-материалист, гражданин и патриот отечества, родился в Нижнем-Новгороде 20 ноября 1768 года по старому стилю.

Дом, в котором родился Н.И. Лобачевский, находился по Вознесенской /теперь Октябрьской, а ранее Дворянской/ улице, во дворе современного дома 16-а, ~~впикадонии~~ на окованном углу, между Алексеевской, теперь Дзержинской улице.

Горьковский государственный университет является одним из крупнейших университетов Российской Федерации. Основан университет по декрету, подписанному В.И. Лениным 25 июня 1918г. Развитие Горьковского государственного университета, как

открыта

Протокол заседания Ученого совета ГГУ от 16 января 1956 г., зафиксировавший решение о «возбуждении ходатайства» о присвоении университету имени Н.И. Лобачевского.

Minutes of the meeting of the Academic Council of GSU on 16 January 1956 which fixed the decision to «petition» to name the university after N.I. Lobachevsky.

университета одного из крупнейших промышленных районов
Союза Советских Социалистических Республик, лично содей-
ствовали руководители Партии и Правительства, Я.М.Свердлов,
В.М. Молотов, Л.М. Каганович, А.И. Микоян и А.А.Жданов.

Индустриальная Горьковская область обладает крупнейшей
металлообрабатывающей, машиностроительной, химической и
другими отраслями промышленности, развивающимися в теснейшей
связи с развитием физико-математических наук.

Ученый совет просит Горьковский областной комитет КПСС
и Исполнительный комитет областного совета депутатов тру-
дящихся о возбуждении ходатайства перед центральными орга-
нами о присвоении Горьковскому университету имени Н.И.
Лобачевского. Совет университета просил бы также, в соот-
ветствии с пожеланиями умершего академика А.А. Андропова,
б. профессора Горьковского университета, выраженными в
печати, о)

- 1/ постановке в Горьком, по месту рождения
Н.И. Лобачевского, памятника или об увековечении этого
места иным образом;
- 2/ об учреждении университетской премии имени
Н.И. Лобачевского, ежегодно присуждаемой советом универ-
ситета за лучшую научную работу по физико-математическому
циклу наук;
- 3/ об установлении одной аспирантской и двух студен-
ческих стипендий имени Н.И. Лобачевского на физико-матема-
тическом факультете.

Совет университета ходатайствует о разрешении проводить
ежегодно Чтения имени Н.И.Лобачевского в Горьковском госу-
дарственном университете.

В.И. Широков, председатель Совета
Горьковского университета, ректор

В.И. Широков

В.Т. Илларионовой, ученый секретарь,
профессор

ПРОТОКОЛ № 13 4

заседания Ученого Совета Горьковского государственного университета, состоявшегося 24 февраля 1956 года, посвященного 100-летию со дня смерти Н.И. Лобачевского.

В президиуме заседания: председательствующий, по поручению ректора, член-корреспондент АН СССР проф. С.И. Архангельский, проректор доц. Н.В. Кузнецов, секретарь партбюро университета К.П. Маслов, доц. А.Н. Марков, проф. В.Т. Илларионов и проф. Я.Л. Шапиро, заведующий кафедрой геометрии.

Присутствовали кроме названных: члены совета: профессора Д.С. Аверкиев, Е.М. Воронцов, И.М. Коренман, А.Н. Мельниченко, Г.А. Разуваев, Я.Л. Шапиро; доценты: А.Н. Бархатов, А.А. Белоусов, В.А. Гусева, А.Н. Марков, Я.Н. Николаев, В.И. Туранский, А.Ф. Череметьев, М.Я. Широбоков и около 30 человек из числа приглашенных.

Заседание было открыто вступительным словом профессора С.И. Архангельского, осветившего роль Н.И. Лобачевского в науке.

Затем были заслушаны доклады проф. Я.Л. Шапиро "Геометрия Н.И. Лобачевского" и доц. Б.Н. Гершмана "Развитие идей Н.И. Лобачевского в современной физике".

Материалы докладов хранятся на кафедре геометрии университета.

По заслушании докладов юбилейное заседание Совета было объявлено закрытым.

Председательствующий

Член-корреспондент АН СССР,
профессор университета С.И.
Архангельский

Ученый секретарь

проф. В.Т. Илларионов

Протокол заседания Ученого совета ГГУ
от 24 февраля 1956 г., приуроченного к столетию
со дня кончины Н.И. Лобачевского.

Minutes of the meeting of the Academic Council of GSU
on 24 February 1956 dedicated to the centenary of the
death of N.I. Lobachevsky.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Ученого Совета Горьковского Государственного Университета о присвоении Горьковскому государственному университету имени Николая Ивановича ЛОБАЧЕВСКОГО.

24 февраля 1956 года исполняется 100 лет со дня смерти великого русского ученого Н.И. Лобачевского.

Николай Иванович Лобачевский-великий русский математик, создатель неевклидовой геометрии, мыслитель- материалист, гражданин и патриот отечества, родился в Нижнем-Новгороде 20-го января 1792 года по старому стилю.

Дом, в котором родился Н.И. Лобачевский, находился на Вознесенской /теперь Октябрьской, а ранее Дворянской/улице, на дворе современного дома 16-а, и находился на скошенном участке, ближе к Алексеевской, а теперь Дзержинской улице.

Горьковский государственный университет является одним из крупнейших университетов Российской Федерации. Основан университет по декрету, подписанному В.И. Лениным 25-го июня 1919 года. Развитие Горьковского государственного университета, как университета одного из крупнейших промышленных районов Союза Советских Социалистических Республик, лично содействовали руководители Партии и Правительства Я.М. Свердлов, В.И. Молотов, Л.М. Каганович, А.И. Микоян и А.А. Жданов.

Индустриальная Горьковская область обладает крупнейшей металлообрабатывающей, машиностроительной, химической и другими отраслями промышленности, развивающимися в теснейшей связи с развитием физико-математических наук.

Ученый Совет просит Горьковский Областной Комитет КПСР и Исполнительный Комитет Областного совета депутатов трудящихся о возбуждении ходатайства перед центральными органами о присвоении Горьковскому университету имени Н.И. Лобачевского.

Совет университета просит бы также, в соответствии с пожеланиями умершего академика А.А. Андропова, б. профессора Горьковского университета, выраженными в печати, о

1/ постановке в Горьком, по месту рождения Н.И. Лобачевского, памятника или об увековечении этого места иным образом;

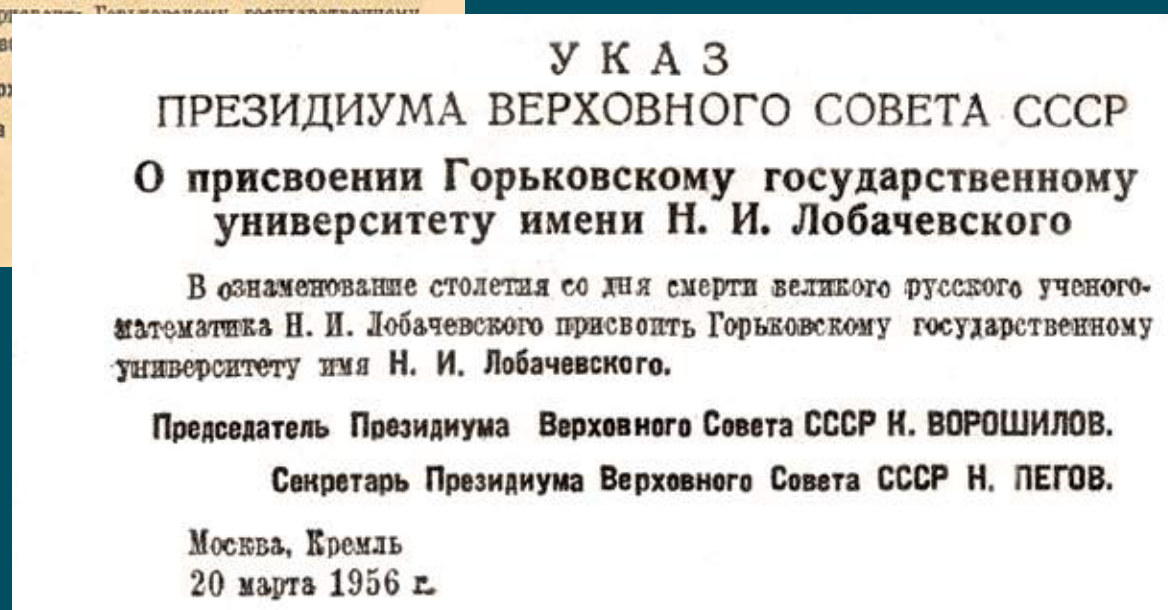
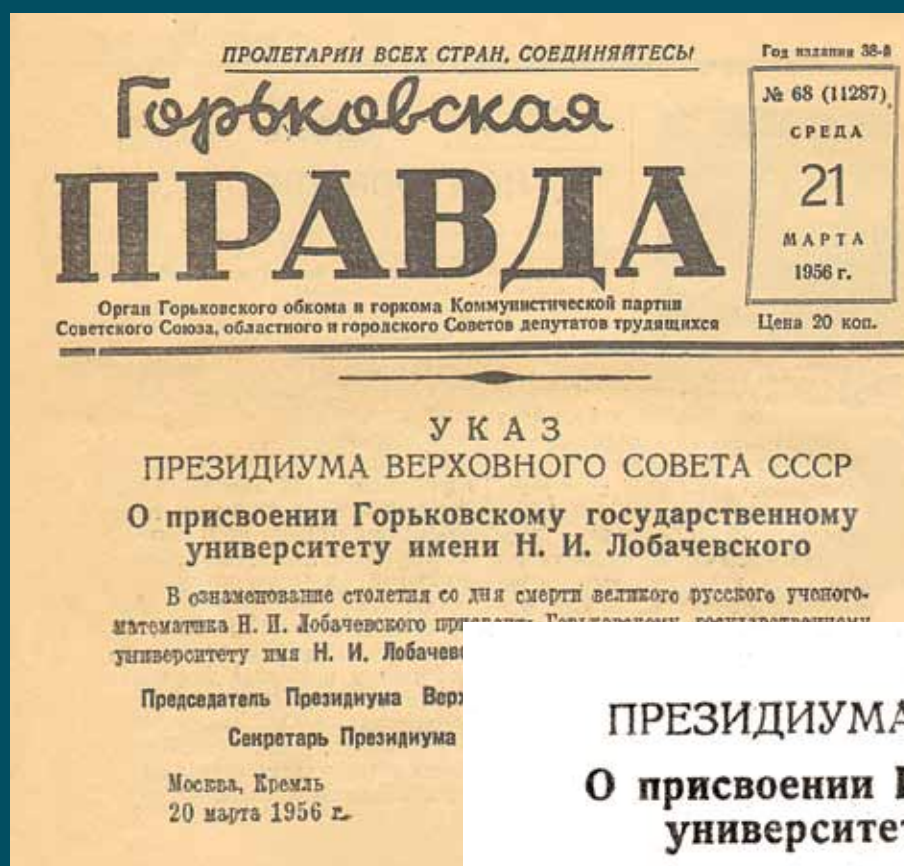
2/ об учреждении университетской премии имени Н.И. Лобачевского, ежегодно присуждаемой Советом университета за лучшую научную работу по физико-математическому циклу наук;

3/ об установлении одной аспирантской и двух студенческих стипендий имени Н.И. Лобачевского на физико-математическом факультете.

Земляков
Проф. Земляков
д-р Аллузин
Миронов
Иванов
Миронов
Иванов

Обращение Ученого совета ГГУ в местные органы власти с ходатайством о присвоении университету имени Н.И. Лобачевского. 24 февраля 1956 г.

Address of the Academic Council of GSU to local authorities with a petition to name the university after N.I. Lobachevsky. February 24, 1956.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 марта 1956 г. о присвоении Горьковскому университету имени Н.И. Лобачевского.

Decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR dated March, 20 1956 on naming Gorky State University after N.I. Lobachevsky.

На вклейке – репродукция машинописного текста воспоминаний ректора ГГУ В.И. Широкова.

In the inset you can see the reproduction of the typewritten text of memoirs of GSU rector V.I. Shirokov.

Группа делегатов
XX съезда КПСС. 1956 г.

The group of delegates
of the Twentieth Party
Congress. 1956.

Бизнес-центр «Лобачевский-PLAZA», расположенный на пересечении улиц Алексеевской и Октябрьской. Фото 2015 г.

Business center «Lobachevsky-PLAZA», located at the intersection of Alexeevskaya and Oktyabrskaya streets. 2015.

Перекресток улиц Алексеевской и Октябрьской. Фото 1956 г.

Intersection of Alexeevskaya and Oktyabrskaya streets. Photo of 1956.

На вклейке – текст обращения В.И. Широкова к местным властям с предложением переименовать улицу Октябрьскую. 1985.

In the inset: V.I. Shirokov's appeal to the local authorities with the proposal to rename Oktyabrskaya Street. 1985.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Нижегородского
районного Совета
народных депутатов

603005, Горький, ул. Пискунова, д. № 1
Телефон № 33-45-56

304/1-13 № 18.02.86.

На № _____

Гр. Широкову В.И.
г. Горький, ул. Венева,
дом № 1-а, кв. 30

На Ваше письмо в исполком Горсовета исполком Нижегородского райсовета считает нецелесообразным переименовывать улицу Октябрьскую в улицу Лобачевского, так как в Московском районе г. Горького уже имеется улица названная этим именем. Одинаковое название улиц создаст известные неудобства для жителей и гостей города.

Место стоянки автомашин определено решением Горисполкома и в ближайшее время переносу не подлежит.

В память о великом математике на углу улиц Октябрьской и Дзержинского планируется установка памятного знака.

Зам. председателя
исполкома райсовета

Н.С.Белянкин

ул. ЛОБАЧЕВСКОГО

17

Имя Лобачевского сегодня носит улица в одном из промышленных районов города.

Nowadays a street in one of the industrial districts of the city is named after N.I. Lobachevsky.

Ответ В.И. Широкову от Исполнительного комитета Нижегородского районного совета народных депутатов с отказом в переименовании улицы Октябрьской в честь Лобачевского. 1986.

The answer to V.I. Shirokov from the Executive Committee of Nizhny Novgorod District Council of People's Deputies with the refusal to rename Oktyabrskaya Street after Lobachevsky. 1986.

В Президиум Академии наук СССР
Копия в Отделение математики АН СССР

Записка
о предстоящем праздновании 200-летия со дня рождения
НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ЛОБАЧЕВСКОГО

В декабре 1992 года исполнится 200 лет со дня рождения гениального русского математика и крупного деятеля народного просвещения России Н.И. Лобачевского.

Горьковский университет, последний шаг великого ученого начал подготовительную работу к юбилею. У инициативной группы сложилось мнение, что задуманные мероприятия возможно довести до конца только под эгидой и непосредственным участии АН СССР.

Запланировано следующее:

1. Установить в г. Горьком памятник Н.И. Лобачевскому на месте дома, где он родился и жил до 10-летнего возраста /угол ул. Октябрьской и ул. Дзержинского/.

2. Восстановить в первоначальном виде дом, в котором жили родители Н.И. Лобачевского, и установить на нем мемориальную доску /Горький, ул. Ульянова, 8/.

3. Произвести широкие архивные изыскания материалов, касавшиеся биографии Н.И. Лобачевского и связанных с ним людей /прежде всего, матери ученого - Прасковьи Александровны Лобачевской и воспитатели братьев Лобачевских, Сергея Степановича Пешарина/. Надать научную биографию Н.И. Лобачевского / до сих пор отсутствует/.

Довести все эти мероприятия до успешного завершения возможно только под руководством особой юбилейной комиссии АН СССР, которая может вносить в план своей работы все то, что делается к названной юбилейной дате в Горьком, Казани, Киеве, Ленинграде, Москве и т.д.

Осуществляемые в Горьковском государственном университете ил. Н.И. Лобачевского мероприятия указаны в приложении.

Ректор _____ проф. УГОДЧИКОВ А.Г.

Материалы, связанные с подготовкой к празднованию в Нижегородском государственном университете 200-летия со дня рождения Н.И. Лобачевского.

Materials connected with the celebration of the 200th anniversary of N.I. Lobachevsky at Nizhny Novgorod State University.

П Р И К А З

17.11.92

Н. Новгород

№ 66-сд

1 декабря с.г. исполняется 200 лет со дня рождения великого математика Н.И.Лобачевского, чье имя носит Нижегородский университет.

Родился Н.И.Лобачевский в Н.Новгороде, получил здесь начальное образование. Все свою жизнь он посвятил служению науке и Казанскому университету, где прошла его жизнь с 1802г. по 1866г.

Открытая им неевклидова геометрия определила бессмертие ученого и его трудов.

Для организации в университете празднования 200-летия со дня рождения Н.И.Лобачевского

П Р И К А З Ы В А Ю:

1. Создать юбилейную комиссию в следующем составе:
Олейник А.В. - председатель комиссии,
Подшивков И.С. - декан механико-математического факультета
Савельев В.И. - декан факультета НК
Филатов Н.Ф. - доктор исторических наук, профессор
Боробьева С.А. - директор студенческого клуба
Котова Л.В. - главный библиотекарь
Ковалева Т.И. - зав. музеем
2. Утвердить план подготовки и проведения юбилейных мероприятий / приложение № 1 /.
3. Проректору Хорену В.В. подготовить актовый зал для проведения юбилейных мероприятий 1 декабря с.г. / приложение № 2 /.
4. Утвердить смету расходов на организацию юбилейных мероприятий / приложение № 3 /.

И.о. ректора
Согласовано:
Проректор по АЛР
Гл. бухгалтер

А.В. Олейник

В.В. Хорен
Н.И. Шакин

ПРОГРАММА
юбилейных торжеств
в Нижегородском
государственном университете,
посвященных 200-летию
со дня рождения
Николая Ивановича
Лобачевского
1 декабря 1992 г.

200

Нижний Новгород

Торжественный
запуск
суперкомпьютера
«Лобачевский».
2014 г.

The launch of the
supercomputer
“Lobachevsky”. 2014.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА
FURTHER READING

- Андронов А.А. Где и когда родился Н.И. Лобачевский (Записка о месте и дате рождения Н.И. Лобачевского) // Историко-математические исследования. 1956. № 9. С. 9–48.
- Бонола Р. Неевклидова геометрия: критико-историческое исследование ее развития / Пер. с итал. и предисл. А.Р. Кулишера; предисл. Г. Либмана. М.: URSS, 2010.
- Васильев А.В. Николай Иванович Лобачевский (1792–1856). М.: Наука, 1992.
- Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи: Альбом из нескольких портретов. Казань: Издательство Казанского университета, 2003.
- Вишневский В.В. Творческое наследие Н.И. Лобачевского и его роль в становлении и развитии Казанского университета. Казань: Издательство Казанского университета, 2006.
- Гайдук Ю.М. Дополнительные материалы к истории распространения идей Н.И. Лобачевского в России // Историко-математические исследования. 1956. № 9. С. 215–246.
- Гудков Д.А. Н.И. Лобачевский. Загадки биографии. Н. Новгород: Издательство Нижегородского университета, 1992.
- Каган В.Ф. Лобачевский. Изд. 2-е., доп. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1948.
- Каримуллин А.Г., Лаптев Б.Л. Что читал Н. И. Лобачевский: Записи книг и журналов, выданных Н.И. Лобачевскому из библиотеки Казанского университета / Под ред. В.В. Вишневского. Казань: Издательство Казанского университета, 1979.
- Ковалева Т.И., Филатов Н.Ф. Н.И. Лобачевский и Нижегородский край на рубеже XVIII–XIX столетий. Н. Новгород: Издательство Нижегородского университета, 1992.
- Колесников М.С. Лобачевский. М.: Молодая гвардия, 1965.
- Лаптев Б.Л. Н.И. Лобачевский и его геометрия. М.: Просвещение, 1976.
- Лаптев Б.Л. Николай Иванович Лобачевский, 1792–1856. Казань: Издательство Казанского государственного университета, 2001.
- Лахтин Л.К. О жизни и научных трудах Николая Ивановича Лобачевского (по поводу столетней годовщины дня его рождения) // Математический сборник. М., 1894. Т. 17, № 3. С. 474–493.
- Литвинова Е.Ф. Н.И. Лобачевский. Его жизнь и научная деятельность: биографический очерк. СПб.: Общественная польза, 1894.
- Лицис Н.А. Философское и научное значение идей Н.И. Лобачевского. Рига: Зинатне, 1976.
- Модзалевский Л.Б. Материалы для биографии Н.И. Лобачевского / Собр. и ред. Л.Б. Модзалевский. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1948.
- Н.И. Лобачевский. Сборник статей к 150-летию со дня рождения. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1943.
- Николай Иванович Лобачевский: историко-биографический сборник / Сост. Е.Н. Сосов и др.; под ред. З.С. Миннулина. Казань: Жиен, 2014.
- Норден А.П., Широков А.П. Наследие Н.И. Лобачевского и деятельность казанских геометров // Успехи математических наук. 1993. Т. 48. № 2 (290). С. 47–74.
- Полотовский Г.М. Очерки истории российской математики. Н. Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2015.
- Привалова Н.И. Дом, в котором родился Н.И. Лобачевский // Историко-математические исследования. 1956. № 9. С. 49–64.
- Федоренко Б.В. Некоторые сведения к биографии Н.И. Лобачевского // Историко-математические исследования. 1956. № 9. С. 65–76.
- Федоренко Б.В. Новые материалы к биографии Н.И. Лобачевского. Л.: Наука, 1988 (Серия «Научное наследство», Т. 12).

Составители:

Р.В. Голубин, Е.Н. Емельянова, И.С. Ильина, А.А. Кузнецов, А.Н. Маслов, А.В. Морохин,
Г.М. Полотовский, Н.А. Уткина

ВСЕЛЕННАЯ ЛОБАЧЕВСКОГО

К 100-летию Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского

Перевод на английский В.Н. Подгускова, Е.Б. Ходыревой
Дизайнер издания – Е.Н. Емельянова

Формат

Бумага мелованная, офсетная. Печать офсетная. Гарнитура PF Din Text Cond Pro

Уч. -изд. л. 8,1

Заказ № Тираж 1000 экз.

Издательство Нижегородского госуниверситета
им. Н.И. Лобачевского
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии Нижегородского госуниверситета
им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37
Тел. (831) 433-83-25